

Кристина Славина

Драконы любят

ПОГОРЯЧЕЕ

— Мужчина не извиняется перед женщиной, — мой муж кривит губы. — Это она должна извиниться, что осмелилась мне перечить... — Глупый мальчишка! — чеканит Харальд. — Ты уступишь своей королеве, и она сделает для тебя то же самое. Это и есть отношения! Верно, Ариана? — мужчина обращается ко мне, втягивая меня в разговор, который час назад я считала завершенным. На слова деверя я киваю. В теории его слова верны. Вот только теория отличается от моей реальности так же, как оборотень универсал от нормального волка. — Я извинюсь, — Ринхар исподлобья бросает взгляд то на старшего брата, то на меня, забившуюся в темный угол старой кофейни. — Но лишь потому, что чту наши традиции. Ты мой Старший. И я обязан тебе подчиниться...

Глава 1

— Рянка! — хрипит поблизости мужской голос. — Рянка!

Недовольная, поворачиваюсь на другой бок. Пытаюсь вернуться туда, где я вспарываю облака, густые и мягкие, будто взбитые сливки. Где дурманящий воздух свободы бьет в лицо, порождая внутри беззвучный, востороженный вопль! Где послушный моим желаниям дракон взмывает ввысь прежде, чем чувство оформилось в связную мысль...

— Чё дрыхнешь, когда постояльцы некормлены! А ну вставай, дурында ленивая! Гости сами себя не накормят!

Дракон ускользает в небеса, но перед этим бездушно сбрасывает меня в колючие шипы реальности.

В первый момент пробуждения пытаюсь понять, кому предназначены прозвучавшие слова. Кто позволяет с собой так грубо обращаться?

Не перечит, не возмущается. Будто так и надо.

Я бы за такое обращение пригрозила разбирательством с трудовой инспекцией. Или пообещала устроить знакомство с папой Мишей, самым сильным и грозным мужчиной среди цирковых коллег.

И вонь здесь такая, что дышать невозможно...

Черт, где я вообще?

Открываю глаза и различаю в полумраке, заполненном незнакомыми запахами и звуками, бородатого мужика, протягивающего ко мне огромную пятерню. Это от него, одетого в тряпье, смердит потом и не стираным бельем.

Я не успеваю задуматься, как в мою однушку на пятом этаже мог проникнуть бомж. Срабатывают рефлексы.

Нырнув под загребущие лапы, быстро спрыгиваю с кровати, случайно уронив мужика. Приземлившись на четвереньки, вскакиваю на ноги и кидаюсь к открытому дверному проему, за которым виднеются каменные стены, слышится человеческий говор и звуки губной гармошки.

Я не дома, это факт!

Успеваю сделать всего пару шагов, как ноги путаются в бесконечных, длинных юбках, и я падаю на колени.

Откуда на мне юбки, ёшки-матрешки? Сроду их не носила!

Начинаю быстро-быстро перебирать ногами и руками, чтобы успеть добраться до людей, пока меня не поймал бомж, но одежда, зараза, мешает двигаться быстро!

За моей спиной раздаётся кряхтение и зычный рев:

— Куды побЁгла! Перед народом меня позорить вздумала?! Стой, припадочная! А ну стой, говорю!

Внезапно меня скручивает болевой спазм. Его источник понять невозможно, потому что болит все одновременно. Будто каждую клеточку тела пытается изошренный, все сильный палач.

И хотя моему болевому порогу завидовали все коллеги поголовно, сочетание боли, неожиданности и ужаса я не в силах перенести молча.

Когда мой голос разрезает пространство, понимаю, что во время сна мой хриловатый альт поменяли на тонкое, высокое сопрано. От этого факта пугаюсь больше и ору еще

громче. Точнее, даже не ору... Пищу!

На мой писк собираются мужики. Краем глаза замечаю ряд грязных, поношенных сапог прямо перед собой, а чуть выше — залатанные, бесформенные штаны.

Я в логове бомжей?!

От накатившей паники окончательно дурею.

Словно сквозь туман, до меня доносятся голоса:

— Хорош мучить девку!

— Кончай уже!

И вдруг боль отпускает меня также внезапно, как и появилась.

Меня тут же выворачивает наизнанку.

Я, словно подкошенная, падаю на пол без сил, наплевав на то, что рядом содержимое моего желудка и что каменные плиты на полу высасывают последнее тепло из моего жалкого тела.

Боль ушла, но забрала с собой все силы. Закрываю глаза и жадно глотаю воздух. Пытаюсь отдышаться и соединить свое прошлое с настоящим. Соображаю лихорадочно, как я могла здесь очутиться.

Вчера поздним вечером мы с цирковыми отметили последнее представление в турне. Свое огненное шоу я отработала без единой помарки!

Помню поздравления в баре. Помню, что на радостях немного перебрала. Точно помню, как возвращалась домой на такси, а потом...

Вспышка, скрежет металла.

Я попала в аварию!

Тогда почему в момент пробуждения я не ощутила боли?

И почему я в замызганном трактире, а не в больничной палате?

В наступившей тишине раздается хриплый голос бородатого. Того, что тянулся ко мне в кровати.

— Что смотрите, будто я злыдень какой! Спятила девка, ясен пень! Совсем плоха стала. Я ее кормлю-пою, а она меня, своего благодетеля, тока позорит. По доброте душевной пригрел племяшку после смерти сестры. Теперь расплачиваюсь за свою доброту. Что мне с малахольной прикажете делать?

— Славно ты ее кормишь! — басит другой мужик. — Одни мощи остались.

— И то верно, — подтверждает другой. — Девка пашет на тебя, как раба. С утра до ночи на ногах. Неудивительно, что грохнулась в обморок посреди дня.

И снова звучит вкрадчивый голос того козла, что меня мучил:

— Вижу, вы люди добрые. Жалеете сиротинушку. Тады возьмите ее себе! Тока сначала возместите мне затраты. Всего двадцать золотых — и она вся ваша!

Что?!

От неожиданности забываю дышать.

Меня... Пытаются продать?!

Один предлагает, а другие... Молча раздумывают?

Вы не охренели часом, господа работорговцы?

Хотя сил не осталось ни грамма, поднимаюсь с пола и, цепляясь за засаленную дверную раму, встаю в полный рост.

При этом краем сознания отмечаю, что запястья у меня — кожа да кости, как у человека в последней стадии пищевого расстройства. На глаза наворачиваются злые слезы...

Смотрю в упор на бородатого мужика, что назвался моим дядькой. Мордастый, щекастый. Нос, характерный для алкоголика. Пузо отъел, как на сносях. Глазки пороссячи, так и бегают по сторонам — он не может выдержать мой пристальный взгляд, переминается с ноги на ногу, как утка.

— Я не позволю собой торговать, — говорю глухо, снова не узнавая свой голос. — Я свободный человек и уйду отсюда, когда пожелаю.

Придерживаясь за стену, делаю шаг в сторону выхода. При этом глаз не свожу с бородатой гадюки. Нутром чую: к такому опасно поворачиваться спиной. Надеюсь лишь, что он не посмеет цапнуть меня при свидетелях.

— Видите? — тот заискивающе оглядывает остальных, с непонятым выражением взирающих на меня. — Хотел по-хорошему, но с упрямой кобылой по-хорошему никак. Она тока розги понимает...

Он шепчет непонятные фразы, и все тело снова пронзает резкая боль. На сей раз эффекта неожиданности нет. Но, когда все мышцы тела скрючивает болевая судорога, устоять на ногах не получается.

Голова с глухим стуком приземляется на каменный пол. Свет меркнет в глазах, а темнота милосердно подхватывает истерзанное сознание и уносит в свою зыбучую колыбель.

Глава 2

Просыпаюсь под заунывное пение. Голос женский, старушечий. Хорошо, что не мужской.

Очень хорошо.

И запах здесь нормальный, деревенский. Так пахло летом в бабушкином доме. Деревом, шерстью, травами, едой. От аппетитных ароматов желудок начинает требовательно урчать, заставляя меня открыть глаза и осмотреться.

Так и есть. Я не дома. Но хотя бы не с бомжами.

Помещение, в котором я нахожусь, — настоящая изба, просторный сруб из цельных бревен. Здесь есть белая печь, где в чугунном котле булькает аппетитно пахнущее варево. В центре — грубо сколоченные, потемневшие от времени стол и две табуретки, на одной из которых вяжет что-то седовласая старушка, напевая под нос тягучие мотивы. Пара окошек дают достаточно света, поэтому непонятно, зачем зажжена лампа, по форме напоминающая керосиновую.

Я лежу на жесткой кровати. Наверно, из-за долгого лежания позвоночник ощущает каждую досочку под спиной. При этом чувствую я себя не так уж плохо, учитывая... обстоятельства.

Приложив небольшие усилия, мне удастся сесть. Сразу начинает кружиться голова, словно возражая против любого геройства.

— Где я? — спрашиваю у старушки хрипло.

В горле будто пустыня. Даже сглотнуть не получается.

— Оклемалась, родненькая? — начинает суетиться старушка, откладывая вязание. — Я тебя уж два дня как выхаживаю.

Прихрамывая, она проворно семенит к котелку, снимает крышку, зачерпывает в металлическую кружку варево и несет мне густой отвар. Отхлебнув глоток, различаю частички разваренных овощей. Хотя, казалось бы, кипятки должен меня обжечь, боли не чувствую. Пью жадно, захлеб, не в силах оторваться от кружки, пока на доньшке не остается ни капли.

— Спасибо, — искренне благодарю женщину, что заботливо помогает мне опуститься обратно на подушку.

От отвара и ее мягких, добрых прикосновений сразу становится легче.

— Да на здоровье! — скрипит она, двигая к кровати табуретку. — Твой дядя просил ему сразу сказать, как очнешься. Хочет тебя поскорее обратно забрать, чтоб ты опять постояльцам готовила да стирала. Только мы ему про тебя не скажем. Ты вона какая дохлая. Хоть денек еще отлежись!

В ее выцветших глазах отражается сочувствие, что помогает мне отчетливо вспомнить пытки, бомжа, и осознать, что они мне не приснились.

— Бабушка, миленькая! — жалобно стону. — Я не должна попасть к тому мужчине! Он мне не дядя.

— Так разве я против? Будь моя воля, ты была бы свободна. Это матушка твоя покойная удудила... — старушка вдруг хлопает себя по губам ладонью. — Ой. Нельзя про покойников худо говорить. Духов злить себе дороже.

Слова про покойную маму задевают за живое, и я с укором буравлю собеседницу

глазами. Разве можно живых обзывать мертвыми?!

Моя мама жива. По крайней мере, пару дней, когда я ей звонила, у нее все было нормально. Если можно нормальным назвать состояние, когда человек так и не поборол алкогольную зависимость.

Хотя... А вдруг, пока я тут валялась, она...

Запинаясь, спрашиваю:

— Когда она умерла?

— Давно уж, — махнула рукой старушка. — Годков прошло столько, сколько пальцев на моей руке.

Старушка кажется простодушной и искренней. Хотя здесь какая-то ошибка, она явно верит в свои слова. Наверно, путает с кем-то.

Впрочем, не так уж важно, во что она верит. Мне бы выбраться из этой глухомани, а уж дальше я как-нибудь доберусь до дома. Главное, раздобыть побольше информации о географии местности, просчитать варианты побега, раздобыть еды, воды — и вперед, к свободе!

— Бабушка, почему я не могу просто уйти? Как у того мужчины получается причинять мне боль без прикосновений?

— Как же он тебя измучил, Мариус окаянный, раз ты все на свете позабыла! — ахает старушка, не отрываясь от вязания. — Ну да ладно. Слушай, коли забыла. Матушка твоя, Алисия, перед смертью просила брата о тебе позаботиться. Тот отнекивался. Дескать, проблемы одни с девками. Тогда она предложила ему сделать печать опекуна.

— Это что? — на словах про печать опекуна в груди все холодеет.

Вот подпишешь бумагу у нотариусов, а потом всю жизнь расхлебывай последствия! Так моя мама однажды лишилась собственной квартиры...

— Это, детонька моя, — продолжает старушка, — взаимное обязательство, скрепленное с помощью мага, кровью твоей матушки, твоей кровью да твоего опекуна. Он обязался тебя кормить, поить, одевать. А взамен получил право тобой распоряжаться. Может наказать за непослушание. Может не выпустить из деревни. А коли так порешит, хоть всю жизнь в своей избе держать.

Стискаваю зубы.

Делим надвое ерунду про мага и кровь.

А вот ограничение передвижений — это уже серьезное препятствие для моего побега! Я начинаю потихоньку закипать.

— Послушайте, но это же невыносимо так жить! Я не пробовала за последние пять лет его... Эээ. Пристукнуть?

Старушку совершенно не смущает мой намек на членовредительство. Она, размеренно перебирая спицами, терпеливо объясняет:

— Ты не сможешь, родненькая, при всем желании ему навредить. Печать опекуна не позволит. Если пошалить только немного... Но коли разозлишь Мариуса, потом самой от него достанется.

— Значит, убить его я не могу. А он меня может? — продолжаю допытываться.

— Нет, Арианушка, душу твою погубить он не может. Магия опекуна не позволит. Соки из тебя сосать — это да, это он может. Вот поэтому ему пришлось тебя ко мне прислать, когда ты при смерти оказалась. Хотя жадный он до ужаса.

— Отрадно слышать, что до конца меня не убьют... — ситуация настолько абсурдна,

что сарказм из меня так и прет. — Как вы меня назвали?

— Арианушка. Ариана Микоф. Так тебя кличут... А что? Неужто имечко собственное запамятовала?

Только сейчас понимаю, что толстый боров умудрился испортить красивое имя. «Ариану» он превратил даже не в «Арианку», а в «Рянку».

— Я много чего забыла, ничего страшного, — отмахиваюсь. — Вы могли бы дать мне на минутку телефон? — с надеждой всматриваюсь в светло-серые глаза, но женщина лишь непонимающе качает головой.

— Ну... Как вы связываетесь с внешним миром? — развожу руками.

— С каким миром, родненькая? Мир у нас один, — растерянно бормочет старушка. — Чего с ним связываться-то?

Видя в глазах женщины искреннее недоумение, мне едва удается подавить нервный смех. Я уже задала кучу «странных» вопросов. Если начну хихикать без причины, старушка окончательно уверится в моем безумии и вряд ли захочет продолжить со мной общение. С трудом успокаиваюсь.

Я слышала про староверов.

Есть такие деревни в глубинке, в которых не используются достижения техники. Там до сих пор ездят на лошадях. И избы строят, чтобы в них жить, а не развлекать туристов. Наверно, меня угораздило попасть к староверам, владеющими основами гипноза. Звучит безумно, но по-другому вряд ли объяснишь увиденное.

— Али ты птиц почтовых имела в виду? Так у нас в деревне их сроду не водилось...

— Пожалуйста, — прошу, уже почти не надеясь. — Помогите мне сбежать от дяди!

— Не могу, родненькая, — качает женщина головой. — Я же не маг, чтобы снять с тебя печать.

— Как мне разыскать мага, который поможет?

— Никак, родненькая. Он помер в том году. Только он один и мог ее снять.

Глядя в ее добрые, жалостливые глаза, понимаю, почему с подобным выражением на меня смотрели мужчины в трактире.

Именно так взирают на существо, которое обречено на страдания. И помочь ему ничем нельзя.

Глава 3

Старушка уговаривает меня лежать и набираться сил. Я бы и рада поваляться в кровати, учитывая свое плачевное состояние. Но разве можно бездействовать, находясь, по сути, в рабстве у мерзавца?

Первым делом, прошу у доброй женщины вторую порцию ее варева. Судя по тонким ручкам и спичечным ножкам, меня уже давно морят голодом, а силы для побега ой как пригодятся!

Поев, медленно встаю на ноги. Конечности ватные и в коленках дрожат, но, к счастью, выдерживают вес тощего тела. Сейчас на мне ветхая сорочка и ненавистные юбки, сковывающие движения. От того, чтобы содрать с себя это старье, меня удерживает лишь мысль, что для меня может не найтись другой одежды.

Не спеша приближаюсь к керосинке, стоящей на столе, и долго смотрю на пламя.

Огонь меня с детства притягивал к себе. Единственная стихия, которую мне всегда хотелось то ли покорить, то ли с ней подружиться. И сейчас, глядя на теплый свет, чувствую, как мысли в голове разбредаются по полочкам. Как будто с мудрым другом беседую наедине.

— Али задумала чего неладное? — напрягается за спиной старушка.

И действительно. С чего бы мне пялиться в неудобной позе на источник огня?

— Где вы керосин берете, бабушка? — задумчиво спрашиваю, и женщина напрягается еще заметнее.

— А тебе зачем, родненькая? — теперь в ее голосе чувствуется неприкрытый страх. Не глупая, значит. Уловила мою логическую цепочку.

Пару секунд раздумываю, стоит ли сказать ей правду. Боюсь, если она не слышала про мобильные телефоны, то мой рассказ о надвигающемся на деревню огненном шоу она точно не воспримет в позитивном ключе.

Простой здравый смысл подсказывает: пора бы начинать врать. А кто я, собственно, такая чтобы спорить со здравым смыслом!

Вздохнув, произношу:

— У дяди керосин скоро закончится. Вот думаю... Если вдруг он напьется до беспамятства, и у нас керосина не будет, то где его брать? Я-то без него могу обойтись, а постояльцы начнут жаловаться. Мне же первой потом от дяди достанется.

— Ох, голубонька моя... За что тебе, бедной, такие напасти! — причитает она. — Все деревенские керосин у Косматого Тода покупают. На краю деревни. И огниво там же берем.

Подобным образом лукавлю дальше и капля за каплей собираю необходимую информацию. В конце нашего разговора с Марией, — так зовут добрую женщину знахарку, — узнаю, из чего в деревне делают факелы, сколько стоят цепи у кузнеца, и сможет ли он сделать металлический «веер». Еще узнаю, что кузнец тот любит захаживать в трактир «дяди» и пить в долг.

Узнаю также, что из музыкантов в деревне есть один только флейтист Фредрик, и что за кувшин бодрящего напитка он готов выступать в трактире хоть целый вечер.

Что же. Раз информация собрана, пора приступить к действию. Приняв жалобный вид, — с моей внешностью особо стараться не приходится! — канючу:

— Мария, миленькая, давайте прогуляемся по деревне? Я ведь многое позабыла. А то,

когда вернусь домой, дядя будет мне всякие поручения давать. Если скажу, что забыла, он решит, что я вру, и меня накажет.

Женщина, подумав немного, кивает. Накидывает на меня перештопанный балахон, сверху — платок шерстяной, весь в катышках. Превратив меня в добротное пугало, она осматривает результат, удовлетворенно крякает и выводит на улицу.

Я не знаю, почему моя спутница крепко держит меня под руку. Возможно, чтобы я не сбежала, но вероятнее все же, чтобы не свалилась.

Сил у меня так мало, что приходится каждый шаг буквально выжимать из уставшего тела. Если бы не спортивные навыки и не закалка с самого детства, я бы сдулась после первой сотни метров. Однако жесткие тренировки, что ковали мои мышцы, заодно и волю отточили на славу.

Оказавшись снаружи, с шумом втягиваю в себя свежайший воздух, наполненный звуками животных, людским говором, и запахом скошенной травы.

Все дома на длинной улочке срублены из деревьев. Не видно ни машин, ни кабельной тарелки, ни захудалой антенны... Зато на дальнем лугу пасутся коровы, мальчишки стаю гусей выгуливают, а по протоптанной главной дороге то и дело проезжает чья-то телега, запряженная лошадей. Я все больше убеждаюсь, что нахожусь среди старообрядцев, эдаких амишей по-русски.

Когда мы подходим к кузне, под предлогом «только одним глазком гляну — интересно же!» забегая внутрь. В помещении — кузнец и его подмастерье, готовящие инструменты к работе.

Довольно быстро уговариваю кузнеца смастерить несколько металлических предметов в счет уплаты его долга в трактире. Видимо, Ариану Микоф воспринимают здесь, как безвольное продолжение Мариуса. У сурового здоровяка даже мысли не возникает, что у меня может иметься свой собственный интерес к заказанным металлическим предметам.

— К вечеру сделаю, — бросает он деловито. — Дерик доставит изделия прямо в трактир. Тогда будем с Мариусом в расчете.

— Да. И, пожалуйста, пусть он передаст их мне прямо в руки, — улыбаюсь просительно. — Дядюшка велел его сегодня вечером не отвлекать по пустякам.

Когда выхожу из кузни к Марии, она ничего не подозревает. Присев на корточки, рассматривает железные дверцы для печи, выставленные на продажу прямо у кузни.

— Вот бы мне такую к своей печке приладить, — она мечтательно поглаживает рельефный металл, изображающий звездочку. Лицо, усыпанное старческой гречкой, будто даже разглаживается от морщин на несколько коротких мгновений.

Затем мы ненароком посещаем Фредрика, худосочного музыканта средних лет. С ним я тоже провожу беседу, в течение которой заручаюсь его обещанием выступить в трактире уже сегодня вечером. А потом...

Потом где-то на краю деревни раздается отчаянный женский крик. Затем еще один. И еще... И вот уже, мимо нас, задрав разноцветные сарафаны выше колен, мчится стайка визжащих женщин. За ними бегут голосащие дети. Мужчины дают деру молча, таким образом сохраняя некое подобие достоинства.

Я растерянно поворачиваюсь к Марии, хочу спросить, что происходит, и враз немею, увидев ее искаженное лицо.

Она смотрит в небо за моей спиной, и часто дышит, дрожа от страха.

Затем хватает меня за плечо и тянет куда-то...

Прежде, чем припустить за ней, задираю голову вверх, и вижу... Дракона, парящего в облаках! Самого настоящего. С пастью, свирепо разинутой, с шипами, торчащими по периметру шеи, с чешуей, отливающей на солнце сталью и крыльями, такими огромными, что тень от них ложится сразу на десяток домов.

Я несколько лет выступала в цирке, и чего только не навидалась! Иллюзий, фокусов, монстров на сцене... Если и научилась чему-то, так это отличать подделку от реальности! И сейчас вижу отлично, что дракон — не иллюзия.

Настоящий, стопроцентный монстр.

Несмотря на слабость, как могу спешу за Марией. Та тоже, хоть и хромает, быстро движется вместе с толпой к крупному, каменному зданию.

Теперь понимаю, почему жители ищут спасения именно здесь. Камень сжечь гораздо сложнее.

Мы вливаемся внутрь вместе с остальными напуганными жителями деревни, и, прижавшись друг к другу, сидим в укрытии, за считанные минуты набившемся людьми под завязку.

Здесь темно и тихо. Слышится учащенное, людское дыхание да чьи-то судорожные всхлипы.

Мария по-прежнему держит меня под руку. Ее глаза закрыты, пока она беззвучно шевелит губами. То ли молится, то ли выговаривает заклинания. Сколько времени мы так сидим — понятия не имею. Может, пять минут. Может, пол часа. Может, час.

— Пронесло! — вдруг раздается звонкий крик мальчишки, выглядывающего в дверную щель. — Улетел, перевертыш окаянный! Не спалил ничего, тварюга!

По помещению проносится всеобщий стон облегчения.

Кто-то радостно хохочет. Хотя смех сейчас звучит дико и неуместно, я понимаю того, кто смеется.

Я бы тоже была не прочь выплеснуть свои эмоции, однако изо всех сил держу себя в руках, чтобы не выглядеть безумной.

Сижу и обдумываю неутешительные выводы.

Теперь уже ясно, что попала я не к староверам, а в совершенно другой мир. И тело у меня тоже, кажется, чужое. Наверно, отдали мне самое неприглядное, когда их раздавали в небесной канцелярии.

— Вот ты где! — раздается вдруг знакомый хрип прямо в ухо. — Пора возвращаться домой. Роздых окончен, коза.

Несколько теплых слов от Марии, ее короткие объятия, и вот уже я, ковыляю за жадным до власти грубияном. Тот тяжелой поступью шагает впереди, то и дело бросая через плечо:

— Шевелись давай! Хватит болезную корчить! Из-за тебя мне пришлось разориться на кухарку. Думал, и сегодня ты проваляешься дурындой... У-у, знал бы я... Повезло тебе, никчемной!

Пока мужчина ворчит, я иду молча. С трудом за ним поспеваю. Ноги переставлять становится все тяжелее.

Твержу себе, как заклинание: доберусь до дома и передохну.

Однако переступив порог трактира, мысли об отдыхе отступают сами собой. Мне кажется, я попала в ад крошечный. В общем-то, это и есть настоящий ад для такой чистюли, как я.

Когда я была здесь в последний раз, то думала только о том, как отсюда удрать. К тому же, свет от керосиновой лампы скрывал многие недостатки.

А сейчас яркое солнце бьет в оконца и честно, без прикрас демонстрирует высокие, в паутине, потолки, грязные столы с присохшими остатками пищи, каменные плиты на полу, в которых, похоже, намертво въелась грязь. В целом, ощущение такое, будто я зашла в общественный туалет самой дырявой дыры в мире.

Для своей задумки мне необходимо превратить это место к вечеру... хотя бы в чистое. А если успею, то в уютное. Еще мне надо будет сбегать за керосином и подготовить инвентарь для выступления. Все эти мысли одной строкой пробегают в сознании, когда я поворачиваюсь к суровому «дяде», засучив рукава.

— Где тряпки, ведро, веник, вода?

— Ты опять под болезную косишь? Думаешь, поможет... — начинает тот, но, видимо, что-то читается в моих глазах, потому что на полуслове боров замолкает и тычет в дальний угол помещения.

Там я нахожу все необходимое для уборки и последующие часы, как заводная, подметаю, мою, скоблю, снова мою. Щедро поливаю водой единственные деревянные предметы в помещении — столы и скамьи. Чем больше жидкости в себя впитает древесина, тем меньше шансов останется на случайное возгорание.

В результате моих стараний, помещение потихоньку обретает нормальный вид. Конечно, это место далеко от привычных мне стандартов, но, по крайней мере, оно больше не вызывает отвращения.

Параллельно с уборкой, наблюдаю за перемещениями «дяди».

Когда тот понимает, что я увлечена делом, то расслабляется и уходит с наблюдательного поста. Сначала идет на кухню, откуда возвращается с бараньей ногой, — при виде мяса я чуть в слюне не захлебываюсь! — потом встает за барную стойку, чтобы хлебнуть какого-то пойла, а затем отправляется в одну из комнат на втором этаже.

Вот и правильно. Поел, попил — значит, надо поспать.

Примерно через пол часа его отсутствия, выскальзываю наружу и поспешно двигаюсь на край деревни за керосином и огнивом.

«Мариус просил записать на свой счет», — вру Косматому Тоду, и тот доверчиво протягивает мне наполненный керосином кожаный сосуд и кусок огнива.

Зажимая в руках добытые сокровища, мчусь обратно. «Мчусь» — это, конечно, сказано громко. Скорее, семеню. Причем от слабости то и дело кружится голова и временами меня заметно заносит в сторону.

Возвращаюсь назад к моменту, когда помощник кузнеца приносит в трактир все заказанные мною вещи. Придирчиво их осматриваю и остаюсь довольная.

Стопроцентное попадание!

Мариус все еще дрыхнет, его раскатистый храп слышен аж из-за двери. Поэтому с новым инвентарем отправляюсь на задний двор, кое-где вымощенный плоскими камнями, умоляя фортуна подсобить мне еще немного — пусть «дяде» приснится увлекательный сон, пока я готовлюсь к выступлению.

Задний двор окружен высоким деревянным частоколом. Надеюсь, у здешних соседей нет традиции подглядывать друг за другом через забор.

Сияю от предвкушения, когда прикрепляю к «веерам» пучки смолистой бересты, которую я отковыряла от ели во время прогулки с Марией. Остатки бересты прикручиваю к цепи — эта конструкция послужит мне вместо поев. Затем прячу принесенные вещи в тряпках и ведрах для уборки. Как я уже поняла, кроме меня, убираться в этом месте никто не спешит.

После этого вновь выхожу на задний двор и проверяю пригодность керосина для огненных плевков. Понюхав, ощущаю знакомый маслянистый запах, без всяких примесей. Беру в рот — вкус меня тоже устраивает. На поверхности плоского камня капаю несколько капель, и поджигаю. Горит ровно, даже довольно слабо, без всполохов. Хорошо.

Внезапно замечаю на коже запястья слабое свечение пламени!

Что? Я горю?

Черт!

Быстро прижимаю участок кожи к земле.

Огонь уходит, и я осматриваю горевшую поверхность руки. Странно... Не покраснела, не вздулась и не болит ни капельки, как раньше бывало.

Это как?

Я... не горю?! Я теперь несгораемый шкафчик?!

Бред.

Покачав головой, обещаю себе разобраться с этим попозже.

А пока приступаю к последнему пункту в своем плане. Чтобы не упасть в голодный обморок, захожу на кухню и отрезаю себе щедрый кусок хлеба. Я не знаю, как «дядя» контролирует еду, что здесь за правила, но я обязательно должна поесть. Огненное шоу требует предельной концентрации. Если совершу ошибку, то подожгу себя или устрою пожар. Так что между вероятным самовозгоранием и недовольством «дяди» выбираю последнее.

Итак, на закате в помещение заходят первые посетители, в числе которых вижу Фредрика. Мужчина, зажимая под мышкой струнный инструмент, скромно усаживается в уголок и дожидается от меня условленного сигнала.

Первым делом обслуживаю клиентов, таская им из кухни еды на подносе, а хозяин наливает им выпивку.

Когда в трактире набирается семеро посетителей, — по словам музыканта, это обычное число для каждого вечера, — я незаметно затягиваю волосы мокрой лентой и обрызгиваю себя водой. Затем машу Фредрику рукой, и помещение наполняет веселая, струнная музыка.

Играет он неплохо, в который раз заставляя поверить, что удача на моей стороне.

Пока Мариус со свирепым лицом идет разбираться с музыкантом, что выступает здесь без приглашения хозяина, я набираю в рот керосина, незаметно заготовленную, горящую лучинку подношу ко рту, и выдыхаю пламя наружу.

Все срабатывает идеально.

В зале смолкают пьяные разговоры, все посетители изумленно таращатся на меня, и хозяин пялится заодно с гостями. Только Фредрик продолжает играть, как мы заранее договаривались.

Все идет по плану, однако огненные номера гораздо эффектнее смотрятся в кромешной тьме, а тут несколько керосиновых ламп зажжены. О них я очень некстати забыла, и что теперь делать, не представляю.

Метаться во время выступления по залу и лампы гасить — совсем несолидно. К тому же, хозяин заведения мне этого точно не позволит.

— Рянка, — ревет Мариус из дальнего конца зала. — Ты чё это опять удумала? Или в прошлый раз тебе мало досталось?

— Угомонись, Мариус! — басит мужик за самым ближним ко мне столом и с размаху бацает пустой кружкой об стол. — Лучше выпить налей, пока у меня глотка не пересохла!

Мариус ворчит, но послушно отходит к барной стойке за бутылку, а я с досадой смотрю на самую ближнюю керосинку и всем сердцем желаю, чтобы она погасла... И вдруг ни с того, ни с сего лампа гаснет.

От такого удачного совпадения хочется рот разинуть от удивления, но я по профессиональной привычке откладываю все мысли и эмоции на потом.

Итак, одна лампа погасла. Что насчет остальных? Таким же макаром, исключительно силой желания, под нарастающий гомон аудитории тушу другие лампы.

Это ненормально и противоестественно, конечно, но в мире, где живут драконы, погасшие вовремя лампы — не самая странная вещь.

Повторяю трюк с плеванием еще разочек для тех, кто первый раз увидел не с самого начала конца. Во мгле он смотрится намного эффектнее, и зрители подтверждают это восторженными возгласами.

Затем беру самодельные пои. Зажигаю их и принимаюсь крутиться в такт музыке. Мои движения, когда плавные, когда резкие, — плод фантазии столичного хореографа. И хотя некоторые акробатические элементы пришлось исключить ввиду крайней хилости, надеюсь, публика оценит увиденное по достоинству.

К счастью, крепления достаточно прочные. Ничего во время представления не отлетает и не ломается.

Закончив с поями, зажигаю веера и вместе с ними принимаюсь кружиться по помещению.

Все идет прекрасно. Однако, вместо того, чтобы радоваться, я жалею о том, что чересчур осторожничала. Надо было заготовить комету! Огненный шлейф, плывущий по воздуху, пришелся бы очень кстати! Зря я боялась, что в новом месте с новым инвентарем трюк посложнее могу не осилить.

Мне так хочется заполучить керамический шнур в свои руки, что с трудом фокусируюсь на движениях! Я бы такие рисунки сейчас выписала кометой!

Внезапно из горячей бересты, которой оканчиваются кончики «вееров», отрываются тонкие, огненные ручейки и взлетают в воздух медленным фейерверком по типу кометы, только кометы неизвестного происхождения. Шесть ручейков медленно ползут вверх, к крыше.

Меня аж в пот бросает от накатившей паники! Крыша-то обычная, не каменная! Сгорит за милую душу!

«Исчезните!», — мысленно умоляю огненные ручейки, и те послушно растворяются в темноте, позволяя с облегчением выдохнуть.

Когда заканчиваю выступление, я по старой привычке кланяюсь публике, и она меня не подводит.

Мужчины свистят, улюлюкают, стучат по столам, громко выражая свое восхищение, пока я зажигаю керосинки самым банальным огнивом и лучинкой.

Раздаются одобрительные возгласы:

— Где ты выучилась огненной магии, добрая дева? Сколько живу, впервые вижу

огненного мага.

— Жаль, Рыжий Грег тебя не видел! Расскажу ему — сразу свататься прибежит!

— Эй, Мариус, готовь кошель! Скоро их много тебе понадобится для серебряных монет!

— Зуб даю, отбоя от клиентов не будет!

— Хотим повтора!

— Еще! Еще! Когда еще?

— Не девка, а сокровище! Может, жениться на тебе, золотце?

— Эй, наполни-ка мне кружку!

Краем глаза отмечаю, как Мариус то и дело вытирает со лба пот, не отрывая от меня взгляда.

Про себя злорадствую.

Робкой Арианы Микоф, которой привык помыкать ее жесткий «дядь», больше нет. Вместо затюканной девочки появилась огненная дева. Попробуй такой покомандуй!

Я тем временем подхожу к «дяде». Дожидаюсь, пока тот обслужит клиентов под оживленные разговоры, а затем начинаю переговоры:

— Я готова каждый вечер развлекать твоих клиентов.

В ответ — кривая ухмылка и взгляд на довольных клиентов.

— Как ты понимаешь, твоя прибыль возрастет.

Теперь поросычьи глазки пристально фокусируются на мне.

— Взамен я попрошу немного. Мне нужно нормальное питание, уважительное отношение и помощь по хозяйству... А, да. Еще придется платить кузнецу за инвентарь, Тоду за керосин и снабжать музыканта выпивкой.

Мариус, набычившись, буравит меня взглядом. В его глазах хорошо считывается борьба между жадностью к наживе и страхом потерять надо мной власть. В этой схватке нет победителей. Он бьет кулаком по столу и шипит:

— Ты будешь плевать огнями тогда, когда я прикажу. Кто ты такая, коза бодатая, чтобы ставить мне, своему благодетелю, условия?!

— У тебя каменный трактир, — обвожу задумчивым взглядом стены. — Но я знаю способ воспламенить камень. Если причинишь мне боль или оскорбишь, я сожгу все, что у тебя есть. Ты станешь нищим, — в темных глазах я читаю ужас, вызванный моими словами, — и пойдешь побираться.

— Врешь! — выдыхает он. — Не посмеешь благодетеля своего обидеть...

— Ты заставлял меня работать на износ и кормил хуже животных, — напоминаю спокойно. — Ты мне не благодетель.

— Я тебя в порошок сотру, коза драная! Я тебя... — мужчина повышает голос и сжимает крупные кулаки, но расслабляет их, когда пара мужчин поднимаются из-за столов, готовые вмешаться.

Мариус замолкает, и тогда я беру слово:

— Убить меня ты не сможешь. Хотя если бы и мог... Знай, я не держусь за полуголодное прозябание. Но если уж мне придется страдать, то только вместе с тобой.

— Ты... Ты... — «дядя» пыхтит от злости, но оскорбить меня не решается.

Кажется, до мужчины дошло, что у необдуманных слов бывают последствия. Чтобы закрепить результат, повторяю:

— Ты стоишь перед выбором. Если выберешь мучить меня, то готовься к нищете. Или

можешь относиться ко мне с уважением и грести денежки рекой. Что ты выберешь?

Он с неохотой выдавливает из себя «Деньги» и больше не смотрит мне в глаза.

Последний его взгляд мне совершенно не нравится. Поэтому, укладываясь спать поздно вечером, я прячу под подушкой кухонный нож.

Если что-то и стало понятно из сегодняшнего разговора, так это то, что расслабляться мне ни в коем случае нельзя.

На следующий день в трактире появилась кухарка, энергичная женщина в годах, и моя новая рутина пополнилась вкусной, домашней едой. Через несколько недель ее чудесной стряпни я перестала напоминать себе оживший скелет, когда случайно замечала свое отражение в стеклянных поверхностях. Тело постепенно принимало здоровые, спортивные очертания, отдаленно напоминая предыдущую версию меня.

В новом овале лица больше всего мне нравились ярко-голубые глаза. Будучи кареглазой брюнеткой, в прошлой жизни я почему-то всегда завидовала голубоглазым. Темно-русые волосы от хорошего питания быстро сделались блестящими, шелковистыми, а главное, перестали выпадать, как во время линьки.

Единственное, что меня не устраивало в новой внешности, — это пухлые губы, придававшие лицу чуть больше чувственности, чем мне бы хотелось. Но тут уж, как говорится, из песни слова не выкинуть. Я старалась держать рот всегда плотно сжатым и смотреть на всех построже, чтобы не вызывать ни у кого лишних мыслей.

Хотя, по правде говоря, у меня почти не оставалось времени на кого-то смотреть. Потому что свободное от уборки и «подай-принеси» время я оттачивала владение огненной магией. Книг о магии в деревне не имелось, как, собственно, и магов. Пришлось всему учиться самой, следуя инстинктам.

Все мои инстинкты, взламывая логику, буквально кричали, что огонь живой, что он ощущает меня, любит и реагирует на мои мысли. Уже зажженный, он послушно выполнял мои приказы, а вот создавать пламя из воздуха получилось далеко не сразу. Сначала я представляла в ладонях жар. Мысленно наращивала его интенсивность, а потом усилием воли «разжигала» нагретое пространство до реальных всполохов.

Со временем порождать огонь с нуля стало получаться за пару секунд, что позволило усложнить трюки на представлении. Неудивительно, что популярность моих вечерних выступлений росла день ото дня, как и благосостояние Мариуса.

Тот, зараза, моих усилий не ценил. Мужчина не смел бросить вызов мне в лицо, поэтому гадил исподтишка.

Как-то раз он сподобил здорового фермера Рыжего Грега зажать меня в углу темного сарая с весьма недвусмысленными намерениями. «Рянке уж больно по нраву всякое срамное», — нашептал «дядя» туповатому парню, который несказанно удивился моему бурному у отпору. Думаю, смачные фингалы, что появились вскоре на щекастой физиономии Мариуса, достались ему от разозленного Грега!

В другой раз мужчина уговорил кухарку приготовить мне пирог со сморчками, дескать, способствующих развитию магии. Не знаю, можно ли рвоту назвать магией... Наверно, можно, но с очень большой натяжкой.

После съеденного пирога я три дня пролежала у Марии, предаваясь магии очистки организма. К счастью, знахарка и на сей раз меня выходила.

В благодарность я сразу же отправилась к кузнецу и попросила доставить доброй женщине самую дорогую дверцу для печки, которой та однажды любовалась. «Дядя Мариус просил записать на свой счет», — злорадно пропела я привычную фразу.

В конце концов, поразмыслив, я поняла, что больше так продолжаться не может. Жить в состоянии хронической войны я не намерена.

Хотя мои нервы способны выдержать подобный стресс какое-то время, но выдержит ли его организм? Убить меня Мариус не может, а вот покалечить — запросто. Я все больше утверждалась в мысли, что побег — мой единственный выход уцелеть.

Я решила по чуть-чуть откладывать медленно портящиеся продукты, чтобы подготовиться к побегу. Но для этого надо было сделать тайник. В редкие, свободные минутки я осматривала комнату, в которой спала, чтобы оборудовать там потайное местечко. Можно было бы выковырять камень покрупнее из стенки, затем еще один — и тайник готов!

Мне показалось, что в самом ближнем к кровати углу камень держится совсем неплотно. Стоило чуть-чуть подцепить булыжник, и он практически вывалился сам. А за ним... Я обнаружила за ним пустое пространство!

Точнее говоря, оно было не совсем пустым. Там лежала небольшая тетрадь, вдоль и поперек исписанная аккуратно выведенными закорючками. Листы были влажными, но вполне хорошо сохранились. Надписи не размазались. Откуда-то появилась уверенность, что эта тетрадка осталась от предыдущей хозяйки тела.

Я пообещала себе прочесть записи, когда у меня будет для этого время и силы. Засунула тетрадь в мешок, куда собиралась складывать вещи для побега, мешок — в настенную дыру и задвинула обратно камень.

В один прекрасный день собравшись с духом, я взяла свои заготовки, флягу с водой и направилась на край деревни. Дошла до последнего двора и... с размаху врезалась в невидимую стену. Твердый наощупь сгусток энергии протянулся на многие десятки, а то и сотни метров по периметру деревни.

Напрасно я пыталась напарить брешь, стучала по преграде кулаком, ногами пинала. Твердая невидимая стена с легкостью выдерживала мой напор, а вот брошенный мною камень пролетел сквозь нее беспрепятственно. Пришлось вернуться в трактир несолоно хлебавши.

Мне показалось, весь остаток дня «дядя» смотрел на меня чересчур пристально. Будто догадывался, что я собиралась покинуть деревню.

Обычно после раздачи завтрака постояльцам у меня оставалось около часа свободного времени, которое я тратила на отработку трюков. Но после своего неудавшегося побега я побитой дворнягой побрела к Марии за утешением. Мешок для побега тоже взяла с собой. Решила угостить сворованными запасами добрую женщину, раз для побега они не пригодятся.

Пока хозяйка избы заваривала нам травяной чай в небольшой кастрюльке, я устроилась на скрипучей табуретке и принялась жаловаться:

— Вот скажи, бабушка, почему дядя так меня ненавидит? Что я ему сделала? Такое ощущение, что он решил меня извести. Травит, как крысу. И главное за что?! За то, что я деньги в кассу приношу или в хозяйстве помогаю? Или за то, что его клиентов обслуживаю, не жалея ног?

— Ничего ты ему плохого не делала, доченька, — успокаивающе бормочет старушка, ловко разливая чай в металлические кружки. — Сердце у него злое. Потому и радуется, когда другим плохо.

— Не бывает так, чтобы один человек ненавидел другого без причины, — продолжаю ныть. — Вот что он ко мне прицепился? На той неделе Рыжего Грега на меня науськивал. На этой — сморчками отравил. А в следующем месяце он мне палец отрежет? Или столкнет с

лестницы и хребет сломает, чтобы я в калеку превратилась?

— Бежать тебя надо, родненькая. Бежать, — отчетливо произносит Мария, усаживаясь напротив меня. — Иначе пропадешь. Вот и весь сказ.

— Я уже попробовала вчера, — отпиваю горячий чай. Его пряный аромат действует на меня успокаивающе. Наверно, специальный сбор для впадающих в депрессию. — Меня невидимая стена не пускает.

— Не стена это. Печать опекуна тебя держит. Эту печать убрать нельзя. Только передать... Слушай меня, девонька, — Мария понижает голос, хотя в избе мы находимся одни, и, опираясь на стол, наклоняется ко мне поближе. — Тебе замуж надобно выйти. Чтобы печать твоя от дяди к мужу перешла. Или учиться пойти. Пока учишься, печать твоему наставнику достанется. Мариус будет над тобой бессилён на время учебы.

— Замуж не пойду, — содрогаюсь при мысли попасть в сексуальное рабство к мужчине. — А вот учиться — с удовольствием! Только как мне добраться до школы, если мне даже за пределы деревни не выйти?

— Есть школы, куда из любой точки мира можно портал сделать. Главное, верные слова произнести. Хотя опасно это... — женщина замолкает, прижимая руки к груди.

— Портал? — с сомнением качаю головой.

Огненную магию я освоила с легкостью. И все-таки пару раз оконфузилась, когда случайно подпала скамью и пустую бочку.

А тут на кону стоит перенос собственного тела в пространстве. Причем без особой практики. Вдруг что-то пойдет не так? Вдруг моя рука останется тут, а остальное тело отправится в школу?

На этой картинке меня окончательно охватывает паника, и я торопливо, большими глотками допиваю остаток успокоительно чая. Мария тем временем объясняет:

— Выбор у тебя небольшой, девонька. Только в академии магии прием идет круглый год. В других школах... Даже не знаю, возьмут ли тебя.

— Почему это меня могут не взять? — вспыхиваю, слегка уязвленная.

— Прием уж давно закончился.

— А почему тогда в академию магии принимают учеников круглый год?

— Слишком мало желающих. Опасное это дело, девонька. Если бы не твой дядька, лютый зверюга, я бы тебе не советовала даже думать в ту сторону... Не знаю. Стоит ли головой своей рисковать?

В памяти возникает Мариус, его тяжелый, черный взгляд, и я киваю. Лучше уж рисковать, занимаясь магией, чем оставаясь под одной крышей с дядей садистом.

— Ну, значит, так тому и быть. Да уберегут тебя духи предков на твоём пути! — она поднимается с табуретки, пихает мне в колени мой мешок, который я машинально оставила на деревянном сундуке, и откидывает крышку сундука.

Оттуда достает пожелтевшие листки. Порывшись в стопке ветхих бумаг, отделяет один лист и торжествующе им трясет:

— Вот оно. Заклинание для портала!

Беру протянутый лист и всматриваюсь в затейливые черные закорючки. Успеваю удивиться, откуда мне известны странные буквы, пока читаю написанное вслух. Когда произношу последний звук, возвращаю бумагу Марии. Стою и наблюдаю с замиранием сердца, как пространство рядом со мной начинает шипеть и вибрировать. Оно будто сжимается, уплотняется в длинный овал, оставляя его полым внутри, как в бублике.

В овальном проеме, виднеется совсем другая комната. Слышны голоса, и они, черт побери, мужские и очень сердитые!

— ...охотники на оборотней.

— Но их у нас нет, Харальд! Упрямый вы человек, раз не желаете понять простейшие вещи!

— Берите, где хотите. Вы в ответе за единственное учебное заведение, выпускающее охотников на нечисть. Ну так выпускайте! Или скоро мои деревни опустеют по вашей вине.

— Я не собираюсь посылать своих учеников на верную смерть. Те двое, что я послал вам недавно, уже мертвы...

С испугом поворачиваюсь к Марии, встревоженно открывшей рот и прижимающей руку к груди. В ее светло-серых глазах читаю не меньше страха за меня, чем плещется в моей собственной груди.

Мелко мотаю головой и шепчу:

— Что-то мне туда не хочется...

Вдруг из овала высовывается чья-то рука, с силой хватая за плечо и одним рывком затаскивает меня, совершенно растерянную, в параллельное пространство. Дыра за мной тут же схлопывается, как мгновенно затянувшаяся рана, и я оказываюсь в светлом, просторном кабинете, заставленном темной, массивной мебелью.

Нахал, затащивший меня в портал, тут же отпускает плечо. Он выше меня на пол головы и намного шире, хотя при этом выглядит стройным. В каждом движении — странное сочетание силы и грации. Короткая, темная стрижка, резкие черты лица и тяжелый, колючий взгляд. На вид ему около тридцати, но по взгляду дашь все сорок.

Мужчина одет в темно-синюю куртку и темные штаны. И хотя одежда выглядит скромно, я уже научилась разбираться в качестве здешних тканей, поэтому понимаю, что стоит она целое состояние.

— Что тебе надо, дева? — стальным голосом он обрезает ход моих мыслей. — Ты вклинилась в чужой разговор. Говори быстрее и уходи.

Стою и, как немая рыба, открываю рот.

Говорить... Что говорить?

«Как ты посмел меня втянуть сюда, пока я сомневалась?» Или все-таки: «Мне надо поступить в магическую академию. Где здесь директор?» Или «Будьте любезны, помогите

мне вернуться в собственный мир»? Или: «Где здесь полицейский участок? Я бы хотела написать заявления на дядю, который меня магически истязает»

Взволнованно тискаю в пальцах мешковину, только сейчас осознав, что прихватила с собой еду, а заклинания для возвращения к Марии, я не взяла.

Получается, улетела с билетом в один конец.

За моей спиной раздается низкий, рокочущий голос:

— Харальд, поступающие — это по моей части. Не вмешивайтесь. В противном случае попрошу вас покинуть мой кабинет.

Невоспитанный гость выставляет перед собой открытые ладони и медленно кивает, тем самым соглашаясь молчать. Затем отступает к светло-бежевой стене и, опираясь на нее, складывает руки на груди. Принимает классическую позу наблюдателя.

Я поворачиваюсь к человеку, что назвался ответственным за прием учеников. Вижу склонившегося над столом пожилого, но очень по-спортивному пожилого, мужчину. Элегантный, подтянутый, седовласый, с короткой, идущей ему стрижкой, он отличается от стариков, к которым я привыкла в деревне, как японская Осака от трущоб Калькутты.

— Ваше имя, уважаемая? — он раскладывает перед собой бумагу, берет перо и готовится писать.

— Ариана Микоф, — произношу неуверенно.

На этот вопрос я всю жизнь отвечала «Варвара Державина». Однако у чужого тела свое имя, и новый мир диктует свои правила.

Услышав мой ответ, мужчина откладывает длинное перо, выпрямляется и задумчиво произносит:

— Я вижу в вас огромный потенциал, Ариана. Признаюсь честно, столь одаренных учеников к нам давненько не поступало. Однако на вашем имени стоит печать опекуна, а это несколько усложняет дело. Мы можем вас принять лишь с согласия опекуна, но, судя по вашему растерянному виду, никакого согласия он не давал, так ведь? — мужчина с иронией приподнимает левую бровь.

— Неужели его согласие так необходимо? — развожу руками, отчаянно удерживая слезы. — Я вполне взрослая. Могу самостоятельно принимать решения.

— Единственное место, куда мы имеем право принимать учеников без согласия опекуна, — это факультет боевой магии. Отделение охотников на нечисть. И то... только потому, что охотников нам отчаянно не хватает. Вы понимаете, почему их не хватает, уважаемая Ариана? — спрашивает ректор, склонив голову и внимательно отслеживая мою реакцию. — Оборотни универсалы убивают наших магов, как кошки мышат. Хотите стать очередной мышкой?

За моей спиной раздается резкий смешок.

— Вам не терпится что-то сказать? — хмурится седовласый, обращаясь к посетителю.

— Вы отговариваете поступать эту милую деву! — указывает на меня Харальд — кажется, так зовут богатого выскочку. — То есть сначала вы разбрасываетесь потенциальными учениками, а потом лицемерно жалуетесь, что некому прищучить оборотней универсалов. Честно признайтесь, Старфад! Вы не заинтересованы в выпускниках, потому что жалеете магов охотников больше, чем простых мирян.

— Как вы смеете, Вейзер! Я четко выполняю все предписания Высшего Магического Совета, — ректор встает прямо перед наглецом и буравит его сердитым взглядом. — Немедленно покиньте мой кабинет. Я сыт по горло вашими претензиями.

Дерзкий гость явно не торопится уходить. Выпрямляется и отвечает таким же яростным взглядом. Воздух наэлектризован злостью двух мужчин, даже запах озона ощущается, когда вдыхаешь поглубже. И от пола исходит легкая вибрация.

Я услышала достаточно, чтобы начать понимать происходящее. Кажется, Харальд пытается уговорить ректора меня принять, чтобы спасти свои деревни от нечисти. Тот меня принимать не желает, потому что жалеет. Ведь на единственном, доступном мне факультете, слишком высокая смертность выпускников.

Интересно, а отказал бы меня этот седовласый мужчина, если бы знал, как дядя меня исподтишка сморчками травит? Да мой дядя — самый настоящий оборотень! Для остальных он респектабельный владелец трактира, а по сути — грубый садист. Жить с нелюдем — то еще удовольствие. Лучше уж на них охотиться.

Из моих пересохших губ вырывается:

— Я согласна учиться на факультете боевой магии. Чтобы бороться с нечистью.

— Вот как... — тяжело вздыхает седовласый. — Вы же знаете, Ариана Микоф, что после учебы обязуетесь в течении трех лет применять свои знания на практике?

Я киваю, хотя три года обязательной отработки являются для меня новостью.

Ректор отводит взгляд и скорбно сжимает тонкий рот. Он будто провожает меня в загробный мир. Становится страшно, и на секунду хочется пойти на попятную, но я запрещаю себе об этом думать.

Если мне суждено прожить недолго в новом теле, то пусть отведенное мне время хотя бы пройдет с пользой. К тому же, за последние пятнадцать минут я ощутила к себе больше уважения, чем за предыдущие несколько недель. После этого возвращаться к униженному прозябанию рядом с жестоким "дядей" я не готова.

Мы быстро справляемся с бумажными формальностями. Видимо, я, одетая в ветошь, выгляжу безграмотной невеждой, потому что все бумаги заполняет ректор. От меня требуется только капнуть кровушки в графе «подпись», после чего мужчина складывает документы в папку, выпрямляется и обещает:

— Мы сообщим вашему дяде, что отныне вы находитесь под нашей опекой, — затем, заметно понизив голос, добавляет: — Не беспокойтесь, уважаемая. Ваш родственник до вас не дотянется.

— А что, он пытался... дотянуться? — лепечу, в панике втягивая голову в плечи.

Мне казалось, на расстоянии у дяди нет надо мной власти. Становится жутко при мысли о том, что он в любой момент суток сможет бомбить меня болью. Ответ ректора, произнесенный с небрежной улыбкой, меня окончательно добивает:

— Мне пришлось поставить вам щит от болевых заклятий, когда хорошая порция боли понеслась вам вдогонку с той стороны портала.

— А он надежный, ваш щит? — обхватываю себя руками.

Сразу становится зябко и неудобно.

Черт побери этого Мариуса, мстительного, злобного редиску!

— Видите ли, — рассуждает вполголоса ректор, — крепость щита больше не важна. С момента приема в ряды наших учащихся я становлюсь вашим официальным опекуном. Поэтому заклятия предыдущего опекуна на вас больше не действуют. По крайней мере, пока вы у нас учитесь.

— Она вообще когда-нибудь закончится, эта печать?

— Не переживайте, уважаемая. Когда исполнится двадцать один, действие печати закончится. Осталось каких-то три года.

— Это просто райская музыка для моих ушей, — с облегчением выдыхаю.

— Какая музыка, простите? — не понимает ректор, и я быстро поправляюсь:

— Это чудесная новость. Спасибо вам большое!

Хочется расцеловать этого милого старичка! Как же повезло, что я окружена добрыми людьми, да еще и профессионалами, способными помочь мне в магической беде!

Когда выхожу из кабинета, мой взгляд случайно падает на Харальда, по-прежнему наблюдающему за мной у стены, и тот едва заметно мне кивает:

— До встречи, Охотница!

От такого прощания меня пронзает дрожь.

Видеться с человеком, у которого боевые маги мрут в деревне, как мухи, нет никакого желания...

Впрочем, я быстро забываю о Харальде перед лицом других неприятностей.

Мне думалось, я неплохо восстановила физическую форму к моменту поступления, раз могла интенсивно двигаться и при этом долго не уставать. Однако на поверку оказывается, что я в разы слабее остальных учащихся.

Всего на факультете боевой магии учится два десятка парней и девушек. Большинство собирается работать либо на границе, либо в армии. Самые честолюбивые мечтают попасть в охрану к какому-нибудь знатному лорду. Учитывая, что войны в стране не было лет сто, а на лордов покушаться не смеют, моим сокурсникам предстоит в будущем спокойная,

непыльная работенка.

В отделении борьбы с нечистью обучаются всего двое. Я да один здоровенный парень со смешным именем Клей Серыш. Несмотря на имечко, внешность у него внушительная — сплошные мышцы, как у профессионального качка, и чисто выбритый, бугристый череп. Испещренное шрамами лицо такое серьезное и мрачное, что первые дни я побаиваюсь даже смотреть в его сторону.

Нам с Клеем достаются самые жесткие уроки. «Ради вашей же пользы», — поясняют учителя. — «Нелюдь с вами церемониться не станет!»

Встаем мы на полтора часа раньше других, и до начала уроков занимаемся физ подготовкой. Бег с препятствиям, прыжки в высоту, лазанье по деревьям, канатам, стрельба из лука, плавание, верховая езда, борьба на палках и мечех — всего и не перечислишь.

Многому я учусь с нуля. Поэтому безмерно благодарна Клею, что тот надо мной не подтрунивает, когда первые стрелы я запускаю в траву у своих ног, а на коня взбираюсь чуть ли не со стремянкой. Наоборот, парень ненавязчиво помогает мне освоить правильную верховую осанку и подсказывает, как эффективнее целиться.

С каждым днем мне все больше убеждаюсь, что он относится ко мне, как к младшей сестре. Опекает, оберегает, как может. Вскоре я и сама принимаю его, как старшего брата, и перестая мандражировать в его присутствии.

После физ подготовки, взмыленные и растрепанные, — последнее, правда, относится только ко мне, — мы направляемся в классную комнату, где изучаем основы боевой магии вместе с остальными ребятами, недавно выползшими из теплых постелек.

Затем сытно завтракаем и тащимся на полигон, где оттачиваем на практике полученные знания. Метаем огненные шары, делаем дымовые завесы, создаем водяные вихри...

На подобные магические фокусы уходит куча энергии, а будет ли от них польза на поле боя, остается большим вопросом.

В дымовой завесе я слепну вместе с врагом. Огненными шарами метаться в лесу и вовсе запрещено, чтобы не спалить окрестности. Ну а водяные вихри бестолково кружат по полигону, одинаково мешая и мне, и моему противнику.

Вот и спрашивается, как эта магия поможет в бою? Скорее уж подойдет для цирковых представлений!

Подружившись с однокурсниками, узнаю, что немногим удастся овладеть собственной стихией. Большинство боевых магов осваивают в академии ровно столько, сколько покажет учитель.

Но, случись с кем-нибудь нестандартная ситуация, куда не впишутся вызубренные заклинания, — и тяжелая крышка с прощальными рунами навсегда закроет невезучего мага в стальном гробу.

Среди моих новых друзей всего несколько учеников с такой связью. Двум молоденьким сестрам из приморского городка удалось наладить связь с водой, и теперь девушки забавляются, обливая парней в конце учебного дня. В качестве сдачи невысокие, крепкие степняки, овладевшие стихией воздуха, лохматят сестрам их сложные прически. С огненной стихией дружу я одна, чем вызываю почему-то всеобщее уважение.

«Самая мощная стихия!» «Редкий дар», — частенько звучит мне в лицо. «Жаль, что Ари недолго будет ей пользоваться» — эту фразу уже произносят потише и за моей спиной.

Я стараюсь сразу выкидывать услышанное из головы.

Не однокурсникам же определять дату моей смерти!

После уроков боевой магии все торопятся свои комнаты отдохнуть перед вечерними боями, а мы с Клеем плетемся на урок по нечисти.

Наши преподаватели создают объемные визуализации со звуком и запахом, чтобы нагляднее донести материал. Мы будто смотрим цветную пятидэшную документалку... очень вонючую, правда. Ведь нелюдь, к сожалению, отнюдь не розами пахнет.

Через несколько месяцев обучения у меня возникает чувство, что информация доносится до нас бестолковыми кусками, будто хаотично выдранная из книги.

Не совсем понятно, к примеру, зачем три недели подряд нам талдычат про особенности русалок, если в здешних краях они давно повymiрали. Кровососов тоже не осталось с тех пор, как великий маг прошлого столетия, Артуш Огненный, уничтожил крупные гнезда. В одиночку, без поддержки гнезда, остатки вампиров быстро передохли. Несмотря на их отсутствие, мы прилежно впитываем в себя информацию об их повадках в течение целого месяца.

А весь последующий месяц обсуждаем восставших (зомбиков), хотя с помощью штрафов и арестов некромантов давно уже научили ответственности. Если те и поднимают кого-то, то тщательно присматривают за своими подопечными, пока не уложат обратно в могилы.

Избовые (домовые), неупокоенные (полтергейсты), демоны... Несмотря на мизерный шанс с ними встретиться, мы с Клеем прилежно зубрим заклинания и запоминаем, как с ними бороться.

А вот про оборотней, которых сейчас развелось видимо-невидимо, нам известно меньше всего, и причина тому довольна проста.

Пока оборотень находится в ипостаси человека, — а он может находиться в ней по много дней кряду — его невозможно отличить от обычных людей. Когда же принимает ипостась животного, то мало чем отличается от зверя, разве что аномально агрессивен. Ему охота жрать мясо, помечать территорию, убивать все, что движется, и размножаться.

Говорят, есть особи, что живут в глухих лесах или высоко в горах, специально чтобы не пересекаться с людьми. Встреча с такими маловероятна. Специально их, безвредных, разыскивать и вступать с ними в бой, нет смысла. Наша цель — выслеживать и убивать агрессоров, из числа тех, что нападают на людей.

Крупными оборотнями считаются волки, медведи и снежные барсы. Их можно парализовать особым заклинанием, вот только это заклинание требует тактического контакта. Попробуй вспомни и произнеси без ошибки длинную фразу, пока хищник пытается тебя растерзать!

Можно, конечно, и не доводить до тактильного контакта, а попытаться сжечь перекидыша огненным шаром. Однако делать это разрешается на открытой местности, чтобы охота не закончилась пожаром.

В общем-то, способов расправы с оборотнями немного, каждый из них имеет свои ограничения и работают они не со всеми.

Драконы, к примеру, по лесу не бродят, а предпочитают открытую местность в силу своих икс эль размеров. Здесь бы отлично подошел огненный шар, но, к несчастью, ящеры не боятся огня, а парализующее заклятие не способно сдержать их мощь даже во время прикосновения. На ловушки у них особый нюх. Убить их практически невозможно. При этом своим огненным дыханием драконы выжигают целые деревни, леса и даже города.

Не менее опасными, чем драконы, считаются оборотни универсалы, имеющие несколько ипостасей, и умеющие перекидываться из одного вида в другой за считанные

секунды. Вот так погонишься за лисой, а она на бегу превратится в лапушку гризли...

Про универсалов наши преподаватели вообще ничего не знают. Откуда они берутся? Почему их мало? Есть ли у них слабые места?

Говорят, давным-давно были в архивах какие-то материалы, но однажды случился пожар и все книги сгорели.

Словом, полезной информации мало, от практики почти нет пользы, враг опасен. И хотя нас готовят интенсивно к концу годового курса я все лучше начинаю понимать, почему охотники на нечисть мрут, как мухи.

Когда окончательно осознаю, что я никогда не буду готова для встречи с оборотнем при таком обучении, ректор вызывает нас с Клеем в свой кабинет. Господин Старфад выглядит мрачным. При нашем появлении тут же встает из-за стола и прихрамывая направляется к нам. Какое-то время молчит. Затем торжественно заявляет:

— Как вы знаете, уважаемые, у выпускников вашего факультета высокая смертность. Вчера наш преподавательский состав решил, что одной из причин является недостаток опыта... Вы, так сказать, слишком мало пересекаетесь с нечистью. Выпускаться вам совсем скоро, так что будем наверстывать. Сегодня вечером состоится ваша первая вылазка в Лес Забвения. Я буду сопровождающим. Это, собственно, все новости. Готовьтесь. Настраивайтесь. Уроки на сегодня отменяются.

Что? Лес Забвения?!

Сегодня вечером?!

Мы с Клеем переглядываемся и, не сговариваясь, мотаем головами. Простите, господин ректор, но мы на такое не подписывались.

Харальд

— Куда? — при виде встающего брата голос Харальда завибрировал от напряжения.

— Куда, куда... — в голубых глазах Ринхара разгорался бунтарский блеск. — Чтобы сходить в уборную, мне теперь нужно твое дозволение, Старший?

Высокий, крепкий, осанистый, совсем уже взрослый, даже бороду отрастил, чтобы подчеркнуть зрелость. Он стоял рядом с обеденным столом, уставленным мясными блюдами и украшенным яркими ветками алых ягод. Всем своим видом показывал, что отныне не собирается следовать правилам.

Дождаться формального окончания ужина, когда Старший Вейзер первым встанет из-за стола — пф, зачем? Ведь он, Ринхар, выше нудных традиций клановой иерархии.

Глупый мальчишка...

Харальд сплел на столе руки и спокойно констатировал:

— Дерзишь.

— Да ну! — брат склонил голову набок, прищурился, будто брал на прицел из арбалета. — Неожиданно, да? Держишь меня в клетке. Каждый вздох — с твоего согласия. И еще удивляешься, что я бунтую?

Пальцы сами собой сжались в кулаки, а по коже побежала мелкая рябь. Волевым усилием Харальд сдержал обращение.

Не хватало еще обернуться ящером в собственном замке, среди слуг. Вон, Таира уже входила в обеденный зал с новой бутылью из погреба.

Разливая напиток в высокие кубки, служанка тревожно посматривала на двух братьев, что в последнее время ссорились все чаще. Инстинктивно она чувствовала опасность. Под учащенное сердцебиение поставила бутыль на стол и добавила шагу, торопясь к выходу.

Бездна. Пугать прислугу...

— Сядь! — коротким кивком Харальд указал брату на металлический стул за другим концом продолговатого, каменного стола.

— А что ты сделаешь, если не сяду? — мощные ноги Младший расставил пошире, крепче вжал в каменный пол, будто готовясь устоять в предстоящей схватке. — Посадишь в клетку? Во вторую? Ту, что покрепче?

Харальд едва заметно потянул хребет, позволил когтям несильно выйти наружу и вонзиться в каменный стол. Зверь, запертый внутри на время поездки, истомился за недели в неволе, и теперь рвался наружу с той же силой, с какой Ринхар стремился выйти из-под контроля.

Нет, все его чувства прекрасно понятны, даже слишком. И тем не менее, есть бездна причин держать парня в узде.

— Еще одно слово поперек — и ты едешь в Межгорию. Без всякого промедления.

Слова старшего Вейзера прозвучали негромко, но попали в цель. Ринхар повыше задрал упрямый подбородок, однако в глазах появился обреченный огонек:

— Даже так?

В Межгорию, к суровому Вальдемару ему совершенно не хотелось. Однако Младший не сдался, по привычке начал давить на жалость:

— Избавиться хочешь? Надоел тебе? Был бы отец жив...

— Довольно! — Харальд взмахнул рукой в предупреждающем жесте. — После смерти отца нам обоим было непросто. Я позволил тебе оплакивать его так, как ты того желал. Но с меня хватит твоих закидонов. Настала пора повзростеть, Ринхар. Либо ты подчинишься моему слову, либо поедешь к Вольдемару. Решай сам.

Медленно, с вызовом глядя в глаза, Младший уселся на стул в противоположном конце стола.

Напряженно скривил рот:

— Изволь. Я сажу.

Он сделал ровно столько, чтобы его не отослали. Но при этом ясно показал, что до полного повиновения тут далеко.

Проклятье!

Сколько еще брат будет испытывать его терпение?!

Когда Таира вышла из зала, и на этаже не осталось ни единой человеческой души, Харальд плюнул на иерархию, предпринял очередную, отчаянную попытку достучаться:

— Прошу, давай оставим глупые распри и поддержим друг друга, как раньше. Как положено родным братьям! Я скучаю по нашим отношениям, брат. Мы родная кровь. Я тебе нужен. И ты... Ты мне нужен.

В глазах Ринхара мелькнуло нечто знакомое. Тоска, сожаление, раскаяние... Он уже приоткрыл рот, чтобы дать волю чувствам, долгое время подавляемым нарастающей силой зверя, как вдруг в зал вбежала Таира, чей испуганный сердечный стук привлек к себе внимание еще на лестнице.

На девушке лица не было.

— Господин Вензер! Беда! В деревне снова убийство! Теперь мальчишка... Мелкий совсем! До десяти годов не дожил... Грегор Бельш звали... Что же такое! Что у нас такое творится, хозяин? Что за зверь это сделал?

— Когда? — подскочил Харальд со стула.

— Тело только что нашли. Мать с утра проснулась, а сына нет. Забила тревогу. Пошла искать, и вот... Нашли мальчика на опушке леса. Там ничего целого не осталось. Совсем. Только по пятну родимому на запястье опознали. Как же... Молодой такой, — завывала в голос Таира, и Харальд подошел к ней.

Погладил сочувственно по дрожащему плечу, по растрепанным, темным волосам, с которых слетела на пол алая лента. Девушка доверчиво уткнулась ему в грудь, всхлипывая и содрогаясь всем телом. Причитала, не переставая:

— Как же... За что его... Ему бы жить да жить...

— Тяжело тебе, милая... Всем сейчас тяжело, — пробормотал Харальд, бережно поглаживая девушку по плечу и понимая, что никакими словами ее не утешить. Отчаянно, горько стучало ее сердце, провожая быстрым стуком мальчика, с которым, скорее всего, была знакома...

Если только занять чем-то. Отвлечь... Должно помочь.

— Таи, милая... — прошептал мужчина. — Передай его матери, что похороны будут за мой счет. Путь закажет молебен за упокой сына и пусть церемонию проведут красиво. На еду и подношения нищим не скупитесь. И еще. Пусть подумает о живом сыне. Ее старший сын, Михель... Если она решит дать ему образование... Любое... Кузнец, слесарь, мельник, лесничий... Нет, что я несусь... Лесничим сейчас нельзя! В общем, я готов оплатить. Но ответ нужен в ближайшие три дня. Передашь, милая? — Харальд мягко, обеими ладонями

приподнял ее лицо и всмотрелся в покрасневшие глаза. — Ты передашь?

— Да, хозяин! Я все, что хотите... — пролепетала девушка, шмыгая и утирая глаза. — Я для вас на все... — и, подбирая полы юбки, ринулась вон. Когда ее шаги затихли вдалеке, Ринхар оторвал себе крупный кусок мяса и насмешливо потянул:

— «Милая»? «Таи»? Еще малышкой бы назвал! Она бы точно растеклась у твоих ног сладкой патокой. И утешил бы ее ночью в спальне...

— Ты переходишь границы, Младший, — зло отчеканил Харальд. — Считаю, тебе повезло. Мне некогда возиться с незрелым щенком и его покоцанным эго. Когда вернусь, мы продолжим с того места, где остановились.

Направился к выходу, проклиная, что не может одновременно оказаться в двух местах.

Нужно поставить на место Ринхара.

И в деревню нужны охотники... или охотницы.

В воспоминаниях всплыл образ чумазой, растрепанной красавицы с прямым, дерзким взглядом. В голубых радужках ярко искрились всполохи магии. Завораживали.

И сердце стучало, как жаркий, пламенный треск.

Огненная.

И на редкость приятная.

Харальд вздохнул и ускорил шаг.

Нельзя, чтобы эта девочка погибла, как другие.

Слишком часто умирают охотники в последние годы.

Зверь изнутри чуял некую неправильность, пахнущую подставой, но осознать причину своих ощущений никак не получалось. Как всегда, докопаться до сути проблемы предстояло человеку.

Ариана.

Стоим с Клеем в кабинете ректора, как к полу прилипшие.

Мы уже высказались против Леса Забвения, но ректор отмахнулся от наших слов, как от чирикания воробьев. «Вам нужна настоящая практика» — вот и весь его сказ.

Наверно, правильно было бы попрощаться и уйти, но нам никак не удастся принять услышанную новость. Хочется, к этой новости продолжения, вроде раскатистого хохота ректора: «Да вы что! Поверили? Я вас разыграл, уважаемые! А ну-ка марш на уроки!» Однако мужчина смотрит на нас со всей серьезностью. Сжимает тонкий рот, с мрачно опущенными уголками.

И действительно. Если он сказал правду, то смеяться тут особо не над чем.

Всем известно: если зайдешь в Лес Забвения, о тебе скоро забудут, потому что оттуда никто не возвращается.

Там единственные охотники — хищники да оборотни. Для других вряд ли найдется место...

К тому же, в качестве сопровождения с нами пойдет самый пожилой, хромающий маг. Интересно, не забыл ли он основы боевой магии, проведя долгие годы в кресле ректора?

А еще интересно, смог бы старик отправить в Лес Забвения своих детей, как нас с Клеем сегодня? Краем уха, я слышала, что у ректора когда-то была дочь, но она погибла от лап оборотня. Неужели он обучал ее также, как нас?

Бросил не умеющую плавать посреди озера и сказал: «Плыви!»

Внезапно меня отвлекает от грустных дум знакомое шипение. Вибрация мелко сотрясает пол с мебелью, и пространство за столом ректора раздвигается в овал, откуда непринужденно выходит Харальд, сразу заполняя своей мощной энергетикой все помещение.

В темной одежде, самого простого кроя, он умудряется выглядеть элегантно и по-царски эффектно. Впрочем, с такой фигурой он в любой одежде будет смотреться идеально.

Неожиданный гость быстрым кивком приветствует всех собравшихся и обращается к Старфаду:

— Есть срочный разговор.

— Сегодня даже без стука? — ректор с упреком взирает на гостя. — У меня встреча со студентами, если вы не заметили.

— У меня новое убийство, — глухо отвечает Харальд, и Старфад тут же указывает нам с Клеем на дверь:

— Будьте добры, уважаемые! Сохраняем конфиденциальность по поводу наших планов. Вечером после ужина жду вас у главного входа в центральный корпус.

Нам ничего не остается, кроме как выйти за порог и закрыть за собой массивную, дубовую дверь. Я прислоняюсь к прохладной, светлой стене и медленно сползаю по ней на каменный пол. Силы резко кончаются.

— Такого еще не бывало, — качает бритым затылком Клей. — Сразу, не набравшись опыта, отправлять новичков в Лес Забвения... Я вроде как охотником собирался стать, а не самоубийцей.

Уныло киваю и предлагаю:

— Может, не пойдём? Скажем просто: «Извините, мы отказываемся»!

— Ты наш договор читала перед тем, как подписать? — мрачно бросает парень.

— А что, ты подписывал какой-то договор?

— Ага. Ты тоже. О том, что обязуешься подчиняться преподавателям. В противном случае — тебя погонят домой без права восстановиться на курсе.

Я хватаюсь за голову.

Вроде бы в том мире всегда была предусмотрительная, никогда ничего не подписывала не глядя. А тут упустила из виду элементарные вещи...

Хотя... Даже необходимость соблюдать субординацию не изменила бы моего решения поступить в академию.

Говорить неохота, а вот Клей продолжает меня удивлять необычной разговорчивостью:

— Слушай, Ари... Я не знаю, выживем мы после сегодняшней практики или сдохнем, поэтому скажу сейчас. Мне понравилось с тобой учиться. Ты девчонка крепкая, не капризная. Охотница из тебя выйдет, что надо... если доживем, конечно.

— Ты тоже неплох, — поднимаю на него глаза. — Один из немногих, с кем бы я согласилась пойти в разведку...

— погоди, — обрывает мои откровения Клей. — Дай договорить. Я тебя об одной услуге хочу попросить.

— Да?

До сегодняшнего дня он ни разу не говорил так долго и ни разу ни о чем не просил. Только помогал и подсказывал — ведь он поступил на пару месяцев раньше меня и умел гораздо больше. Помявшись немного, он из себя выдавливает:

— Если меня укусит перевертыш в лесу, то убей меня сразу на месте, ладно? Ты прости, что о таком прошу. Я бы и сам мог себя порешить, но матушка в меня с детства вдалбливала, что человеческая жизнь драгоценна. Нельзя ни свою, ни чужую оборвать. Я потому ведь пошел в охотники, чтобы человеческие жизни сберечь. А тут получится, я вроде человеком быть перестану, но вроде и продолжу... Так ты меня убьешь? — парень втыкает в меня встревоженный взгляд.

В раскосых карих глазах столько надежды, отчаяния и мольбы, что я, сглотнув, киваю.

И тут же себя ругаю. Тряпка!

Зачем обещаю то, что заведомо сделать не смогу!

Я ведь не способна убить человека, даже если его цапнет оборотень.

Мы находимся в пустом, хорошо освещенном коридоре, жалкие и растерянные... По крайней мере, эти эмоции я считываю в темных глазах одноклассника, и наверняка то же самое выражение транслируется в моих.

Вдруг Клей лукаво усмехается и словно оживает. Суетливо хлопает себя по карманам. Карманы на нашей школьной форме пришиты повсюду. Особенно много их у парней. Наконец, нащупав то, что искал, он засовывает себе в ухо белый камешек, другой такой же протягивает мне:

— Хочешь? Вдруг они про нас чего интересное говорят?

— Спасибо, не откажусь! — улыбаюсь с благодарностью и засовываю себе слухач. Магический подслушиватель, вообще-то здесь запрещен, но какая теперь разница...

У Клея, как оказалось, много всяких артефактов по мелочи, одолженных из родительской лавки. Он тайком пронес их в академию и теперь время от времени использует.

В правом ухе тут же раздается голос хозяина кабинета:

— ...Вы сами настаивали, чтобы в подготовку охотников включили обучающий контакт с нечистью. По мотивам ваших слов, так сказать, и было принято решение...

— Дурость несусветная! — зло рычит Харальд.

В этот момент я настолько с ним солидарна, что, был бы он рядом, — обняла! Правильно! Вся эта задумка с Лесом Забвения — действительно дурость несусветная, однако ректор считает по-другому, потому что его голос вдруг леденеет и острыми сосульками вонзается в собеседника:

— Вы злоупотребляете моим к вам расположением, Вейзер. Я требую извинений.

— Простите, Старфад, — баритон гостя замедляется, — что не объяснил вам должным образом свою идею. Высшим боевым магам следовало бы отловить пару оборотней, но не убивать сразу, а придержать их для подконтрольного обучения студентов.

— Это невозможно, друг мой. Высший Совет Магов никогда не позволит держать нечисть для обучения в Академии.

— А отправить беззащитных овечек в волчье логово... Вы считаете это наилучшим решением?

— Не такие уж они овечки. Лучшие ученики на моей памяти. Парень быстр и силен, как бык. Девчонка одарена и с огнем на ты. К тому же, они будут под моим личным присмотром. Я иду вместе с ними, как видите, — обычно жизнерадостный рокот ректора сейчас приуныл. Сам, видать, понимает, что вояка из него так себе.

— Бесы, Старфад! Неужели не нашлось никого, кроме вас? Вы ректор. Ваша задача — организовать процесс обучения, а не рыскать со студентами по обители оборотней. И потом... Что с вашей ногой?

Ловлю себя на том, что часто киваю, соглашаясь с каждым его словом. Если старик нас не послушал, так может, хоть богатого и знатного господина услышит?

— Нога не мешает мне исполнить свой долг, — вскидывается упрямый ректор. — К тому же никто кроме меня не согласен обучать наших практикантов в непосредственном контакте с нечистью. У всех семьи, дети... В их контрактах черным по белому прописано, что Академия гарантирует им безопасные условия преподавания... Демон вас побери, Харальд! Я из кожи вон лезу, чтобы вам помочь. Вы что, не видите? Пытаюсь подготовить для вас охотников. А вы...

— Я иду с вами, — в голос гостя слышится решимость.

— Будет вам! Тоже мне... Герой нашелся! В данной ситуации это даже не храбрость, а чистой воды глупость.

— Я буду сам решать...

— Не будете! — взрывается ректор так, что в ухе гудит, а его рык слышен аж сквозь дверь. — Ступайте в вашу деревню и там, у себя, решайте, сколько вздумается! На моей территории вы обязаны подчиняться мне.

— Что же... На вашей территории, — медленно выговаривает Вейзер, — я соглашусь вам подчиниться. Советую взять побольше боеприпасов и отрастить себе глаза на затылке. Они вам понадобятся, Старфад. Удачи!

В каменном наушнике раздается шипение, а под нашими ногами снова вибрирует пол — видимо, гость удаляется через портал.

— Ну что, Ари... — шепчет мне Клей и тянет за руку, помогая встать. — Глаза на затылке отрастить не успеем. Пойдем хоть боеприпасами запасемся! Знаешь еще что... В

честь первой охоты дарю тебе поминатель. Он не длинный. Минут пятнадцать влезет, зато какие это будут пятнадцать минут! Потом детям своим будешь показывать первую схватку... Если выживем.

Уже минут двадцать мы продвигаемся вглубь Леса Забвения. Относительно безопасная опушка осталась далеко позади.

Клей в нашей связке выступает первым, я иду в середине, а замыкает шествие ректор Старфад. Он считает, что прикрывать тыл должен самый опытный и способный маг.

Не знаю, в чем именно состоят его опыт и способности, но точно не в тихом передвижении по лесу.

То ли из-за хромоты, то ли из-за долгого отсутствия практики, под его ногами хрустят все сучки, что попадают на пути. Ректор производит столько шума, что напоминает стадо бизонов, застрявшее в чаще, и я начинаю сомневаться, что польза от его присутствия перевесит ущерб.

В лесу приятный полумрак от густой зелени деревьев. Восхитительно пахнет прелой листвой и грибами. Этот запах вкупе с солнечными бликами и щебетанием птиц обычно меня расслабляет и будто бы возвращает в те летние дни, что я ребенком проводила у бабушки.

Вот только сейчас я настроена далеко не на расслабление. Поход в *этот* лес хуже русской рулетки.

Иду, вслушиваясь в каждый шорох, напрягаю инстинкты до предела в попытке ощутить, откуда исходит опасность.

За спиной вновь раздается треск ломаемых веток, и Клей, беззвучно крадущийся впереди, не выдерживает:

— Пожалуйста, ступайте потише, господин Старфад!

— Вы меня еще поучите! — раздается басовитый упрек из-за спины. — Мелюзга зеленая... Направо сворачивайте, — восклицает ректор. — Да, да, туда! Нам надо их внимание привлечь, пока мы не выдохлись. А то можем здесь долго бродить. Твари ждут не дождутся, пока мы устанем, чтобы сцапать нас на обратной дороге.

— Но нас учили, что шуметь... — начинает Клей.

— Застегни-ка себе рот, молодежь! Хочешь выжить — слушайся старших! — приказывает ректор.

Парень замолкает, но по напряженным плечам и шее понимаю, что ситуация ему все больше не нравится. В академии нас действительно учили охотиться по-другому.

Нам рассказывали, как особыми заклинаниями пробуждать в себе внутренний радар, чтобы на ближайшем расстоянии пеленговать обитателей леса. Учили читать следы. Учили отличать опасные звуки от неопасных.

И еще в качестве базового навыка нас учили соблюдать тишину. Потому что, когда шумишь, то не слышишь врага и выдаешь ему собственное присутствие.

Однако ректор требует от нас противоположного, и меня раздражает вопрос: кто здесь неправ?

Ректор, самый старый, опытный боевой маг? Или наши учителя, у которых программа обучения прошла одобрение в Высшем Магическом Совете?

Мы шагаем туда, куда велел ректор. Идти становится все труднее, потому что редко растущие деревья здесь становятся гуще, а проход между стволами закрывают колючие кустарники с человеческий рост. Я крепче сжимаю в правой руке боевой нож, а в левой —

удобный топорик.

Теперь уже мы с Клеем шумим, что бизоны. И звуки леса из-а этого теряют свою громкость.

Внезапно за моей спиной раздается треск, отличающийся от ломких сучков. Резкое «крац» и тишина...

Молниеносно оборачиваюсь — ректора нет. Пропал.

Сплошные заросли. А человека, будто и не было.

Растворился в воздухе.

Ни наверху, в кронах деревьев, ни на поверхности земли его не видно.

— Клей, ректор исчез! — бросаю вполголоса спутнику.

Мы оба тут же меняем направление. Пытаемся, ступая по единственному коридору открытого пространства, ведущему резко вправо от тропы, обнаружить пропавшего.

Если бы зверь уволок его в кусты, то остались бы примятые следы. Но их нет. Идем быстро, почти переходим на бег, чтобы попытаться догнать, спасти бедного старика, как вдруг мне в голову приходит одна занятная мысль.

— Клей, погоди!

Тот останавливается, и, продолжая напряженно вслушиваться в музыку леса, оборачивается.

— Почему ректор шел позади нас?

— Чтобы охранять тыл. Ты же слышала.

— Я теперь думаю, он ушел от нас, чтобы проверить, как мы будем действовать без него. Сам посуди. Если бы его сцапал зверь, то наверняка был бы шум. И без крови бы не обошлось! А на деле крови не было! Вот ты видел кровь?

Парень хмурится, но кивает:

— Если ты права, то у нас идет экзамен, а не обучение.

— Вот именно! Мы сдадим этот экзамен, когда одолеем оборотня. Думаю, заклинание на местную живность нам все-таки не помешает.

Мы оба читаем это заклинание, и одновременно разворачиваемся направо, откуда к нам стремительно приближаются сразу две огромных особи.

К счастью, мы успели выйти на более-менее открытое пространство. Биться в кустах, царапающих кожу и сковывающих движение, было бы очень неудобно...

— В прах меня раздери! Повезло так повезло, — шипит Клей с досадой.

Тяжелой поступи еще не слышно, но, судя по внутренним ощущениям, это медведи, причем раза в полтора крупнее обычных. Обычные медведи в это время года не нападают на человека, и уж тем более не бегут к нему сломя голову издалека. Значит, точно перекидыши!

Остальные обитатели леса, которых нащупал внутренний радар, гораздо меньших размеров. Нам остается лишь их игнорировать, пока это будет возможно.

— Ты берешь на себя правого, я — левого, — сухо произносит Клей, расставляя ноги пошире, а оружие поднимая на уровень груди.

— Принято, — тоже принимаю боевую стойку.

Металлическая рукоять, реагируя на эмоции, мгновенно срастается с пальцами, чтоб оружие не выпало в бою. Лезвие мигом раскаляется и покрывается отравленным пламенем. Если пройти таким по плоти оборотня, то останутся незаживающие, гниющие раны. Вечный след, метка, которая выделит оборотня в даже ипостаси человека. А если получится чиркнуть таким по глотке, то наступит мгновенная смерть.

Из кустов на нас одновременно вылетают два ревущих монстра с разинутой пастью. Я видела их в обучающих фильмах, но эти, из плоти и крови, намного страшнее и крупнее картинки. На короткий миг замираю, и только толчок Клея в плечо выводит меня из оторопи.

Соберись тряпка, нельзя подвести напарника!

Отпрыгнув в сторону, позволяю своему противнику по инерции пробежать мимо. Одним прыжком отпружинив от дерева, придаю себе ускорения, чтобы врезаться в мохнатую спину, топором и ножом впиться в тугую плоть.

Зверь, ощутив меня сверху, сразу валится на спину. Я едва успеваю выдернуть нож и отпрыгнуть — топорик остается в спине.

Лицом к лицу с ним сталкиваться опаснее всего. Поэтому, когда хищник, встав на лапы, снова бросается на меня, я подскакиваю, хватаюсь за высокую ветку и подтягиваюсь повыше. Усевшись на суку, достаю арбалет, не переставая чертыхаться. Самое неудобное оружие в мире!

Я не слишком хорошая лучница, и надеялась, что до арбалета не дойдет! Целюсь в монстра, ожидая, что тот полезет за мной вверх — тогда уж точно не промажу. Однако мой преследователь внезапно решает переключиться на более доступного Клея.

Парень тем временем отбивается от второго медведя длинным, пламенным мечом, своим любимым. Одновременно уворачивается от когтистых лап. Пока он держится молодцом, но с двумя чудищами разом ему точно не справиться!

Навожу острие на свою цель, стреляю.

Мимо.

Второй выстрел попадает чуть ниже загривка, и, слава богу, отвлекает внимание на меня. Косолапый теперь с ревом лезет по стволу дереву вверх, пока я целюсь ему в морду, источающую смрадное дыхание в каком-то метре от меня. Теперь не промажу!

Нажимаю на спусковой крючок и...

Арбалет клинит!

Ёпэрэсэтэ!

Вы серьезно?

Страшная морда подбирается все ближе. Мне вверх никак нельзя — нет там больше крепких веток, что меня выдержат. Растерявшись, действую инстинктивно...

Создаю без всяких заклинаний огненный шар размером с большой кулак и запускаю его прямо в открытую звериную пасть.

Медведь щелкает зубами, орет от дикой боли и падает с грохотом наземь, отвлекает тем самым второго зверюгу.

На долю секунды это дает преимущество Клею, и этого мига ему хватает, чтобы замахнуться мечом, подступив к самой медвежьей глотке, как вдруг...

Парень замирает, будто в самый разгар боя решил сыграть в «море волнуется раз». Глазами своим не верю... Что происходит?!

Несколько секунд Клей стоит в одной позе, как памятник боевому магу. Зверь с легкостью цапает застывшую перед ним фигуру по уязвимой шее.

Оттуда фонтаном хлещет кровь, забирая с каждой каплей жизнь напарника. Жуткая картина меня парализует. Оглушает. Обездвиживает. Не сразу понимаю, что пронзительный вопль, разрезающий пространство, исходит из моего рта.

Собственный крик приводит меня в себя. Заставляет собраться, в кулак сжать всю волю, и выплеснуть ее в огненном пламени.

Я целюсь в того медведя, что тянет разинутую пасть к истекающему кровью Клею. Хотя хищник далеко, но пламя такой мощи и скорости неизбежно его достанет...

Внезапно, чуть-чуть не достигнув цели, моя магия наталкивается об невидимую стену, но не растекается по ней, а летит обратно.

Кожу обдаёт волной жара. Пламя, минуя мое тело, охватывает дерево, на котором сижу. Гашу пожар силой мысли.

Черт побери, что за ерунда здесь творится?

Клей... Как ему помочь?!

Спрыгиваю с дерева, неловко ударившись коленкой об торчащие корни, и, прихрамывая, спешу к самому опасному медведю. Ору изо всех сил, чтобы отвлечь на себя.

На мой крик чудище лениво оборачивается, но от парня не отходит. Из оружия у меня остался только нож. Добежать не успею.

Размахнувшись, кидаю клинок в медведя и... Нож виснет в пространстве на полпути к цели. Еще не успев осознать происходящее, я сама застываю в тот же миг, не в силах пошевелиться.

И медведь над парнем... Он не движется. Второй, обожженный, что валялся с страшным ревом по земле, тоже замер. Все участники битвы, словно бабочки в янтаре, теперь залиты твердым пространством.

Клей... Как же он теперь...

Если ему не оказать первую помощь, как учили целители, он умрет.

Ощущение полнейшей беспомощности накатывает с такой сокрушающей силой, что хочется выть во весь голос, но голосовые связки мне не подвластны.

Где-то справа хрустят сучки под весом чьих-то ног.

Через секунду в поле моего зрения появляется Стархад.

Облегчение, что я испытываю в первые секунды — старый, опытный маг непременно спасет Клея! — быстро переходит в недоумение. Ректор неспешно обходит территорию, будто на прогулке, хотя он не может не знать, не замечать предсмертной агонии своего ученика...

И только тогда до меня доходит.

Стархад не будет никого спасать. Это он парализовал Клея в решающий момент. И поставил щит от моего пламени. И он же пленил меня... нас всех каким-то древним, неизвестным заклятием.

— Ну что же вы смотрите букой, уважаемая? — бросает мне мерзавец.

В его голосе не слышно ни грамма раскаяния или внутреннего противоречия, которое по идее должен испытывать предатель. Ровный, немного игривый тон. Словно мы обсуждаем сейчас нудные формальности, которые полагается скрасить шуткой, чтобы не умереть от скуки.

— Я ведь вас предупреждал. Станете мышкой, которую порвут злые кошки. И что? Вы меня послушали? Нынешняя молодежь больше не прислушивается к старшим. Вот и принимайте последствия, Ариана, — злодей разводит руками и, заглянув мне в глаза, продолжает:

— Вам конечно, интересно, почему я так поступил. На этот вопрос я, пожалуй, отвечу. Не для того, чтобы оправдаться, нет. Я считаю, мне не в чем оправдываться. Я объяснюсь из элементарного уважения к вам, Ариана. Видите ли... Все думают, что мою дочь много лет назад растерзал оборотень в этом самом лесу. Никто не в курсе, что моя Флоринда выжила после укуса, и, так сказать, пополнила ряды бывших противников. Поначалу мне было трудно принять этот факт, признаю. А потом я подумал: она ведь все равно моя дочь... Пусть иногда немного диковата. Долг отца защитить ее потенциальных убийц. От таких, как вы, Ариана. Пришлось принять меры, чтобы охотников стало меньше и чтобы жизнь их укоротилась. Сжечь архив с информацией об оборотнях. Уволить преподавателей, способных толково обучать. Убрать практические занятия по охоте. Оружие портить перед выходом на охоту. Мои усилия окупились с лихвой...

С ненавистью гляжу на этого гада, спокойно кружащего вокруг меня, будто гиена. Будь моя воля, порвала бы его силой мысли на мелкие кусочки. Вернее, сожгла бы...

Жаль, не могу.

Вся моя магия парализована вместе со мной.

— Понимаете ли, отпустить вас никак нельзя. Однако из моего глубочайшего уважения я предложу вам, Ариана, разделить судьбу своей дочери... Ей бы пригодилась такая подруга, как вы. О, не смотрите так сурово, милая девушка! Подумайте, как следует. Вы будете жить. Правда, немного по-другому. Уверяю вас, оказавшись в шкуре оборотня универсала, вы перестанете быть столь бескомпромиссной в своих принципах. Я даже предоставлю вам пару любопытных книг, дабы вы узнали о своей новой ипостаси побольше, — Стархад смущенно улыбается. — Не удержался, знаете ли. Оставил себе перед пожаром про оборотней универсалов.

Пока слушаю, меня раздирают эмоции. Не хочу умирать. Не готова уйти вот так... Внезапно.

И даже не сгинуть от лап нечисти, как героиня, а уйти глупо, напрасно, бессмысленно. Случайно нарвавшись на свихнувшегося подлеца. У меня ведь планов море и ресурсов теперь

бескрайний океан!

Возможно, если бы я умела играть, то сделала вид, что согласна на укус и попробовала его обхитрить. Однако я не умею подделывать эмоции. Вот и теперь они запросто считываются на моем лице и тем самым подписывают мне приговор.

— Ну что же, — стервец пожимает плечами, рассмотрев в моем взгляде ярость и ненависть. — Нет так нет. Сегодня вам придется погибнуть смертью храбрых, отбиваясь от озверевших перекидышей.

Старик закатывает глаза и начинает шепотом произносить какие-то заклинания. Видно, больше не желая встречаться со мной глазами, он снова исчезает из моего поля зрения.

В груди булькает отчаяние, злость, страх.

Я не готова умирать... Только не так!

Через несколько секунд его громкий шепот внезапно переходит в шипение, напоминающее... хрип?

В следующий миг пространство теряет свою твердость, и я с удивлением осознаю, что свободна! Мой висящий в воздухе нож тут же пронзает «ожившего» медведя, с грозным рыком тянущего голову к Клею... В него же вонзается чья-то стрела, которой удивиться я просто не успеваю, как и тому, что тот мгновенно начал свое обращение в крупного, обнаженного мужчину.

Резко поворачиваюсь к ректору, медленно оседающему на землю. Из полукрытого рта вытекает тонкая, красная струйка. В изумлении таращусь на арбалетную стрелу, что торчит у него из шеи.

Медведь, ревуший а моей спиной от ожога, внезапно замолкает. Оглянувшись, вижу, как и он начинает посмертно обращаться в человека.

Что за чертовщина?

— Убивать я умею, зато в исцелении полный ноль, — вдруг слышу знакомый голос за своей спиной. — Не поможешь?

Харальд?!

Как он здесь оказался?

Это его широкоплечая фигура сейчас склонилась на Клеем. Мой бедный напарник... Только бы выжил!

Спотыкаясь, бросаюсь к раненому.

Опускаюсь перед ним на колени, коротко осматриваю и в груди расцветает надежда.

Глаза закрыты, грудь рвано вздымается. Земля и трава под Клеем влажные от крови, однако парень жив, несмотря на задетую яремную вену.

Кровь оттуда вытекает по каплям, хотя должна бы хлестать фонтаном. Наверно, мой огромный, запасливый хомячок заготовил специальный артефакт на случай своего ранения...

Прикоснувшись к его лбу, вливаю под кожу энергию и читаю общее исцеляющее заклинание. Это первая помощь раненому, от которой все процессы в организме становятся на паузу.

Начиная с этого момента у нас есть около часа, чтобы доставить тело профессиональным целителям в академии. Если успеем, у парня будут все шансы выжить.

Только как его дотащить? Беспомощно оглядываю раненого. Клей высокий, мускулистый и, по ощущениям, весит целую тонну. Налегке мы сюда шли примерно час...

— Надо срочно перенести его в академию к целителям. Давайте соорудим носилки, — тараторю взволнованно, и указываю на тонкие осинки. — Думаю, вон те деревца подойдут под раму.

— Сколько у нас времени?

— Час.

— Хватит, — мужчина аккуратно меня отстраняет. Осторожно, но уверенно просовывает левую руку под голову раненого, правой подхватывает под бедрами, и поднимается с ним на ноги, как с большим младенцем. Он держит свою исполинскую ношу, будто совсем не напрягаясь, — даже мышцы лица расслаблены.

Я с изумлением взираю на такую феноменальную силу.

У нас был однажды в цирке силач, невероятно крепкий...

Так вот Харальд его только что переплюнул.

Мужчина оборачивается на тело ректора, застывшее в нелепой позе, и с сожалением бормочет:

— Жаль, не похороним по-человечески.

— Вам его жаль?! — вырывается у меня возмущенно. — Он завел нас в ловушку. Он предатель...

— Когда у тебя появятся дети, ты его поймешь, — обрывает меня Вейзер и, больше на меня не глядя, торопливо шагает в сторону академии.

По крайней мере, надеюсь, что в ту сторону, потому что я в этом лесу больше не ориентируюсь.

Мне приходится практически перейти на бег, чтобы поддерживать взятый моим спутником темп. Пока я быстро перебираю ногами, стараясь не запнуться и не упасть, в голове звенят его слова.

Поймешь, когда будут свои дети...

Откуда он знает?

У него есть бесячие дети, доставляющие проблемы? Или просто хорошо развита эмпатия, благодаря которой он способен проникать в закутки чужих душ?

Как бы то ни было, этот Вейзер вызывает у меня все больше вопросов. И прежде всего, каким образом он оказался в нужный момент в нужном месте? И как при этом его не сожрали оборотни в Лесу Забвения, если здесь просто пруд пруди?

На всякий случай я все время прислушиваюсь ко внутреннему локатору. Нет... Никаких крупных животных, по поведению напоминающего оборотней, рядом нет...

Хм. Даже странно.

Почему на нас не сбегаются они, которые чувят даже каплю крови за много километров?

У нас тут не капля, а несколько пробирок впиталось в одежду.

Вопросов пропасть, а задать их некому. Дыхания едва хватает, чтобы поддерживать взятый мужчиной темп. Тем более, с каждой минутой становится все темнее, и мне приходится изо всех сил напрягать глаза, чтобы хоть что-то рассмотреть под ногами и не врезаться в дерево.

Удивительно, что впереди идущего темнота ничуть не задерживает. Как ни в чем ни бывало, продолжает продвигаться во взятом темпе.

Не знаю, сколько времени продолжается наш забег в лесном мраке, но в конце концов, мы выходим на безопасную опушку, от которой до академии рукой подать.

Добираемся до середины полянки. Еще несколько шагов — и будет видно белое здание академии, как вдруг Харальд опускается на колени, и аккуратно укладывает моего напарника на траву. Не на шутку встревоженная, закидываю его вопросами:

— Что случилось? Ему хуже? Он же не умер? Почему мы остановились?

— Я вас спас, — говорит мужчина жестко, с напором, встает и подходит ко мне практически вплотную. — Так?

Хотя он близко, тьма скрывает от меня выражение его лица, однако энергетика, пусть невидимая, такая мощная, что почти сбивает с ног. Моя адреналиновая воинственность сразу стихает, и я как-то сразу перехожу на вежливый лепет:

— Спас, но не до конца. Я понимаю, вы устали, но тут еще немного осталось. Донесите его, пожалуйста до первого целителя!

— О моем присутствии никто не должен узнать. Ври, что хочешь, но меня не впутывай. Надеюсь, ты умеешь быть благодарной, Ариана, — на звуках моего имени он неожиданно отводит за ухо волосы, упавшие мне на лицо, и тут же быстрым шагом отправляется напрямиком в лес.

Небрежный, короткий, почти интимный жест, от которого где-то в глубине души вспыхивают теплые искорки чувств, и... Мне приходится буквально за шкуру втащить себя в реальность, где моему другу позарез требуется помощь.

С чувством себя обругав, — нашла время на лирику! — кидаюсь в корпус целителей с криками: «Помогите!» К счастью, бежать не приходится долго — ведь здание от меня второе по счету.

Видимо, мои истошные крики возымели эффект. Не успеваю даже добраться до входа, как мне навстречу выходит одна из преподавательниц. В темноте я различаю лишь темное пятно платья на фоне белых стен здания.

— Что случилось, дорогая? — восклицает женщина. — Ты всполошила весь корпус!

— Клея ранил оборотень. Он при смерти... Все очень серьезно. Он здесь, рядом. Помогите, пожалуйста!

Женщина бросается за мной, на ходу расспрашивая про раны. Коротко обрисовываю состояние парня, и буквально через пару минут она опускается на колени, начиная залечивать поврежденную плоть.

— Шанс есть. Зови других. Нужна их помощь, — бросает она короткие фразы, сразу после которых я несусь за другими целителями.

Волнительные, прибирающие до дрожи минуты растягиваются в часы, пока врачеватели академии пытаются удержать раненого по эту сторону жизни. Они не нуждаются в свете для своей работы, поэтому происходящего я почти не различаю. Лишь непрерывный шепот меня успокаивает и позволяет надеяться на положительный исход. Ведь над мертвым они бы так не старались.

В конце концов, маги поднимают тело Клея на носилки и направляются с ним к зданию.

— Ну что? Ну как? Выживет? — встревоженно кручусь вокруг них суетливой белкой.

— Крепкий парень. Жить будет, — изнуренно роняет один из мужчин. — Шла бы ты спать, дева! Завтра тебе придется отчитываться перед ректором.

— Спаси-и-ибо! — тяну с облегчением, и в тот же миг до меня доходит, что теперь надо придумать версию сегодняшнего вечера для школьной администрации.

Меня вдруг охватывает такая усталость что я едва доползаю до своей комнатки. Однако вместо того, чтобы отрубиться, выливаю себе на голову стакан прохладной воды из кувшина. Сон моментально уходит, и я начинаю анализировать, сопоставлять, связывать концы с концами, стараясь сгенерировать правдоподобную историю, в которой не будет фигурировать Харальд.

Ненавижу врать.

Но я все-таки умею быть благодарной.

— Вы можете войти, — разрешает мне одна из преподавательниц, распахнув передо мной высокую дверь в главный зал академии, и я с натянутой улыбкой захожу в пространство, залитое солнечным светом.

Каждый шаг моих кожаных туфель гулким эхом разносится по залу. Расписные потолки, резные колонны, пол из золотистого мрамора, белоснежные статуи древних магов добавляют столько весомости происходящему, что по коже у меня сразу начинают бегать мурашки, а в животе порхают напуганные бабочки.

Мне предстоит держать ответ перед администрацией академии, что уже разместилась за длинным дубовым столом в самом конце зала.

Здесь собралась девятка старейших преподавателей, начиная от говорливой целительницы Мелины, что спасла вчера Клею жизнь, и заканчивая добродушным Леандром, правой рукой почившего ректора Стархада.

Я стою перед ними навтыжку, как на параде, одетая в школьную форму. Коричневое платье, кокетливо приталенное, целомудренно прикрывает щиколотки. Черный кожаный пояс, с вплетенными в него защитными рунами, — обязательный атрибут каждого боевого мага. Подбородок вздернут, длинные волосы собраны в тугую косу, а воля — в крепкий кулак.

Коротко выдыхаю и... понеслось вранье по переулочкам!

Моя история совпадает с реальными событиями лишь до ранения Клея, а потом сворачивает совсем в другую сторону. Дальше я утверждаю, что оборотней сожгла своей магией, а пожар аккуратно потушила.

Куда делся ректор, я не в курсе. Он пропал незадолго до нападения перекидышей.

На меня сыпятся вопрос за вопросом.

Намекал ли ректор на то, куда он мог скрыться?

Почему он не вмешался во время нападения оборотней?

На большинство реплик я растерянно пожимаю плечами. Мол, знать не знаю, почему ректор все это затеял.

Дотащила напарника сама. Ну как дотащила... Он на меня прислонился и своими ножками дошел.

— Удивительно... С такой раной! — изумились маги, с подозрением щуря глаза.

— Да, у него в пальцах какой-то артефакт был зажат... Наверно, источник силы или второго дыхания.

— Ну да, ну да, — частит Мелина. — Когда обнаружили мальчика, он был весь утыкан артефактами. Чего на нем только не было!

— Следопыт уже осмотрел следы? — интересуется Леандр.

— Осматривать было нечего, — ворчит средних лет мужчина, потирая затылки. — Все там топтано перетоптано, до самого леса. В лес соваться я за свое жалованье не собираюсь. Уж извините!

Все вздыхают, согласно кивая, и я за компанию.

При этом скромно умалчиваю, что территория утоптана, благодаря мне.

Я пустила слух, что Клей потерял ценный артефакт, розовый кристалл, и что нашедшему предстоит получить вознаграждение. Перед уроками большая часть студентов

ринулись искать несуществующий кристалл и помогли мне замести следы...

В конце концов, вынимаю из кармана поминатель — сапфировый кулон в виде крупной слезы, подаренный мне Клеем. Перед вылазкой в лес я повесила его на шею, чтобы запечатлеть первый бой с нечистью.

Сейчас артефакт, послушный моей воле, показывает в виде цветной голограммы события, развернувшиеся перед моими глазами во время схватки. Я заранее проверила отснятый материал. Артефакт среагировал на изменение пульса — начал снимать с момента исчезновения ректора и закончил на ранении Клея.

Преподаватели с волнением взирают на бой. С их стороны то и дело раздаются охи, ахи, односложные комментарии. Эмоций море... Интересно, они хоть раз за свою жизнь сталкивались с нечистью?

— Жаль, что мы не смогли увидеть гибель оборотней, — произносит Леандр, крупный, представительный мужчина с добрыми глазами. — Однако тот факт, что вы здесь, Ариана, подтверждает правдивость ваших слов.

Ну, спасибо за комплимент! Значит, не зря я вчера ломала голову пол ночи, придумывая, как бы соврать поубедительнее!

— Я, в свою очередь, готова подтвердить, — взволнованно вступает целительница Мелина, — что девочка очень большая умничка. Не растерялась. Оказала первую помощь, а потом вытянула своего умирающего однокурсника из леса. Вы только подумайте! Если бы не Ариана, то еще бы чуть-чуть — и мальчик умер.... Представляете, какое горе случилось бы в нашей академии! Я считаю, Ариана сделала все, что вообще возможно, в этой ситуации. Ректор Стархад очень необдуманно поступил, — она досадливо сжимает губы, — когда повел новичков в Лес Забвения, а потом бросил на произвол судьбы... Да, да, вы правы, мы не знаем. Может, не бросил. Может, на него напали, но наша девочка перевернула ситуацию из трагической в героическую, понимаете? Мы должны ее поблагодарить. Вот что я думаю, — Мелина так эмоционально кивает в такт своим словам, что из изысканно уложенной прически вбиваются длинные седые пряди. — Мы должны ее наградить чем-нибудь. Как насчет трехдневного отдыха? Мне кажется, девочка заслужила! Тем более, до выпускных экзаменов рукой подать.

— Думаю, никто не возражает против этого предложения? — обстоятельно предлагает Леандр, и все восемь голов единогласно кивают. — Итак, Ариана, ближайшие три дня вы свободны, как ветер... Раз уж мы закончили обсуждение инцидента, я позволю себе поднять другой вопрос, вытекающий из первого. Никто не будет против, если я заменю ректора на время его отсутствия?

И опять все мужчины и женщины хором соглашаются.

Я понимаю их единодушие. Мне нравится этот спокойный, деловитый мужчина. Что-то есть в его ауре очень приятное, вызывающее доверие.

На всякий случай я уточняю:

— Не могли бы вы заодно взять на себя роль моего опекуна до возвращения ректора?

— Разумеется, — улыбается новый ректор, позволяя мне облегченно выдохнуть. — Из своих новых обязанностей эту я исполню с наибольшей радостью. А теперь вы можете идти, Ариана.

Выхожу из зала в хорошем настроении. Хочется аж вприпрыжку, как в детстве, бежать до комнаты.

Не прошло и дня, как я отбилась от всех вопросов, подозрений и получила в награду три

дня ничегонеделанья!

Иду-подскакиваю по пустым коридорам. Не встречаю по дороге ни одного ученика. Как необычно.

На пороге своей комнаты я останавливаюсь.

Стархад говорил о книгах про оборотней универсалов, тех, что он стащил из архива перед пожаром. Я надеялась, у меня будет шанс навестить к нему в кабинет, чтобы разыскать там книги. Планировала провернуть это ночью, но сейчас, глядя на пустые коридоры, передумала.

Все учащиеся сейчас на занятиях. Совет преподавателей остались обсуждать какие-то темы, связанные с отсутствием Стархада.

Значит, сейчас самое время действовать. Насколько я знаю, никаких скрытых камер в коридорах не водится. Риск попасться мизерный, и он оправдывает себя, если удастся заполучить редкую книгу про нечисть.

Развернувшись, беззвучно шагаю по знакомой дороге. Прямо. Налево. Направо. Переход в другой корпус.

По центральному коридору до первого поворота налево — и вот он, кабинет. Быстро осмотревшись по сторонам, — никого! — берусь за ручку, нажимаю и... понимаю, что дверь закрыта на ключ.

Такс. Ожидаемо.

Вынимаю из волос заколку и принимаюсь ковыряться в замке. Однажды у нас в цирке выступал фокусник, шедший по следам великого Гудини. Он любезно поделился со мной основами вскрытия замков. Вот уж не представляла, что этот криминальный навык пригодится мне в новом теле!

Замок поддается довольно легко. Еще раз оглянувшись по сторонам, нажимаю ручку и вваливаюсь в наглухо зашторенный, темный кабинет.

Стоит мне войти и аккуратно прикрыть за собой дверь, как справа от меня раздается знакомый голос:

— Как приятно, наконец, встретить человека, который думает со мной в унисон.

— Харальд? Что вы здесь делаете? — говорю вполголоса и с удивлением рассматриваю в полумраке стройную фигуру, стоящую напротив стеллажа с книгами.

Он повернут ко мне спиной, и я ловлю себя на том, что жадно, в упор им люблюсь. Чисто мужской, точеный силуэт. Крепкая шея, широкие плечи, узкие бедра, ноги — что мощные колонны. Стать военного и грация барса в каждом движении...

— Я делаю то же, что и ты, моя дорогая единомышленница, — рассеянно отвечает мужчина, так ко мне и не повернувшись. — Ищу книгу об оборотнях. Присоединяйся. Времени у нас вобрез, а книг здесь великое множество... Хм, — Харальд недоуменно вертит в руках небольшую черную книжку, формата а пять. — С какой стати Старфаду понадобился томик о поднятии мертвецов?

— Наверно, он сначала поверил, что его дочь умерла. Тосковал по ней так сильно, что решил ее поднять, а потом оказалось, что она жива... отчасти, — предполагаю и встаю рядом со взломщиком номер два... или номер один? Он же первый сюда вломился. — Вас сюда порталом занесло?

Он усмехается, и, не отрываясь от книг, бормочет что-то вроде:

— А ты у нас умница.

Спорить с ним не собираюсь. Умницей бываю иногда, что есть то есть.

Быстренько осматриваюсь.

Он начал с верхних полок, а я принимаюсь за нижние. Зажигаю в воздухе огонечек поярче, чтобы подсвечивал вместо фонарика, и достаю первую книгу.

«Магические обряды древних поселений Травонта»

Нет, не то. Ставлю книгу на место и беру следующую.

Здесьние буквы я каким-то образом знала с первых же дней появления в этом мире, а за время учебы они и вовсе мне стали родными, как некогда кириллица.

Харальд тоже возвращает книгу на полку и достает новую, заставляя меня запоздало спохватиться:

— Ой, вы же себе глаза испортите при таком освещении! — зажигаю второй огонечек на уровне его глаз. Он задумчиво тянет:

— Заботливая...

Странно, но меня это замечание триггерит.

Наверно, потому что последние сутки я живу с до предела натянутыми нервами, и отчасти мое напряжение связано со стоящим рядом загадочным молчуном. Фыркаю возмущенно, а потом неожиданно для самой себя выпаливаю:

— А вот вы, кажется не слишком заботливым! Сбежали вчера на полпути, даже Клея до целителей не донесли. Он мог умереть, между прочим! Вы даже не спрашиваете, выжил ли он!

— Зачем же мне спрашивать то, что известно каждому в этом здании. Он выжил. Причем исключительно благодаря напарнице... позабывшей его сегодня навестить.

— Я не забыла! — вскакиваю, забыв про книги, и смотрю ему прямо в глаза. Чувствую, как начинают гореть мои щеки. — Все мои мысли были заняты враньем, на которое вы меня обрекли своей просьбой. Почему вы ждете, чтобы я вас покрывала, врала, а сами ничего не рассказываете о себе? Как вы оказались в Лесу Забвения? Почему вы отказались донести

Клея? Зачем вам книги об оборотнях универсалах и откуда вы вообще узнали о книгах? Старфад говорил тихо и стоял ко мне впрытык. Я сама едва его слышала. Вы уж точно расслышать его не могли! Может, вы его сообщник? Может, вы частично в курсе его планов?

Мужчина откладывает какой-то фолиант на стеллаж, разворачивается ко мне всем корпусом, берет за плечи и пристально вглядывается в лицо, точно в книгу, исписанную мелкими буквами. В его темных зрачках отражается блеск моего пламени, а на коже — играют отсветы огня, подчеркивая суровый изгиб густых бровей и чувственный, резковатый немного контур губ.

Красив, чертяка!

Такого точно под каблук не загонишь.

— Ари, — его серьезный, тихий голос поет, как музыка, что утягивает за собой в прошлую жизнь.

Только в его устах Ари звучит, почти как Варя.

— У нас нет времени на разговоры. Сюда в любой момент могут нагрянуть другие. Видит бог, я желал бы с тобой поговорить, но давай хотя быждемся подходящего момента!

В этот миг я будто вижу себя с его стороны. Вздорная, взбалмошная. Где та Варвара Державина, собранная, упорная и способная фокусироваться на приоритетной задаче?

Коротко выдыхаю. Заставляю себя отступить на шаг назад, чтобы его обжигающие кожу ладони соскользнули с моих плеч и не сбивали мысли в кисель. Сажусь на корточки и снова принимаюсь за поиск.

Вскоре все книги осмотрены, но ничего, хоть отдаленно напоминающее искомое, мы не нашли.

— Может, тут есть тайник? — предполагаю, пытливо изучая комнату.

— До твоего прихода я успел обследовать кабинет, — качает головой мужчина, задумчиво потирая подбородок. Здесь нет тайников.

— Может, он держал книги дома?

— Вряд ли. У него была домохозяйка. Никто не стал бы прятать секреты в месте, где хозяйничает любопытная женщина.

— Не все женщины любопытны! — снова вскидываюсь и тут же осекаюсь под насмешливым взглядом. Судя по всему, в здешнем мире все мужчины думают о противоположном поле в подобном русле. Любопытные, ветреные, непредсказуемые. Спорить с ним — что бороться с ветряной мельницей. — Ладно. А мог ли ректор спрятать книги с помощью магии?

— Мог. И встречный вопрос. Сможем ли мы найти его книгу с помощью магии?

— Мы сможем все, если захотим, — я хорохорюсь, просто чтобы не впасть в уныние. — Остается только понять, как именно мы это сделаем.

Убедившись, что все книги аккуратно стоят на полках, я сажусь на удобное кресло Стархада, укладываю руки на подлокотниках и равномерно в нем покачиваюсь.

Думу думаю.

Было бы прекрасно приобрести некий магический артефакт, способный разыскивать спрятанные магически книги. При мысли об артефакте сразу вспоминаю, что у родителей Клея есть лавка магических артефактов. Парень с детства помогал вести им бизнес. Если кто и должен быть в курсе, так это он!

Перед глазами всплывает жуткая рана на крепкой шее парня.

Бедный.

Бормочу еле слышно:

— Только бы Клей пришел в себя...

— Он может быть нам полезен? — оживает Харальд.

— Ну у тебя и слух! — тяну ошарашенно.

Я нахожусь на другом конце просторной комнаты и факт, что сообщник услышал мое лепетание, ужасно удивляет. Тот почему-то начинает улыбаться. Его губы, глаза, щеки — каждая черточка лица будто наполняется теплым, искрящимся светом. Он и в суровом виде красив, что глаз не оторвать, а сейчас...

Судорожно сглатываю.

Вдруг сознаю с предельной ясностью: он мне нравится. Так нравится, что я с трудом отрываю от него восхищенный взгляд и принимаю обиженный вид:

— Что я сказала смешного?

— Просто твое «ты» радует меня гораздо сильнее, чем я ожидал... — он вдруг серьезнеет. — Так что насчет Клея? Ты в курсе, что он уже очнулся?

— Что же ты раньше молчал! Я должна его увидеть! — вскочив с кресла, собираюсь рвануть на выход, как вдруг Харальд хватает меня за запястье, останавливая мой шаг, и прижимает указательный палец к губам.

Шепчет:

— Поздно.

Припадаю к дверной щели. По коридору к нам приближаются шаги, слышны голоса. В отчаянии разглядываю просторный кабинет.

Места здесь много, а вот мебели мало. Стол-секретер, массивное кресло, стеллажи... Шторы, которые могут в любой момент раздвинуть. Двоим взрослым тут спрятаться негде.

Харальд, в отличие от меня, не мечется по помещению, как испуганная белка, а стоит на одном месте и, прикрыв глаза и что-то нашептывает.

Ну, конечно... Портал!

Это единственный выход в данной ситуации.

От его слов пространство начинает вибрировать и за пару секунд расступается в знакомый овал. Только на сей раз вход в портал подернут дымкой, за которой ничего не разобрать. Мужчина протягивает мне руку, предлагая вместе шагнуть в неизвестно куда.

Пожалуй, выбора у меня нет.

Только довериться человеку, о котором мне практически ничего не известно. Надеюсь, не пожалею, если рискну...

Вкладываю в его горячую ладонь свою и шагаю в портал вслед за ним.

Когда мы проходим сквозь туманную пелену, я зажмуриваюсь, — вдруг она вредная для глаз? — и инстинктивно приближаюсь к своему проводнику. Оказавшись по другую сторону, распахиваю глаза и с удивлением таращусь на незнакомое помещение.

Здесь жарко. Я почти мгновенно покрываюсь испариной, несмотря на каменные стены и настезь распахнутые окна, через которые с улицы доносится людской говор, стук топора, звяканье железа да и кудахтанье кур. Запах насыщенный, интенсивный и приятный, но чем пахнет, не разобрать.

Пол, как и стены, выложен из камня, а посреди комнаты возвышается огромная кровать с тяжелым, бардовым балдахином. Серебряные подсвечники на стенах, шелковые гобелены, звериные шкуры, раскиданные по полу, большой камин — общем и целом, уютная средневековая спальня. Но очень, очень жаркая.

Пячусь от Харальда, пристально на меня взирающего, отнимаю у него из рук свою дрожащую ладошку и натянуто спрашиваю:

— Где мы?

— В моей спальне.

От его ответа напрягаюсь еще больше и говорю с напором:

— Ты же знаешь, что я огненный маг. Меня не получится затащить против воли к себе в кровать и удерживать там силой!

— Но я не затаскивал тебя силой! — возмущается мужчина. — Тем более, в свою кровать. Ты пришла сама. Добровольно... — при виде моих округлившихся глаз он примиряюще выставляет перед собой открытые ладони. — Хорошо позволь объяснить. Самый быстрый портал из кабинета ректора был настроен сюда. Могу вернуть тебя обратно хоть сейчас, но сама понимаешь, там теперь люди. Возвращаться ночью будет менее рискованно.

— Так верни меня в другую точку академии!

— Нет других точек. Прости, — мужчина извиняюще пожимает широченными плечами. — Раз уж ты здесь... Я знаю, что целительница собиралась дать тебе три дня

передышки. За эти три дня мы можем познакомиться поближе и заодно прочитать книгу, которую я нашел у Стархада незадолго до твоего прихода...

— погоди! — я хватаюсь за голову. — Ты ничего не говорил о книге! Если ты ее нашел, то что мы искали в кабинете?

— Мы искали вторую книгу. Стархад говорил о паре украденных книг, помнишь? Видимо, он держал их в разных местах.

Качаю головой, напрасно пытаюсь переварить поток информации, что лавиной обрушился на меня в этой комнате. Коленки дрожат, намекая на то, что пора бы присесть. Приходится подойти к огромной, с футбольное поле, кровати и опуститься, а там... начинается тактильный рай!

Не удержавшись, прикрываю глаза и с наслаждением елжу ладонями по прохладному, светлому шелку. Прикосновение ткани ласкает кожу.

После аскетичной постели академии, где бельем служила грубая холстина, эта спальня — просто мечта попаданки! В своей прежней жизни я всегда спала на ситце, а тут настоящий шелк. Будто в пятизвездочном отеле оказалась.

Уловив приближение Харальда, поспешно открываю глаза и протягиваю ему открытую ладонь:

— Покажешь мне, что за книгу ты нашел?

Мужчина садится рядом, впритык, и вкладывает в мои руки книгу. Короткий контакт наших пальцев, и меня внезапно окатывает энергетической волной, острой, чувственной и столь мощной, что нервы натягиваются до предела и вибрируют, как натянутая тетива.

Сердце долбится об ребра, как бешеное, дыхание рвется, заставляя меня, как ужаленную, подскочить с кровати и бегом устремиться к окну.

— Здесь светлее и не так душно, — бормочу в жалкой попытке оправдать свой неадекват.

Задыхаясь, пытаюсь сфокусировать размытый взгляд на старинной книге. Кожаный переплет. Тиснение из необычных узоров. Принимаюсь вертеть ее в руках, но на обложке не вижу названия. Открываю первую страницу и читаю вслух не совсем естественным голосом:

— Обратни универсалы — самые страшные создания. Сильные, хитрые, неуловимые... — пристальный взгляд Харальда мешает концентрироваться, по нервам щекочет, как перышко по разгоряченной коже, и я пытаюсь прийти в себя неумелой шуткой:

— Ух ты! Шикарная сказочка на ночь... Как будем осваивать материал? По очереди?

— Быстрее всего читать вслух по страницам. Одну я, другую ты.

— Вдвоем? В этой комнате? — с ужасом из себя выдавливаю.

Если меня сейчас к нему влечет с такой силой, то что будет дальше?! Вдруг мы еще раз случайно соприкоснемся?

Черт побери, что со мной творится?!

Это незнакомец! Чужак!

В прошлой жизни я отнюдь не была монашкой, но при этом ни разу не испытывала влечение к мужчине, о котором знала от силы два факта!

Хотя нет, вру. Один раз, поддавшись подростковым гормонам, я безумно влюбилась в Криса Хемсворта, точнее в его могучего Тора, но то было давно.

Сейчас-то я взрослая и рассудительная...

Была до сих пор.

— Ну да. Здесь и вдвоем. Почему нет? — нагло буравя меня взглядом, заявляет Харальд.

Ощущение такое, будто он сканирует меня насквозь. И, кажется, ему по душе то, что он видит. Как мне сносит крышу. Как меня потряхивает от волнения.

— Здесь душно! — я вскакиваю с пола и, как веером, обмахиваю себя книгой, стоя перед окном. — Нечем дышать! Мне надо срочно на улицу.

— Я распоряжусь устроить нам пикник в саду, — хозяин этого места поднимается с кровати и направляется на выход. — Будем читать там.

На пороге замедляется и оборачивается. Пронзает меня жадным, плотоядным взглядом давно не евшего зверя и спрашивает:

— Может, все-таки... Здесь?

Я стискиваю у груди книгу, как щит, и быстро мотаю головой:

— Нет! Пикник в саду — это замечательная идея!

— Ладно, — кивает он с нескрываемой досадой. — Тогда жди здесь.

Харальд

Когда были отданы распоряжения по поводу пикника, Харальд спустился в сад. Не спеша бродил по тропинкам, вымощенным белыми, плоскими камнями.

Фредрику надо повысить оплату. Заслужил.

Новый садовник с любовью относился к работе. Оттого, наверно, плоды его умелых рук услаждали глаза и душу.

Старший Вейзер остановился у причудливо подстриженных кустов в виде животных. То, что раньше он принимал за птицу, при тщательном рассмотрении оказалось крылатым ящером...

С чего бы Фредрику делать дракона?

Неужели догадывается?

Нет. Невозможно.

Простое совпадение.

Верный слуга, видно, своим особым чутьем смекнул, что порадует хозяина.

Несмотря на попытки сфокусироваться на изысканном окружении, мысли то и дело ускользали к огненной деве, ожидающей его в спальне.

Образ Ари, сидящей на кровати и расслабленно прикрывшей глаза, снова разбудил демонов...

Всего четверть часа назад притяжение к ней казалось неодолимым. Пришлось бежать, как щенку, поджав хвост, чтобы не наделать бед.

И дело даже не в звериных инстинктах, стремлении ощутить под собой податливую женскую плоть, нет! Было в этой девочке что-то особенное, цепляющее, от чего кровь мгновенно вскипала и лава, текущая в венах, требовала действовать жестко, настойчиво и бескомпромиссно. Как ни отводи от нее взгляд и мысли, они вечно рвались назад, заставляя ее желать до одури.

С каждой встречей все больше хотелось дерзкие губы прижать к своим, стиснуть в руках тонкое, гибкое тело, стучание ее сердце слить со своим, и не отпускать, пока в глазах ее не засияют счастливые звезды!

Бездна!

От воспоминаний о девушке желание скрутило его с новой силой.

Харальд сжал кулаки. Позволил когтям выйти наружу, глубоко вонзиться в ладони. Легкая боль отрезвила и настроила на верный лад.

Ари не просто красивая девушка. Она охотница, его гостья, доверчиво взявшая за руку и шагнувшая за ним в неизвестность.

На нее единственную возложена надежда спасения Дэнвишарских земель от одичалых оборотней. Нельзя профукать шанс защитить своих людей. Не затем он обучался держать в узде зверя, чтоб за короткий миг пустить под откос долгие годы тренировок.

Харальд сорвал с куста пышный белый цветок и прижал к лицу, пытаясь насыщенным, пряным запахом перебить тонкий аромат огненной девушки, до сих пор стоявший в ноздрях, возвращая к ней все мысли.

Ари... Не подоспей он тогда вовремя, огненная дева была бы мертва. Это зверь толкнул его в Лес Забвения. Заставил нарушить данное слово под напором необъяснимой тревоги.

Инстинкт тянул его по запутанным тропам и вовремя вывел к охотникам.

Сначала пришлось разобраться со стариком. Потом юнцам помог, чем смог. Оставлять раненого парня не хотелось, но другого выхода не было.

Вейзер прожил достаточно, чтобы уяснить для себя простую вещь. Нельзя безнаказанно пристрелить ректора магической академии. И неважно, что Стархад был виновен. Начались бы разборки, следствие, суд. Пришлось бы попасть под прицел высших магов. От их зорких глаз вряд ли укрылся бы зверь.

Харальд знал достаточно, чтобы избегать магических ловушек заурядных магов. Но от высших старался держаться как можно дальше. На этом настаивал Вальдемар.

Вальдемар...

При мысли о старейшине, оборотне, его воспитавшем, в душе всколыхнулась волна благодарности.

Харальд приехал в Межгорие в двадцать один год, будучи всего на год младше, чем сейчас Ринхар. Поехал туда по собственной воле, и поэтому смог оседлать своего дракона настолько, чтобы жить сейчас среди людей.

Вальдемар не раз подчеркивал: важно прийти к нему добровольно. Приехавший из-под палки, в угоду старшим, никогда своего зверя не одолеет до конца. Убаюкает лишь до поры до времени... до первого серьезного искушения.

Ринхар знает, что со старейшим не забалуешь, и аратачится, глупый мальчишка. Зря оттягивает неизбежное.

Зверь его все сильнее. Скоро Младший не сможет справляться с порывами. Выдаст себя. Выдаст их обоих.

Может, отправить его в Межгорие против воли? Уповать на то, что в процессе он втянется, одумается...

Харальд порой размышлял, что произойдет, если местным станет известно о том, что братья Вейзеры оборотни.

Разумеется, обоим придется исчезнуть из этих мест. Бросить родовое имение, людей, к которым привыкли.

Но проблема даже не в том, чтоб начать новую жизнь с нуля. Если сделать это сейчас, то одичалые окончательно захватят Дэнвишар.

А вот если сначала решить проблему...

Харальд задумчиво взглянул на окна своей спальни.

Если бы только она смогла выследить...

Если бы...

Внезапно щемящее чувство тревоги за Ариану заполнило грудь.

Ринхар?

Мелкий гаденьш!

Он швырнул цветок и метнулся ко входу в замок.

Стоит Харальду выйти за дверь, и я, будто подкошенная, валюсь на пол. Прижимаюсь спиной к каменной кладке. Потом вдавливаю в стену свой лоб и щеки попеременно. Затем снова прислоняюсь спиной. Пытаюсь, как умею, охладить кипящую кровь и жалею, что нас не учили морозным заклятиям.

Мне бы сейчас не помешало!

В голове полный хаос. Мысли скачут, как белки.

Откуда у Вейзера настолько бешеная, чувственная энергетика?

До сих пор мы общались ровно, по-дружески, а тут вдруг сорвало крышу обоим.

Наверно, дело в обстановке.

Я оказалась наедине с привлекательным мужчиной. Да еще в спальне. Вот и получилось то, что получилось.

Понемногу кровь перестает бурлить. В голове наступает ясность.

Хорошо, что мы договорились общаться снаружи. На улице будет проще себя контролировать. Особенно, если сесть подальше от собеседника, чтобы с ним не соприкоснуться.

Вспоминаю об обжигающем взгляде обещаю себе избегать зрительного контакта.

С установленными для себя границами становится немного спокойнее и, чтобы не терять времени даром, открываю кожаный перелет и пролистываю пожелтевшие страницы, вручную исписанные черными закорючками.

Буквы знакомые, но слова немного другие. Будто старая версия современного языка, которая воспринимается в разы тяжелее. Приходится буквально вгрызаться в речь, которая ведется здесь от первого лица.

«Среди всех оборотней оборотни универсалы — самые страшные создания. Сильные, хитрые и неуловимые.»

Повстречаться довелось мне с двумя особями, что оказались универсалами. Первая встреча чуть не закончилась гибелью моей, когда волчий зверь обернулся в медвежье подобие прямо в прыжке.

От верной гибели спас меня тогда мой верный клинок, что заточен был с особым охранным заклятием. В момент смертельной опасности молнией вылетел он из ножен и вонзился в грудь мохнатому зверю, от чего тот бездыханным рухнул на землю близ моих ног.

После смерти своей обратился зверь в прекрасную, юную деву, от красоты которой замирала душа. Не в силах смотреть на убиенную, я не смог сдержать слезы.

Дева та в человеческом облике имела живых родителей. Навестил я их и рассказал о судьбе дочери. Дабы не искали девицу и не ждали более ее возвращения.

Той же ночью матушка погибшей девы явилась ко мне и напала, обратившись в медвежьего зверя.

Был я готов к нападению. Несмотря на великие размеры зверя, удалось мне удержать того заклятием в магической клетке.

Долго держал я пленницу на привязи, пока не обратилась та обратно в человека. После хитростью выведал, что была та женщина укушена зверем волчьим много лет назад, по юности. Став постарше, встретила она медвежьего зверя, который кусил ее тоже. С той

поры могла девица оборачиваться в обоих зверей. По своему выбору.

После женщина вышла замуж за кузнеца. Родилась у них дочь красоты необыкновенной. Как исполнилось девице осьмнадцать годов, начала та обращаться в волчьего и медвежьего зверя по стопам своей матушки.

Вот как случилось, что две родственные особи напали на местных жителей. Всю округу держали в страхе. У женщины той были другие дети, что повзрослели, но зверями так и не стали...»

Задумчиво вожу пальцем по неровным строчкам.

Получается, оборотнем универсалом можно стать, получив укус от разных видов нечисти, а можно по рождению. Причем проявятся в ребенке гены оборотня или нет, — станет известно по достижении восемнадцати лет.

Пролистав еще несколько страниц, нахожу список заковыристых заклинаний, с помощью которых можно ловить оборотней.

Да это не книга, а самый настоящий кладезь мудрости, который обязан стать карманным справочником охотника на нечисть!

Видимо, за время учебы мой мозг натренировался запоминать магию, потому что прочитанное легко ложится на память.

Закрыв глаза, проверяю себя и удовлетворенно киваю полученному результату. Неплохой темп. Буквально за пару минут выучила два новых заклинания.

Собираюсь и дальше учиться, однако очень некстати в моем животе раздается голодное урчание.

Голод — это не страшно. Гораздо хуже, что одновременно с голодом ко мне незаметно подкралась жажда. Причем пить хочется в разы больше, чем есть. В организме уже начался процесс обезвоживания. В горле пересохло. Даже сглотнуть тяжело. Надо срочно попить, чтобы процесс не поскакал дальше ускоренными темпами. При такой жаре, как сейчас, это чревато.

Как назло, в комнате нет кувшина с водой. Здесь вообще нет ни одного источника воды.

Сначала я все-таки пытаюсь фокусироваться на чтении, а потом решаю больше себя не мучить.

Пойду-ка, поищу кого-нибудь из местных и попрошу себе воды.

Книгу я беру с собой, поместив ее в глубокий карман платья.

Раз Харальд доверил ее мне, и я за нее в ответе, значит, оставлять ее без присмотра нельзя.

Опасливо толкаю дверь. Выхожу наружу в просторный каменный коридор. Здесь нет окон, но, к счастью, на стенах крепятся зажженные факелы.

Не приходится даже прибегать к магии.

Коридор приводит меня к широкой, витиеватой лестнице, по которой тут же начинаю спуск. Здесь уже есть окна, поэтому можно контролировать, на какой высоте нахожусь. Миную этаж за этажом.

Если в этом доме есть прислуга, то она скорее всего находится внизу.

Чем ближе я к первому этажу, тем больше мне надоедает степенно вышагивать по лестнице. Такими темпами только за смертью ходить!

В конце концов, вспомнив детство, несусь вниз, перепрыгивая через ступеньку, и тем самым значительно ускоряюсь.

Поэтому когда внезапно передо мной вырастает фигура мужчины, я не успеваю

затормозить. Врезаюсь в него со всей дури.

Однако, вместо того, чтобы полететь вниз по ступенькам по типу сбитого шаром кегли, тот сжимает меня в охапку и непринужденно выпрямляется, словно его ноги выросли в камень — перил на этой лестнице нет.

Мне бы вырваться из его лап, но руки мужчины, как стальные обручи, пресекают мои попытки отстраниться. Незнакомец склоняется к моей шее, как животное, с шумом втягивает в себя воздух и утробно урчит:

— Вкусная... Огненная...

— Что, простите? — мне с трудом удастся отпихнуть этого психа и отступить назад.

Тот стоит на пару ступенек ниже, но при этом смотрит сверху вниз. Высокий, с мощно развитой мускулатурой, лишь частично прикрытой дорогой одеждой. С ухоженной бородой — будто только что вышел из барбершопа.

На вид адекватный человек.

Но при этом взгляд голубых глаз давит чем-то тяжелым, демоническим. Будто он не знает границ и для него нормы морали значат не больше, чем надоевшее жужжание мухи.

— Извиняйся! — вдруг приказывает незнакомец.

Обманчивая мягкость в низком, бархатном голосе напоминает кошачьи лапки, из которых в любой момент могут проступить когти.

Мне не нравится ни он, ни его «извиняйся!», но в данной ситуации я действительно оплошала, а свои ошибки надо признавать.

— Простите, что толкнула вас, — выдавливаю из себя неохотно, — Надеюсь, вы не очень сильно пострадали.

— Пострадал от чего? От тебя что ли, неуклюжая? — неожиданно он заходится оскорбительным смехом, и я начинаю закипать:

— Послушайте, я была не осторожна, но я извинилась. Не смею вас больше задерживать...

— От твоего «прости», — перебивает меня собеседник, загораживая дорогу, — мне ни тепло, ни холодно. Извиняться надо так, чтобы мне стало приятно, детка. Хочешь расскажу, как сделать приятно взрослому мужчине?

Правая рука сама собой взлетает вверх. Не успевает ладонь достичь наглой бородатой щеки, как мое запястье перехватывают, выворачивают в немыслимой траектории, — и всего через долю секунды я стою, руками вверх прижатая к каменной стене, а мой обидчик довольно усмехается и проводит шершавой пятерней по моей шее.

— Пусти! — зло выдыхаю, изо всех сил пытаюсь выбраться.

До своего кинжала и топорика, закрепленных на поясе, мне не дотянуться.

Коленка в пах с ним не проходит.

Мое трепыхание ему — что трепет глупой бабочки.

Он откровенно наслаждается своим физическим превосходством, а я...

Я ощущаю себя на дне.

Униженной, дальше некуда.

Даже, когда я жила в деревне среди грубых, косматых мужиков, сильно напоминавших бомжей, они не позволяли себе подобного.

Один раз Рыжий Грег сплоховал, наслушавшись дядиного вранья, но потом он неделю подряд таскался за мной побитым щенком и пытался загладить вину.

Не то, что этот агрессивный хлыщ...

Наталкиваюсь на его наглый взгляд, и он еще раз подтверждает мои выводы.

Это взгляд абьюзера, избравшего себе очередную жертву.

Мерзавец думает, что я, зажатая им на безлюдной лестнице, слабее. Поэтому не собирается отступать, пока не раздавит мое сопротивление всмятку.

Во мне все больше разгорается злость.

Ладно. Сам напросился.

Между нашими головами небольшая дистанция, сантиметров пятнадцать.

Ее как раз хватает, чтобы разжечь на уровне его подбородка огненные всполохи. Они недостаточно объемные, чтобы языки пламени облизали ему кожу или схватились за бороду, но достаточно интенсивные, чтобы незнакомец обжегся.

Нормальный человек отбежал бы, шипя и ахая от боли.

Но этот...

Этот псих даже не дрогнул. Продолжает буравить меня насмешливым взглядом, при этом хищно скалит идеально ровные зубы, имитируя, наверно, улыбку.

Затем поднимает правую руку, пронзает ею пламя и... неторопливо гладит меня по щеке! Запястье при этом полностью погружено в огонь, а ему хоть бы что. Улыбка не сходит с лица, в глазах — какое-то странное удовольствие.

Он больной?

От увиденного я окончательно впадаю в ступор. Тону в догадках.

Это огненный маг? Воин, которого Харальд призвал для борьбы с нечистью? Или... Это просто псих, с аномально высоким болевым порогом?

Ешки матрешки!

Не мог меня Вейзер заранее предупредить, что у него по замку бродят психи?! Я бы сидела тогда в спальне тихо, как мышка, и терпеливо ждала, пока меня позовут на пикник.

Харальд, чтоб тебя!

Где же ты ходишь?!

Внезапно тело незнакомца исчезает — его будто невидимой силой от меня отшвырнуло.

Я гащу пламя перед лицом, скрывающее происходящее, и вижу теперь Харальда, точнее, его спину. Теперь он стоит между мной и психом, угрожающе напрягая мышцы, и рычит.

Нет, не ругается хрипло.

Не шипит.

А именно рычит. Низко и утробно.

Странное дело, в присутствии хозяина дома псих немного теряет свою бойкость. Какое-то время злобно пялится в ответ, уже без наглой усмешки, а потом исчезает за ближайшими дверьми.

Вейзер, наконец, поворачивается ко мне, дрожащей и растерянной, прижимает к груди и бережно поглаживает по спине. От этого простого выражения заботы у меня внутри что-то надрывается, и я начинаю обиженно всхлипывать:

— Где ты был? Этот псих... Меня напугал... Он не боится огня... Ненормальный...

— Этот псих, — к сожалению, мой брат, — шепчет мне Харальд. — Младший. Он провокатор и дикарь, но больше он тебя не тронет... Не бойся. Я проведу тебя в сад, — мой защитник берет меня за руку и через его горячую, твердую ладонь в меня потихоньку втекает спокойствие и уверенность.

Пока мы идем по садовым тропинкам, я закидываю его вопросами:

— Почему он не обжегся? Мой огонь обжигает других, я это точно знаю.

— Специальная мазь и долгие тренировки, — деревянным голосом отвечает мой спутник.

— Ого! — удивляюсь. — Надеюсь, ты дашь мне рецепт этой мази? Она очень пригодилась бы боевым магам. Они то и дело обжигаются на тренировках.

— Эээ... Возможно. Если найду тетрадь с рецептом.

Такой ответ меня не устраивает.

Это даже не ответ. Это откровенная отмазка.

Но мы уже на месте, а я ужасно хочу пить. Горло пересохло до такой степени, что еще чуть-чуть — и начну каркать. Спорить с красивым мужчиной, постоянно облизывая губы и откашливаясь, как-то не камильфо.

Здесь, в небольшом пяточке, окруженном высокими кустами роз, накрыт низкий столик. Вокруг него раскиданы подушки, расшитые причудливыми узорами. Тонкий аромат цветов перемешан с каким-то другим, дивным оттенком...

Забывтый запах из прошлого...

— Очень пить хочется, — признаюсь. — Можно воды?

Харальд наполняет чашу водой, и протягивает мне. Проглотив все чуть ли ни одним залпом, становится полегче, а потом он наливает в мою чашку черную жидкость, задумчиво приговаривая:

— Не знаю, понравится тебе этот напиток или нет. Он горький, терпкий, но зато прекрасно бодрит. Думаю, если ты одновременно будешь есть мед...

Стоит мне поднести к лицу чашку, как из моих губ вырывается блаженное мычание, и я восторженно шепчу:

— Это же кофе!

За последние месяцы, проведенные в новом мире, мне ужасно не хватало кофе. Поначалу я с робкой надеждой приглядывалась к меню в академии, а между делом расспрашивала про черный напиток однокурсников, прибывших из разных концов страны.

К сожалению, через пол года учебы мне пришлось признать, что моя жизнь отныне будет протекать без кофеина.

Поэтому неожиданное угощение Харальда заставляет сердце ухвать от эйфории, а вкусовые сосочки стонать от предвкушения.

Первым делом выпиваю всю чашку до последнего глоточка. Стараюсь не залпом, а смакуя каждый глоточек. В меру крепкий, ароматный, бодрящий — идеальный черный кофе!

Если ко вкусу любимого напитка добавить насыщенный запах роз, столик, заставленный яствами, подползающую к нам приятную прохладу и привлекательного мужчину поблизости, к этому вечеру нельзя ничего ни добавить, ни убавить.

Почти свидание... Деловое.

— Спасибо! Обожаю кофе! — с сожалением ставлю пустую чашку на деревянный столик. — Где ты достал кофейные зерна?

— На юге Саурии, — объясняет Вейзер, поднося мне блюда с пирожками. — Там он зовется пинхвонитом, но твое название мне нравится больше. Значит, коф-фе... — Харальд с непривычной тягучестью произносит «ф». — Где ты пробовала коф-фе, Ари? Тоже в Саурии?

— Удивительная страна, эта Саурия. Это же там женщин толпами выдают замуж за одного мужчину? — уточняю, снимая с блюда пирожок. — У меня была однокурсница, у которой двоюродный брат переехал в Саурию. Так вот он рассказывала об огромном выкупе за каждую невесту. Количество жен определяет статус мужчины...

— Я это знаю, охотница, — перебивает меня собеседник. — Я знаю о Саурии все, что знаешь ты, и даже больше.

Хм. Перебил. Тон спустил на несколько градусов. Назвал «охотницей».

Формальное обращение Харальда — как щелчок мне по носу. Он перестал так меня именовать с нашей третьей встречи.

Наверно, злится, что я ускользнула от ответа на вопрос про кофе. Видит, что скрытничая, и ему это не нравится.

Пока пережевываю пирожок с мясом, размышляю о своей тайне. Я ведь никому до сих пор не рассказывала о своем происхождении.

Заикнулась пару раз своим однокурсникам про параллельные миры, но они посмотрели на меня, как на чокнутую. Думаю, лишь из уважения к моей огненной магии не покрутили пальцем у виска.

Возможно, в этом мире есть другие попаданки, но широкой общественности о них ничего не известно.

А сейчас Харальд, сам того не подозревая, загнал меня в угол своим вопросом. Может, рискнуть? Намекнуть ему, откуда я?

Нет. Пожалуй, пока воздержусь.

Доверие должно быть обоюдным, а у него слишком много секретов.

Закончив с пирожком, обещаю:

— Когда ты расскажешь мне, почему твой брат не горит и почему твое рычание понимает лучше моих слов, я расскажу тебе, где раньше пила кофе.

Харальд мрачнеет, хмурится, но кивает:

— Справедливо... — вдруг он резко мотает головой. — Нет. К бесам! Ничего справедливого тут нет! Глупо скрывать, я хочу узнать тебя, Ари! Кто ты? Откуда? Что любишь? О чем мечтаешь? Ты не похожа на других магов в академии. Вроде бы ты, как все, но другой такой нет. Если у тебя есть тайны, я не буду их трогать. Но тогда расскажи хотя бы то, что согласна.

Неожиданное признание мужчины меня и радует, и настораживает. Я действительно последние месяцы пыталась слиться с толпой. Но при этом чувствовала себя белой вороной, новичком, делающим первые шаги в мире, в котором другие давно освоилось.

Харальд как будто подглядел мои эмоции, самую суть. Когда тебя настолько тонко чувствуют, это приятно... и страшно немного.

Лихорадочно раздумываю, какие факты из моей биографии не будут противоречить биографии Арианы Микоф.

Как же непросто сравнивать две жизни, когда так мало знаешь о прежней хозяйке тела!

У меня в комнате до сих пор пылится нетронутым ее дневник, и сейчас я проклиная свое легкомыслие, из-за которого тянула с прочтением этого полезного документа.

Вздыхаю, сминая в пальцах очередной пирожок и признаюсь:

— Ну... Я не знаю, каково это иметь брата или сестру, зато хорошо знаю, как полагаться лишь на себя. У меня есть, конечно, родня, но она мне не поддержка. Дядя тянул из меня все соки. Пользовался печатью опекуна, только чтобы брать. Мне кажется, он меня ненавидит, а за что, не пойму.

— Ты его ненавидишь? — тихо спрашивает Харальд.

— Разве можно ненавидеть медведя или гадюку? — пожимаю плечами. — Я знаю, насколько он опасен, и пытаюсь избежать укуса.

— От гадюки не ждешь ничего хорошего. А от родного человека ждешь тепла и понимания. Когда их нет, становится больно. И горько.

Я могла бы признаться, что от дяди никогда не ждала тепла, потому что с первой секунды нашего знакомства он проявил звериную сущность. Но что-то опять удерживает меня от откровенности, и я плавно перевожу стрелку:

— А ты? Тоже ждешь от брата тепла и понимания? Или больше не ждешь?

Харальд направляет задумчивый взгляд в сторону замка. Пару секунд молчит. Потом решительно заявляет:

— Жду.

— Разве у тебя есть основания ждать и надеяться?

В моем понимании младший Вейзер имеет четко выраженный паттерн абьюзера. Думаю, так сказали бы о нем все психологи, на которых я была раньше подписана в соц сетях. С подобными нарциссами по-доброму обходиться бессмысленно.

Только четкие рамки. Границы. И дистанция. Чем дальше, тем лучше.

— Наша мать умерла при родах, — медленно произносит Харальд. — Ринхар всю жизнь винил себя в ее кончине. Несколько лет назад оборотень убил отца. После его гибели мне пришлось вернуться из путешествий и взять на себя управление именем. Для Ринхара я блудный брат, кого не было дома в момент смерти отца. Ему пришлось одному омыwać истерзанное, остывшее тело и укладывать его в семейный склеп. Он не может мне этого

простить. Бунтует против моего старшинства. Покушается на все, что я люблю. Ничего. Думаю, я смогу заполнить дыру в его сердце, и он утешится. Как я однажды.

— Может, и утешится, — задумчиво произношу. — Но ты на всякий случай будь готов к варианту, в котором твой брат выберет всю жизнь страдать и мучить других.

Харальд бросает на меня долгий, тяжелый взгляд. Наверно, осуждает, что не поддерживаю в нем искорку надежды. Или что человека сужу, хотя едва с ним знакома.

Я вздыхаю и едва заметно пожимаю плечами.

Что ни говори, детство и юность, проведенный рядом мамой, страдающей от зависимости, не добавляли мне оптимизма. Но если уж выбирать между реализмом и розовыми очками, я предпочитаю реализм.

В розовых очках долго не протянешь.

Итак. Я наелась, напилась, Харальд вроде тоже. Кажется, разговор по душам мы только что плавно закончили, поэтому благодарю за прекрасное угощение и достаю из вместительного кармана компактный томик про оборотней. Собираюсь уже приступить к чтению с самых первых строчек, как вдруг мой союзник предупреждающе поднимает ладонь и хмурится.

Смотрит куда-то вдаль, будто прислушивается, и задумчиво бормочет:

— Что-то не так в деревне.

Не проходит и минуты, как со стороны замка раздаются крики. За густо растущими кустами и деревьями не видно, кто кричит, однако голос звонкий, девичий, и с каждой секундой он становится все ближе. К нам бежит какая-то перепуганная девчушка!

Не сговариваясь, мы вскакиваем с подушек и бросаемся в ее сторону. Несмотря на то, что среди боевых магов, я была почти самой быстрой, мужчина легко меня обходит и первым подбегает к девушке, почти подростку, вспотевшей и покрасневшей от бега.

— Хозяин... Господин Вейзер... Беда... — пыхтит бедняжка, согнувшись с три погибели. — Снова убили! Сына мельника... Юного Перша... Я нашла первая... И сразу и вам... Как вы велели... Только по пути мамке его сказала и все...

— Спасибо Таи! Проводишь нас к телу?

— Как пожелаете, хозяин, — подобострастно кивает девчушка, успевшая на слове «нас» облить меня колкой неприязнью. Впрочем, она быстро берет себя в руки и, то переходя на бег, то на быструю ходьбу, ведет нас куда-то по широкой тропе. Мы спешим за ней, и я вопреки желанию подмечаю обожающие взгляды, что она кидает на своего господина.

С таким выражением, наверно, только в церкви смотрят на иконы. Бедная влюбленная девочка!

Или все-таки не бедная?

Может, у них с господином разделенная любовь?

То, как Вейзер поедал меня глазами в спальне, говорит только том, что он находит меня привлекательной. Но ведь можно многих считать привлекательными. Такие взгляды — они не о чем.

Встрянув головой, пытаюсь заставить себя сфокусироваться на деле. Тем более, судя по всему, мы уже приближаемся к месту преступления.

По крепкому мосточку минуем обмельчавшую речку, скорее даже ручей, и взбираемся на высокий холм, заросший чалой травой. Сразу за ним виднеются бревенчатые дома, окруженные золотистыми полями.

В отдалении, на краю деревни, располагается белая церквушка, от которой доносится негромкий колокольный звон.

Убийство здесь — всеобщая беда. Побросав все дела, и стар и млад высыпает из домов, огородов, полей на главную проселочную дорогу. Селяне охают, стонут, кричат, плачут...

Они мне чужие, все эти люди, но их сопричастность к трагедии, казалось бы, одной семьи делает их родными. В таком месте, где нет равнодушных, где горе одного переживается всеми, я бы, пожалуй, не отказалась поселиться!

— Поднажмем! — бросает мне Харальд. — А то следы затопчут.

С рысцы мы переходим на такой стремительный галоп, что девчушка за нами едва поспевает.

Наконец, значительно перегнав всех местных жителей, мы оказываемся у совсем небольшого пруда, по краям заросшего высоким рогозом. Воздух здесь наполнен запахом тины и удушающе приторным ароматом цветов.

— Вот он! Вот он, хозяин! — кричит Таи, тыча пальцем в сторону правого берега, однако Харальд уже видит жертву, и стремглав несется к ней, вынуждая хлюпать за ним по влажной земле.

Когда мы оказываемся метрах в двадцати от тела, едва заметного в прибрежной растительности, Харальд останавливается и поворачивается к девочке:

— Таира, проследи, чтобы к нам никто не приближался!

— Как скажете, хозяин, — сговорчиво кивает она, не забыв мазнуть по мне враждебным взглядом.

Похоже, этой дурочке не по душе, что хозяин опять включает не ее, а меня в свое «нам».

Тут же становится стыдно, что я подмечаю чью-то дурацкую ревность рядом с чужой смертью.

Ешкин кот, да пусть она хоть каждый день смотрит на меня волком! Моя задача — поймать оборотня и его обезвредить!

Злость на себя помогает сфокусироваться на деле.

Голова и плечи убитого погружены в воду, а остальная часть истерзанного тела звездочкой раскинута на берегу.

Мы немного не доходим до обутых в сапоги ног. Харальд перекрывает мне ход рукой, будто шагбаумом.

Указывает на влажную поверхность земли, и спрашивает:

— Что ты здесь видишь, Ари?

Внимательно осматриваюсь.

— Поблизости от пруда поверхность влажная, поэтому все следы отпечатались, как на бумаге. Вот следы жертвы, — машу в сторону отпечатков, цепочкой идущих от пруда к деревне. — А вот следы крупной кошки. То ли барс, то ли...

— Это барс, — нетерпеливо обрывает меня Харальд. — Дальше?

— Из обратных следов только волчи, — я говорю «волчи», но они раза в два крупнее отпечатков среднестатистического волка. — Странно. Кошки плавать не умеют. Куда делся барс и откуда взялся волк? Хм...

— Твой вывод?

— Значит, не барс?

— Это следы барса... Неужели ты не замечаешь очевидного?

— Оборотень универсал! — вскрикиваю. — Он убил паренька, будучи барсом, а потом

обратился в волка...

— Именно, — мрачно заключает Харальд. — Ты догадалась о главном, умница моя!

— Предыдущие убийства прошли по такой же схеме? Две разных цепочки следов?

— Да.

— Удалось отследить, куда ведут следы?

— Они теряются в лесу. Мы ведь даже не знаем, есть у этого оборотня только две звериных ипостаси или их больше.

— Я уже давно хочу тебя спросить. Как погибли предыдущие охотники на нечисть?

— Одного в лесу разорвал оборотень. Другой угорел в запертой снаружи деревенской бане.

— Значит, убийца свой? Деревенский? — в ужасе заключаю.

— Именно. И прячется он просто мастерски.

Вейзер опускается к неподвижному телу, поднимает за ладонь окровавленную руку, лишь наполовину торчащую из воды, проводит по линии порванных вен и бормочет:

— Еще остыть не успел. Даже кровь не свернулась.

— Но... — всплескиваю руками. — Выходит, оборотень где-то рядом! Смотри, волчьи следы ведут в сторону леса! Мы знаем, где его искать!

Я с надеждой смотрю на Харальда. Может, вдвоем мы сумеем нагнать и одолеть нечисть?

Он, конечно, простой мирянин, отнюдь не боевой маг. Зато у него отменный слух и, раз он прекрасно стреляет из арбалета, то, возможно, владеет и другим оружием. К тому же я помню, с какой легкостью он оторвал от меня своего братца верзилу и донес Клея до академии. Силушкой его точно природа не обделила!

Мужчина верно трактует мой взгляд, однако в ответ хмурится:

— Ради бога, Ари, не смотри на меня с умоляющим видом! На данный момент все преимущества на стороне врага. Мы даже книгу Стархада еще не прочитали!

— Это ты ее не прочитал! — поправляю запальчиво. — Но тебе и не обязательно ее читать, раз ты не являешься боевым магом. А я успела прочитать пару страничек и узнала кое-что очень полезное!

— Нет, — он решительно качает головой. — Что я скажу школьной администрации, если с тобой что-то случится? Нет. Даже не проси.

— Ты просто боишься! — выпрямляюсь, повыше задирая подбородок. — И я тебя не виню. Ты ведь не обязан охотиться на нечисть, потому что ты не охотник, а простой лорд, который ищет супергероя. Так вот. Считай, что тебе повезло. Ты нашел свою Чудо-Женщину и Терминатора в одном лице!

— Кого нашел? — оторопело переспрашивает Вейзер, но я уже разворачиваюсь к нему спиной и торопливо следую за волчьими отпечатками.

Параллельно достаю из ножен свой клинок и вытаскиваю топорик из специального крепления на поясе. Осматриваю два любимых оружия.

Со вчерашней охоты прошло не больше суток, а кажется, целая жизнь. Хорошо, что так и не отдала оружие на магическую подзарядку, только по-быстрому кровь отмыла с лезвия и рукояти, и снова прицепила к одежде. Как чувствовала, что пригодится!

За моей спиной сквозь писк девчонки (Хозяин! Куда вы? Как же... Опасно же...) раздается голос Харальда, что увязался за мной по пятам:

— Ари! Не суетись. Ты делаешь глупость! В тебе сказывается недостаток опыта и подростковый запал. Надеешься на легкую победу, но ее не будет.

Игнорирую обесценивающие замечания и пессимистичный посыл. Я напала на след, и просто так не отступлю! По моим расчетам зверь не мог убежать больше, чем на три километра. Это мой шанс его сцапать!

Низкий голос за моей спиной вибрирует все громче, все злее:

— Упрямая девчонка! Зачем я взял тебя в замок! Лучше бы ты сидела в академии под домашним арестом за незаконное вторжение в кабинет ректора... К бесам, Ари! Не заставляй меня связывать тебя по рукам и ногам! Я не собираюсь с тобой церемониться...

На последних словах я все-таки не выдерживаю. Оборачиваюсь и с шипением бросаю в

красивое, наглое лицо, что находится всего в полуметре от меня:

— Только попробуй еще раз пригрозить мне насилием, и я поджарю тебя огненным шаром! Будешь месяцами залечивать ожоги у лучших целителей страны! — мои угрозы проходят мимо его ушей, будто он каждое утро принимает огненный душ. На грани отчаяния добавляю: — Прикоснешься ко мне против воли — не прощу. Никогда.

На последних словах глаза Вейзера темнеют от гнева. Теперь он явно не смеет меня тронуть, хотя всего минуту назад собирался скрутить и утащить куда-нибудь подальше от леса.

Лаконично произносит:

— Значит, все-таки будешь глупить, — и пристраивается справа от меня.

Зачем, спрашивается?

Больно он мне нужен.

Сама прекрасно справлюсь, без него!

Пусть ступает в свой каменный замок, раз так боится! И пусть сидит там, в безопасности на своей шелковой простынке и созерцает красочные гобелены или нюхает розы в саду. Или пьет свой кофе из белой керамической чаши и делает вид, будто ему не все равно, что в деревне гибнут люди...

Черт побери!

Кофе...

При мысли о кофе из меня мигом вытекает вся былая воинственность.

Если останусь жива, я собираюсь баловать себя этим божественным напитком, а без Харальда это будет сделать чертовски трудно. Наверно, не стоит перегибать палку, а то кто знает... Вдруг у него помимо кофе еще и какао бобы имеются?

С учетом своих долгоиграющих планов мне удастся взять себя в руки и выдавить из себя вежливое:

— Спасибо, что передумал.

Вместо ответа он пронзает меня выразительным взглядом.

Мол, я-то не передумал. Это тебя, идиотку, жалко.

Пожав плечами, дальше иду в тишине.

Наконец, мы заходим в лес, совершенно не похожий на Лес Забвения. Здесь растут деревья с редкой, жухлой листвой. Мало зелени, много желтой травы и даже сучки здесь трещат под ногами звонче. Засуха превратила это место в спичечный коробок.

Одной искры хватит, чтобы выжечь леса за кампанию с урожаем и деревней.

Меня охватывает чувство, будто я лишилась главного козыря.

Обидно, конечно, но это не повод поворачивать назад.

Сквозь бурелом протискиваемся к открытому пространству у обмельчавшего ручья. Оно похоже на водопой, потому что звериных следов здесь видимо-невидимо. На любой вкус.

Вот сейчас след можно считать официально потерянным.

Харальд подбоченивается и торжествующе смотрит на меня.

Мол, ну что я тебе говорил?!

Еще вчера я бы признала свое поражение и с опущенным носом поплелась в замок. Но сегодня багаж моих знаний пополнился ценным заклинанием из книги Стархада.

Легко извлекаю его из памяти и произношу вслух, отчетливо выговаривая каждую букву. Шипящие, скрипучие, гортанные звуки древней музыкой увлекают за собой в иное измерение, и на несколько секунд я позволяю себе сомкнуть глаза.

Когда же заканчиваю читать заклинание, Харальд смотрит на меня по-другому. В его взгляде читается паника, ярость, недоумение, и это, мягко говоря, напрягает.

Почему он всполошился?

Чует, наверно, что встречи с обратнем нам теперь не избежать! Видно, ему не нравится мысль, что не он, а я оказалась права.

— Какое заклятие ты прочитала? — сдавленно произносит он, напрягая каждую мышцу тела.

— О... Это ловушка на живца. Теперь все оборотни в радиусе трех километров неизбежно примут звериное обличье и понесутся ко мне, одержимые одним-единственным желанием.

— Каким желанием? — странным голосом выдавливает он из себя.

— Рвать меня на куски! — мрачно признаюсь. — Длится оно всего пол часа, так что за это время мы обязаны уничтожить подлого убийцу! — на этих словах я принимаю боевую стойку и поворачиваюсь к нему спиной, потому что мой внутренний радар запеленговал стремительное приближение крупной особи с юго-востока.

Покрепче сжимая в ладонях рукояти, готовлюсь принять на себя всю ярость зверя. Адреналин зашкаливает, и я чувствую, как в пальцах мелко подрагивает оружие.

Когда нас разделяет какая-то пара сотен метров, выравниваю дыхание, фокусируюсь и мысленно начинаю обратный отсчет, как нас учили в академии.

Десять, девять, восемь...

Харальд за моей спиной никак не комментирует мои последние слова, но и не молчит. Лопатками ощущаю его возню, причем очень активную. И звуки... Хруст, шуршание, пыхтение... Очень меня отвлекают.

Шесть, пять...

— Харальд, — бросаю ему, не оглядываясь, — сосредоточься уже! Он рядом!

Нет ответа. Только странные звуки усиливаются.

Четыре, три...

Черт! Да что с ним такое?!

На пике тревоги оборачиваюсь и вижу... Как вытягивается лицо Харальда, на глазах превращаясь в звериную морду, кожа обрастает чешуей, в глазах появляется вытянутый зрачок, а тело... Костяк с жутким хрустом ломается, и стремительно набирает объем вместе с мышцами.

Что?!

Я даже не успеваю толком осознать, что происходит. Срабатывают инстинкты. Кувырком откатываюсь подальше от бывшего союзника, и в ту же секунду раздается треск бурелома на подходе к водопою.

Из кустов выпрыгивает огромный волчара, свирепо оскаливший пасть. Мельком успеваю отметить, что зверь с меня ростом. Огромный. Несется, несмотря на размеры, чертовски быстро, будто видео на перемотку включили. Двигается то на четвереньках, то на задних лапах.

Какое-то время действую, опираясь на усвоенные до автоматизма навыки боя. Отпрыгиваю, наскокиваю, уворачиваюсь.

Благодаря хорошей реакции удается избегать его зубов, но дотянуться лезвием до шкуры никак не получается. Мне хватает всего нескольких минут, чтобы понять: этот зверь на порядок опытнее и сильнее тех, что я встретила вчера с Клеем.

А я... Мое сознание, как смертельно раненый зверь, не может справиться с ужасной новостью. На поляне дракон по имени... Харальд. Он не бросается на меня, вопреки заклинанию, и я даже не пытаюсь понять, почему...

Фокусируюсь лишь на том экземпляре, что меня атакует.

В какой-то миг мне везет. Зверь, встав на задние лапы, подставляет брюхо, и я быстрым замахом клинка пытаюсь вспороть уязвимое место. Противник ударом лапы, — совсем теперь не волчьей! — пронзает мне правое запястье, несмотря на защиту из прочной кожи, и с мясом выдирает когти из моей плоти.

Доля секунды — и передо мной барс исполинских размеров!

Из бесполезной руки вываливается клинок, когда одним прыжком с перекатом я ухожу из поля досягаемости. Из-за адреналина боль, охватившая руку, не ощущается в полную силу. Благоразумия все же хватает на то, чтобы осознать: все, отстрелялась, пора отступить.

Но куда здесь отступишь?!

От барса не спрячешься на дереве, а сбежать я не успею. Шумное дыхание зверя наступает мне на пятки, и я делаю единственное, что мне остается, чтобы выжить, — резко разворачиваюсь и швыряю в пасть огненный шар, размером с теннисный мяч.

Пламя забивается хищнику в глотку, но ожидаемой реакции я не вижу. Барс просто наступает на меня дальше, как спятивший терминатор.

Понимаю, что не успею ни подпрыгнуть, ни подтянуться, ни увернуться от хищных клыков. И все же не могу не попытаться сбежать.

Внезапно за моей спиной раздается грохот столкнувшихся поездов. Шум нарастает и становится все мощнее и выше. Скрежет зубов, хруст когтей, челюстей, рычание...

Так и не убежав далеко, поворачиваюсь и вижу двух драконов, сцепившихся зубами и когтями прямо в воздухе.

Они одинакового размера, и чешуя у обоих цвета металлик...

Который из них Харальд я понятия не имею, но уверена на все сто: после заклинания ему охота терзать меня, а не себе подобного.

Одна частичка моего сердца желает ему победы, другая талдычит: они оба должны погибнуть!

Не знаю, сколько времени продолжается бой крылатых ящеров.

Вдруг ощущаю, что потихоньку слабею. Прислоняюсь к стволу дерева и съезжаю по нему на землю. Сознание мутнеет. Перед глазами плывут радужные круги.

Подношу к глазам раненое запястье.

Сквозь порванную кожаную защиту ничего не разберешь. Срезаю коричневую кожу и отшвыриваю в сторону — все равно элемент защиты безнадежно испорчен.

Когда поврежденный участок руки отрыт, прихожу в ужас. Из разодранной в мясо плоти пульсирующей струйкой вытекает кровь. Повреждена артерия...

Черт...

Откладываю на землю топорик. Уцелевшей рукой отрываю от подола хорошую полосу ткани и потуже обматываю рану. Пыльный бинт, извозюканный в грязи, лучше, чем ничего.

Ведь от инфекции не умирают в считанные минуты, в отличие от потери крови. Если повезет, успею добраться до целителей!

Когда мое запястье неумело перевязано, — бинтовать одной рукой оказалось гораздо труднее, чем думалось! — наступает тишина. Осматриваюсь.

Драконов больше не видно и даже не слышно. Возможно, сегодня меня не сожрут, если успею спрятаться в безопасное место.

Всего пол часа назад я бы устремилась в замок Вейзеров. А сейчас понимаю: туда ход закрыт.

Мысль о Харальде когтями царапает душу, рвет на части, превращая эмоции в кровавое месиво похуже запястья.

Да, он меня не прикончил, вопреки заклятию. Да, он накинулся на другого оборотня, чтобы меня прикрыть... наверно. Но это не значит, что теперь, когда я узнала его тайну, лорд отпустит меня обратно в академию живой и невредимой.

По сути, шагнув за ним в портал, я передала власть над собой в его руки. Ведь заклинания для самостоятельного возвращения в кабинет ректора мне не известно. Наверно, я стала первой в истории академии охотницей, что доверилась нечисти.

Молодец, Варя!

Круто подставилась.

Наивность тебе второе имя!

Думала, раз Вейзер помог с ректором и Клея спас от верной смерти, значит, он добро во плоти?

Решила, раз выучила пару новых заклинаний, то сразу стала непобедимой?

Хотя нет.

О победе я как раз не думала.

Думала о женщинах, что выли на всю деревню, оплакивая сына, брата, племянника. И о том, что не позволю больше им оплакивать близких из-за поганого оборотня.

С трудом встаю и бреду, спотыкаясь об каждую кочку, в сторону деревни. Единственно место, куда, возможно, осилю дорогу.

Попрошу там убежища.

Может, меня не откажется приютить какая-нибудь сердобольная старушка.

Наверно, в каждой деревне такие есть... Добрые, хорошие... Как Мария...

Как же хочется присесть... Отдохнуть чуть-чуть...

Шевелись, тряпка!

Шаг... Еще шаг...

Когда перед моими глазами вырастают первые деревенские избы, сил не остается ни грамма. Земля стремительно выскользывает у меня из-под ног, и я проваливаюсь в темноту.

Просьпаюсь от того, что меня зверски мутит. Успеваю метнуться к краю кровати, чтобы не запачкать рвотой постель. Однако из горла ничего не выходит, кроме сухого, сдавленного кашля, и я снова откидываюсь на подушку.

Желаемого облегчения так и не наступает.

Чувствую себя отвратительно. Слабость, тошнота, саднящая боль в запястье. Будто каждую клеточку тела отбили, прожевали и выплюнули.

Хотя в зашгоренной комнате полумрак, даже слабый свет режет глаза.

Почему-то мне кажется очень важным осознать, где я оказалась, поэтому сквозь прищуренные веки осматриваю помещение.

Нежно-салатовые стены вдоль и поперек исписаны черными исцеляющими рунами, а прохладный воздух пропитан ароматом пряных трав, в составе которого узнаю лишь эвкалипт.

Мое тело обволакивает пепельное облако энергетической подпитки, немного охлаждающее и приятно покалывающее кожу. Оно следует моим движениям, как живая одежда, сплетенная из тумана. Стоит мне поднять руки, чтобы протереть глаза, как их тут же обволакивает дымка.

Я слышала, что подобная магия используется высшими целителями в академии.

Вроде меня подлечить пытались, причем высшие маги, так почему же мне так хреново?

Роюсь в закутках памяти и та услужливо рисует красочные картинки.

Оборот Харальд. Схватка двух драконов. Я, истекающая кровью, плетусь к деревне.

Наверно, меня нашли деревенские и доставили целителям. Так однажды Мария помогла мне перенестись в академию. Хотя... если бы Харальд не втянул меня тогда в кабинет ректора, как испуганного котенка, может, я и не решилась бы сама переступить открытый портал.

Очередное воспоминание о Харальде припечатывает меня к кровати неподъемной тяжестью.

Первый мужчина в этом мире, который мне по-настоящему понравился. Таинственный. Сильный. Умный. То ли нахальный, то ли смелый. Плюющий на правила, но при этом живущий по своему кодексу чести.

Черт, мне нельзя с ним сблизиться.

Даже целоваться нельзя!

Во время укуса у оборотней выделяется особый яд, заражающий нормального человека. Укуси он меня за губы в порыве страсти, — и я пополню ряды тех, с кем училась бороться.

И, тем не менее, эта нечисть дважды спасла мне жизнь. В первый раз от безумного ректора. Второй раз от оборотня универсала. Это же какой железной выдержкой надо обладать, чтобы воспротивиться силе заклятия!

Я перед ним в долгу. В двойном.

А, с другой стороны, мой первоначальный долг — сообщить о нем академическому совету.

Сегодня лорд Вейзер, может, хороший. Но кто знает, что будет потом? Вдруг завтра у него что-то переклинит в мозгу и он начнет кидаться на всех встречных?

— Харальд, чтоб тебя черти задрали! — шепчу одними губами, и из глаз брызгают

слезы.

Злюсь на него, и на себя. Здесь, в академии, я проигнорировала внимание прекрасных представителей мужского пола, зато сразу потянулась к нелюдю.

Бедовая. Невезучая.

Хоть волком вой!

Или драконом шипи!

Придавленная своими мыслями, не замечаю, как в комнату тихонько открывается дверь. И шелест шагов не осознаю до тех пор пока на мое плечо не ложится рука. Прикосновение настолько нежное, воздушное, что я даже не вздрагиваю, несмотря на неожиданность.

— Дорогая моя Ари! — тихо вздыхает Мелина, продолжая бережно поглаживать по плечу. — Мы с коллегами еле вытащили тебя с того света. Мы вернемся к этой теме, когда ты немножко окрепнешь. Нельзя тебе было одной против оборотня универсала! Ты же даже экзамены еще не сдала... И кстати об экзаменах. Поскольку ты практически за два дня сумела одолеть трех оборотней... то есть, как минимум двух, совет преподавателей решил засчитать все экзамены сданными на отлично. Больше тебе не придется корпеть над учебниками, дорогая моя девочка! Нет, ты, конечно, можешь, если захочешь! Доступ в нашу библиотеку для тебя всегда будет открыт, но ты не обязана...

От частых кивков из ее элегантно уложенной прически, на красивое лицо спадают длинные, седые пряди, делая ее похожей на фею. По крайней мере, именно так я себе представляла в детстве крестную Золушки. Наверно, с таким же одухотворенным видом она рассказывала крестнице про бал и карету из тыквы.

— И, представь себе, лорд Вейзер был столь любезен, что заплатил за убитого тобой оборотня универсала по тройному тарифу. Так что увесистый мешочек с золотыми монетами дожидается тебя в кабинете Леандра. Отныне ты лицензированная охотница на нечисть, Ариана Микоф! И вполне не бедная, я тебе скажу! Леандр утверждал, что все эти новости надо было бы высказать на особой церемонии награждения. Но я считаю, что хорошие новости помогут тебе исцелиться, правда, милая? Зачем с ними тянуть?

— Вы упомянули что-то про лорда Вейзера, — из горла вылетает лишь хриплое карканье. — И про награду. Это ошибка. Я не убивала оборотня универсала. Пыталась. Но не смогла.

— Дорогая девочка, ты еще очень слаба. Много не в состоянии оценить адекватно. Но ты не переживай, мы обязательно поставим тебя на ноги... Со временем.

— Где лорд Вейзер? — перебиваю ее.

— Он... — фея крестная вздыхает. — Он принес нам тебя полуживую и...

— Это он меня принес? — переспрашиваю с изумлением.

— Конечно, дорогая! Кто же еще? И теперь не отходит от этой комнаты. Рвется к тебе. Собственно, я потому и пришла. Хотела узнать, готова ли ты его принять? Видишь ли... Как бы это сказать помягче... Мне кажется, лорд не совсем стабилен в эмоциональном плане. А тебе нужен покой...

— Я готова его принять! — отрезаю нетерпеливо. — Позовите его, пожалуйста!

В тот же миг дверь открывается, и в комнату врывается Харальд, сразу заполняя своей мощной энергетикой все свободное пространство.

Ну, конечно.

Он не дожидался официального приглашения, так как прекрасно все услышал через дверь своим феноменальным звериным слухом.

При его появлении Мелина встает, оправляет невидимые складки на юбке и грозит тонким пальчиком зашедшему мужчине. Игриво заявляет:

— Не утомляйте ее слишком сильно, лорд. Девочка все-таки очень слаба. Я подпитала ее дополнительно, чтобы вы смогли... побеседовать, но надолго заряда не хватит.

— Изю всех сил постараюсь сдерживаться, госпожа главная целительница.

Их диалог звучит двусмысленно. Будто мы с Харальдом собираемся заниматься чем-то невероятно энергозатратным.

К щекам приливает кровь, и я, досадуя на себя и на этих двоих, отворачиваюсь к стене. Кончиком пальцев провожу по замысловатым узорам целительных рун.

Что мне делать? Вот бы кто-нибудь подсказал мне правильный ответ! Вот бы было пособие для охотницы, увлеченной оборотнем!

Однако нет такого пособия. И правильного решения нет.

Мне придется следовать голосу сердца, потому что разум в данной ситуации бесполезен.

После того, как за Мелиной закрывается дверь, Харальд садится на край кровати, занимая то место, где только что сидела целительница.

Кожей ощущаю на себе пристальный взгляд. Вот он осматривает мой окровавленный бинт на запястье, алеющий сквозь лечебную дымку. Затем движется вверх, по багровым от кровоподтеков плечам и, задержавшись на шее, скользит по лицу в порезах и ссадинах.

Подумать только... Оборотень совсем рядом, а мне не страшно и даже не тревожно ни капли. Наоборот спокойно, будто в его присутствии мне ничего не грозит.

Пусть весь мир обрушится на нас — Харальд подопрет его своим могучим плечом, и скажет, что ему ничуть не тяжело.

— Как ты себя чувствуешь, Ари? — его взволнованный, тихий голос задевает внутри некую струнку, от которой сразу вибрирует-поет душа и сердце срывается с ритма. Когда он успел стать для меня настолько особенным?

Хочется закричать: «Ужасно! Я стою перед выбором. Либо предать тебя, спасшего меня дважды, либо своих учителей и Клея!»

Но я не смею говорить откровенно.

Ведь даже у Клея есть слухач, а для любого мага подслушать наш разговор — раз плюнуть! Мелина... Она воистину любопытна.

Пожимаю плечами:

— Мне плохо, Харальд, — пытливно вглядываюсь в его глаза. — Правда не всегда оказывается по зубам. Но уж лучше сломать зубы об ее жесткий сухарь, чем травиться сладкой ложью.

Странно. Раньше его радужка казалось мне темно-серой, почти черной, а сейчас она пепельно-светлая, в рыжую крапинку. Словно тлеющие угольки, раскиданные по горячему пеплу. Красиво!

— Если пожелаешь, готов хоть закормить тебя сухарями, — усмехается он. — Только не в этих стенах.

— Я буду ждать твоей откровенности. Имей в виду, лорд Вейзер, у меня скопилось к тебе столько вопросов, что за время нашей беседы твои кофейные запасы сильно

истощаются, — на этих словах мой собеседник улыбается. — А пока ты можешь рассчитывать на мою благодарность. Разумеется, с одной оговоркой. Если на кону весов окажутся моя личная благодарность и общественное благо, я выберу последнее.

— Ты выразилась яснее некуда, Ари. Обещаю, ты не пожалеешь о своем решении. Есть еще кое-что... — Харальд заминается и отводит взгляд. — Я связался со старым другом. Он слышал про печать опекуна. Так вот, магическая связь с опекуном влияет на твой энергетический баланс, особенно сильно, когда ты в ослабленном состоянии. Чем ближе ты к опекуну, тем быстрее затягиваются раны. И наоборот.

— Но мой нынешний опекун Леандр. Не жить же мне с ним в одной комнате! Нас неправильно поймут. Если только в соседней устроиться...

— Леандр был твоим опекуном, пока ты не стала лицензированной охотницей. Ректор заведения, в котором ты больше не учишься официально, не может исполнять роль твоего опекуна. Он способен блокировать болевые заклинания, но это другое.

Изо рта вырывается стон, потому что только сейчас понимаю, что новость, принесенная Мелиной, вовсе не такая хорошая, как изначально казалось.

Но решение совета не переиграешь.

Не скажешь ведь преподавателям: я выпустилась с отличием, но вы все-таки оставьте меня на второй год!

— То есть я даже поправиться нормально не смогу вдали от дяди?

Харальд мотает головой:

— Прости, Ари. Еще один жесткий сухарь. Я расскажу об этом целителям.

Его пальцы нежно прикасаются к здоровой ладони, словно пытаюсь смягчить плохую новость. Легкие прикосновения волшебным образом будоражат все тело.

Ну почему этот мужчина, такой желанный и соблазнительный, теперь для меня под запретом?

Я убираю руку и сжимаю пальцы в кулак, пытаюсь справиться с чувствами, но следующие слова ударом под дых выбивают из меня остатки самообладания:

— Если ты станешь моей женой, то печать перейдет мне...

— Харальд, прошу тебя! — я возмущенно взираю на оборотня. Боюсь, он услышит, как трепещет мое сердце на этих словах и правильно истолкует его стук.

— Я ценю, что ты пытаешься мне помочь, но если поменять одного хозяина на другого, это не отменит факт рабства.

— Зато улучшит качество твоей жизни, Ари. И знай, я не собираюсь быть тебе хозяином!

— Я не хочу обременять твою жизнь договорным браком. Тебе и брата хватает.

— Пусть мой брат тебя не волнует. Я дам тебе время подумать. Просто не отметай эту мысль на корню, ладно? — просит лорд.

— Я придумаю другой способ. Как-нибудь выкручусь без замужества. Спасибо тебе еще раз за дружеское участие!

— Ари, звезда моя, — тихо произносит Харальд, и от его низкого, вибрирующего голоса у меня кружится голова. — От дружеского участия в моем предложении нет ровном счетом ничего. Я буду ждать нашей следующей встречи в надежде, что ты передумаешь.

На этих словах он встает с кровати и шагает за дверь, а мое проклятое, непослушное сердце устремляется туда же вслед за ним.

— Трижды, — шепчу едва слышно и прикладываю к щеке ладошку, к которой

прикасались его пальцы. — Ты спас меня трижды. В третий раз ты не дал мне умереть от ран там, на холме перед деревней. Я не забуду, Харальд.

Когда я в детстве болела, время всегда замедлялось. Оно сочилось тонкой струйкой, неторопливым ручейком, которому некуда спешить. Капля за каплей собиралось в минуты, минуты стекались в часы.

Лежать подолгу в кровати или быть запертой в четырех стенах всегда казалось мне, любопытной непоседе, настоящей пыткой.

К счастью, здесь, в академии, болеть совершенно не скучно, потому что большую часть суток я провожу в дреме. Просыпаюсь на несколько минуток для удовлетворения первичных потребностей, а потом снова проваливаюсь в сон.

Во время своих пробуждений замечаю на стенах комнаты венки пахучих трав, на прикроватной тумбочке — букеты полевых цветов и любимые ранее лакомства. Кто приносит мне милые пустячки остается только догадываться.

Однокурсники?

Преподаватели?

Про Харальда думать себе запрещаю.

Редкие минуты моего бодрствования обычно проходят в одиночестве. Только Мелине иногда удается застать меня не спящей, и тогда она успевает меня накормить, осмотреть и напоить лечебным отваром.

По словам целительницы, в мою кровь попала неизвестная зараза, вот поэтому я и чувствую себя хуже некуда.

Рана раздулась, кровит и гноится — словом, выглядит так, будто мое запястье похитили маньяки коновалы и неделями терзали ржавыми инструментами.

По идее, я уже давно должна идти на поправку, однако в действительности мое состояние лишь ухудшается.

Получается замкнутый круг.

Я тяну с возвращением к дяде, потому что рядом с ним мне нужно быть сильной. Но и восстановиться я не могу, пока не окажусь от него поблизости.

Однажды Мелина особенно долго осматривает мою рану под разными ракурсами. Хмурится. Вздыхает. А потом заявляет: если я срочно не попаду к Мариусу, у меня начнется гангрена. Ее пугающие слова заставляют меня согласиться на срочное возвращение.

Во время следующего пробуждения целительница берет меня за здоровую руку и до отказа наполняет энергией. Сил теперь хватает, чтобы подняться и, придерживаясь за стеночку, направиться в кабинет ректора, где Леандр обещал подготовить для меня портал.

Пока я ковыляю по длинным коридорам, изо всех сил стараюсь не разрыдаться. На глаза то и дело набегают слезы, которые я незаметно промокаю забинтованным запястьем.

Мысль о том, что я снова окажусь во власти дяди, будучи максимально уязвимой, вгоняет в депрессию. Но и выхода другого нет.

Сдерживаюсь, чтобы своими слезами не расстраивать учителей. Думаю, вот окажусь по другую сторону портала, забудусь там в какой-нибудь уголок и проплачусь вволю!

В реальности получается все по-другому.

В кабинете ректора меня встречает целая делегация, но первого, кого выхватывает глаз, — это Клей, целый, невредимый, одетый в какие-то невообразимые воинские доспехи и вооруженный с головы до ног. Суровый и будто повзрослевший после ранения.

Я не видела друга с тех пор, как передала его в руки целителей, поэтому сейчас с писком кидаюсь к нему. Обхватываю мускулистое туловище и изо всех своих хилых сил стискиваю:

— Как я рада, что ты жив, Серыш! Ты не представляешь!

— А уж я как рад! Теперь твоя очередь возвращаться к жизни, Микоф! — усмехается парень, аккуратно прижимая к себе, и незаметно вкладывая в мою ладошку что-то маленькое и твердое. Шепотом поясняет:

— Сувенир тебе от меня. На всякий случай.

Киваю, сую в карман нечто вроде камешка, а у самой опять глаза на мокром месте. Даже не думала, что так сильно Клею обрадуюсь! Хочется поговорить, расспросить о самочувствии... да и просто посмеяться ни о чем, но ректор Леандр уже начинает открывать для меня портал, так что возможность пообщаться сходит на нет.

Опираясь на локоть Клея, ковыляю к овалу, за которым виднеется знакомый каменный трактир, как вдруг ректор Леандр ловко меня обходит и первым ныряет в овальную дыру.

С раскрытым ртом я смотрю, как Мелина, Криссар, Верт, другие маги шагают в портал и направляются к дядиному трактиру.

— Куда это они? — пораженно выдыхаю, а Клей ухмыляется:

— Мы отпускаем раненую охотницу в логово зверя. Необходимо для начала выдернуть ему когти и зубы.

— Я вообще-то к дяде иду, не на охоту, — уточняю на всякий случай.

— Вот и я том же. Двуногие звери порой самые опасные.

Я с сомнением качаю головой. Вряд ли такому зверю, как «дядя», можно выдернуть вредность и жестокость из сердца.

И все же сам факт, что мне пытаются помочь казалось бы чужие люди, отнюдь не родня, кажется мне очень трогательным.

Вместе с парнем мы переступаем портал и неторопливо направляемся к трактиру.

Когда я оказываюсь внутри питейного зала, где уже собрались остальные маги, поражаюсь воцарившейся здесь запущенности. Даже в первый день моего пребывания здесь в этом помещении не было настолько противно находиться.

Жирные столы, пятна на всех поверхностях, вонь от пролитой выпивки и... Даже гадать не собираюсь, чем еще пахнет, чтобы меня не затошнило еще больше.

Видимо, дядя решил сэкономить на рабочей силе, и после моего побега не нанял дополнительных рук.

Вскоре из кухни, пошатываясь на нетвердых ногах, появляется Мариус. Резкий запах перегара чувствуется за добрую дюжину метров, и я зажимаю рот, ощутив рвотный позыв.

Мутным взглядом «дядя» обводит преподавателей, пытаюсь, наверно, угадать, откуда во вшивой забегаловке появились богато одетые дамы и господа. И вдруг его взгляд натывается на меня, стоящую дальше всех под руку с Клеем.

— А-а-а! — он расхлябанно тычет пальцем в мою сторону. — Нагулялась, коза драная? Если с... приплодом.... То катись в свою канаву! У меня приличное за.... ик... ведение... Здесь не место гулящим! — указательным пальцем он обводит трактир, и я чувствую, как пружинят под моей рукой мышцы Клея.

Мариус кого угодно разозлит. Даже флегматичного Клея проняла пылкая речь.

— Вы, как я погляжу, просто оплот нравственности, — сухо замечает Леандр, однако «дядя» не видит в его словах насмешку.

Он кивает и, пошатнувшись, с гордостью стучит себя по груди.

— Я здесь... Да! Я... Один! Шкуру рву... Бросила меня... эта вон, — он снова тычет в мою сторону, и вдруг на его заплывшей физиономии появляется хитрая улыбка. — Ничего-о-о. Отработает сполна-а! Я ее... Ух! — он угрожающе машет кулаком в мою сторону.

— Собственно, за этим мы к вам и пожаловали, — заявляет Мелина. Женщина выступает вперед, брезгливо приподнимая подол светлого, элегантного платья. — Имею честь сообщить от лица преподавателей Академии Магии, что Ариана Микоф, ваша племянница, с отличием закончила Академию и стала лицензированной охотницей на нечисть.

— Вы это... Пф-ф, — машет нетвердой рукой хозяин этого места. — Брешете все! Рянка дура. А дура она и в ... этой вашей... где угодно дура!

— Верт, — Мелина спокойно обращается к темнокожему целителю средних лет. — Кажется, от беседы будет мало прока, если наш собеседник не придет в адекватное состояние. Вы как считаете?

Маг молча кивает и выходит наружу.

Вот на этом месте я наостряю уши и с благоговением жду продолжения. Ведь я ни разу не слышала о магии протрезвления.

Для меня вообще эта тема болезненная и всякий раз цепляющая мое безраздельное внимание. Наверно, подсознательно я все еще надеюсь разыскать чудотворное средство исцеления для мамы.

Вскоре Верт возвращается с ведром. Подходит к Мариусу и хладнокровно обрушивает ему на голову колодезную воду, заставляя меня разочарованно выдохнуть.

Такую «магию» я и сама могла бы сотворить...

Старый пьяница орет, фыркает, плюется, но, к счастью, ему хватает ума, чтобы не полезть в драку.

В конце концов, отплевавшись, он действительно выглядит по-другому. Все еще нетвердо стоит на ногах, но по крайней мере, тяжелая муть в глазах превратилась в колкую, осознанную ярость.

Похоже, именно от шока и злости он начинает кое-что соображать.

— Итак, попытка номер два, — по-светски продолжает Мелина. — Имею честь сообщить, что ваша племянница Ариана Микоф с отличием окончила Академию Магии, став лицензированной охотницей на нечисть. Не желаете ли сердечно поздравить племянницу?

На поступившее предложение «дядя» изумленно пучит в мою сторону глаза, и тогда целительница вновь берет слово:

— Понимаю, как вы поражены этой новостью! Ариане, нашей сильной, смелой девочке, в одиночку удалось уничтожить оборотня, долгие годы державшего в страхе деревенских жителей. К сожалению, в бою она сильно пострадала, а ее выздоровление, как оказалось, напрямую зависит от близости к опекуну. И вот здесь мы переходим к главной теме нашей встречи, — женщина кивает Леандру, и тот непринужденно подхватывает нить беседы:

— Обычно печать опекуна включает в себя самые основные права и обязанности. Однако вы максимально расширили список своих прав и сузили круг обязанностей. Вы даже посмели привязать ее здоровье к своему присутствию. По сути, вы лишили свою подопечную всякой свободы, что является не только аморальным, но и ставит под сомнение законность данной печати...

Дядя аж хрипит, то ли от злости, то ли от страха. Мокрый, жалкий, окрысившийся, он напоминает буйного пса, который и рад был бы нас обтявкать, да боится.

— На данном этапе мы не станем углубляться в детали магического законодательства, а вернемся к главной теме нашего визита. Ариана является нашей самой ценной выпускницей. Как вы понимаете, мы не собираемся разбрасываться подобными кадрами. Поэтому официально и решительно вам заявляем: ваша племянница, Ариана Микоф, находится под нашей непосредственной защитой. Любые посягательства в ее адрес, угрожающие ее жизни, здоровью или достоинству, будут иметь для виновника самые неотвратимые последствия. Вы меня понимаете?

Мариус коротко кивает. Он втянул шею в плечи, сжал кулаки. Маленькие глазки перебегают с Леандра на меня, но высказать что-то вслух, мужчина по-прежнему не решается.

Вот и отлично!

Теперь речь берет Мелина:

— Поскольку наша девочка слишком ослабела вдали от вас, мы оставим ее здесь. Теперь вы обязаны о ней как следует позаботиться. Наймите прислугу, знахарку. Организуйте ей сытное трехразовое питание и вдоволь питья. И уберитесь уже, наконец! В общем, не нам вам объяснять, как правильно заботиться о бедной девочке, которую вы опекаете! — с насмешкой говорит целительница. — Я считаю, мы донесли главную мысль, господа! — обращается Мелина к магам. — Кто-нибудь еще желает высказаться?

Внезапно Клей отпускает мою руку и выступает вперед. Его широкая спина сразу загораживает пол помещения, и я немного сдвигаюсь, чтобы наблюдать за реакцией «дяди».

Тот при приближении мрачного великана, покрытого шрамами и увешанного оружием, инстинктивно отступает на пару шагов назад.

— Ариана мне больше, чем одноклассница, — просто говорит Клей. — Она спасла мне жизнь. Любой ее враг станет моим личным врагом. А с врагами я не церемонюсь, — Клей с лязгом обнажает лезвие, и на этом эффектном месте «дядя», будто загнанный в угол зверь, не выдерживает. Всплескивает ручищами и кричит:

— Церемонюсь, не церемонюсь... Только что делать прикажете, если она сама сдохнет, без моей помощи? Вон она чахлая какая...

— Вы уж постарайтесь, чтобы этого не случилось, — любезно предлагает Леандр. — Затаскаем по судам. Устанете доказывать свою невиновность.

— Я ведь как, между прочим... Я ее убить не могу. Печать мне не позволит, — почти жалуется Мариус. — Почему сразу я?! Чуть что — сразу я! Может, я привязался к ней. Может, поэтому привязал чуть сильнее, чем надо. А то, что я ее кормил, выхаживал столько лет... Это, по вашему, не считается?

Я громко фыркаю.

Кормил и выхаживал?

Дядя года нашелся!

— С тех пор, как Ариана учится в Академии, я заблокировал сотни болевых заклятий, — сурово чеканит Леандр. — Признаться, мне наскучило этим заниматься. Пожалуй, в следующий раз, когда вы нашлете на девушку боль, я верну ее вам обратно в трехкратном размере.

Мариус от этих слов съеживается, а у меня впервые за нашу встречу на лице расплывается широкая улыбка. Так тебе и надо, садист проклятый!

Но ко мне тут же склоняется Мелина и шепчет на ушко:

— Прости, дорогая, вот здесь наш милый ректор блефует. Одно дело поставить защиту

от болевого воздействия, и совсем другое — вернуть ее обратно. Злоупотребление магическим воздействием наказуемо крупным штрафом и отстранением от должности. Но давай все-таки будем надеяться, что твой дядя достаточно напуган!

Мариус настолько проникся словами магов, что уже в день моего возвращения раскошелится на уборщицу и кухарку. Он даже Марии заплатил, чтобы та приносила мне укрепляющие отвары и ежедневно делала перевязку.

В моей маленькой комнатухе быстро становится довольно уютно. Вместе с затхлым запахом из углов исчезает густая паутина, а на соломенном тюфяке появляется свежестыранное белье, резко пахнущее дегтярным мылом.

Рядом с простеньким ложем новая кухарка устанавливает широкую табуретку с низкими ножками. Отныне Кира водружает подносы с едой только сюда.

«На полу поднос оставить — что мышей позвать на пир!» — нараспев объясняет добрая женщина.

Хотя аппетита нет, я стараюсь съесть, как минимум половину порции. За время болезни мое тело и так стало аномально тощим. Дальше худеть никак нельзя.

Большую часть времени я провожу в своей крошечной спальне, но иногда получается заставить себя выйти на свежий воздух. Сквозь кухню, налитанную теперь женской суетой и вкусными ароматами, ковыляю на задний дворик. Засучиваю рукава, снимаю обувь и поудобнее устраиваюсь на кряжистом пне для рубки дров.

Подставляю кожу теплему солнышку, воображаю себя здоровой, сильной — вдруг визуализация вкупе с витамином Д помогут! — и отчаянно стараюсь не думать о Харальде.

Однако теперь, когда я по много часов подряд провожу без сна, эти попытки с треском проваливаются.

Как крепкая заноза, он застрял в голове, и не думать о нем просто не получается.

В моей системе координат невозможно дружить с врагами, а оборотни — естественные враги всем нормальным людям. Я должна содействовать их уничтожению, а не оберегать их тайны.

В академии нас учили, что все перевертыши дикие, необузданные хищники, способные в ипостаси зверя лишь кидаться на все, что движется.

Вот только Харальд оборотень необычный.

Его колоссальная выдержка достойна, если не восхищения, то как минимум уважения. И с моральным компасом у него все в порядке. Он притащил меня, бессознательную, целителям. Понимал прекрасно, что рискует разоблачением, и все равно предпочел спасти меня, а не собственную шкуру.

Как о таком мужчине не думать?

Если бы не был он оборотнем, я бы...

Эх, если бы да кабы...

Что толку фантазировать о несбыточном!

Он оборотень, а значит, для меня под запретом!

Погруженная в невеселые мысли, я так часто вздыхаю, что Кира то и дело отрывается от готовки. Жалеючи гладит по голове покрасневшими, натруженными руками и сочувственно шепчет:

— Ничего, миленькая. Потерпи еще немного. Скоро все заживет. Вот увидишь!

К сожалению, у кухарки есть основание списывать мои вздохи на самочувствие. Мой уровень энергии не выше, чем у сонной мухи, а рана на запястье заживает гораздо

медленнее, чем я ожидала.

Мария ежедневно делает мне перевязку и каждый раз поврежденное место обильно кровоточит, несмотря на то, что теперь мы с опекуном живем под одной крышей.

Иногда я даже делаю вид, что мне понадобилось что-то в питейном зале, чтобы пройтись рядом с Мариусом и прикоснуться к его энергетике, однако, на самочувствии его близость никак не сказывается.

Возможно, для моего исцеления необходимо, чтобы опекун был ко мне расположен?

Стараюсь в подобные мысли не углубляться, потому что если это правда, то я обречена сгнить заживо.

Мариус стойко и весьма последовательно меня ненавидит.

Это видно по тому, как старательно мужчина отводит взгляд при моем появлении, как плотно сжимает рот, словно боясь высказать неприглядные мысли.

В конце концов, у меня пропадает всякое желание к нему приближаться. Не хочу скиснуть с ним за кампанию!

Поправиться бы поскорее — и сразу вернусь обратно!

Мелина сообщила, что уже из трех деревень поступили заказы на работу охотника. Клей рвется в бой, но парню осталось не меньше двух недель до полного восстановления.

А я... С нынешними темпами выздоровления, мне и через несколько лет будет рано сражаться с нечистью.

Примерно через три дня моего пребывания в доме опекуна отношение Мариуса чудесным образом меняется. Теперь он первый идет на визуальный контакт. Приносит в комнатушку клюквенный морс. А когда в очередной раз приходит Мария, предлагает сделать перевязку вместо нее.

Если морс я еще принимаю, — было бы у него желание, Мариус мог бы сто раз меня отравить! — то от перевязки я вежливо, но твердо отказываюсь.

Мысль о грубых, мужских прикосновениях к моей ране, приводит в ужас. Хотя...

А что, если я ошибаюсь? Что, если именно опекун должен меня перевязывать, чтобы рана быстрее заживала?

И все же, как ни крути, не могу пересилить свое отторжение.

Только уговорю себя подпустить мужчину к перевязке — и инстинкт самосохранения сразу вопит во весь голос. Оглушает, будто сигнализация на машине.

На пятый день моего пребывания в трактире, Мариус дожидается Марию за дверью моей спальни и просит у женщины окровавленные бинты, что она уносит с собой после перевязки.

— Я их в специальном лечебном настое полоскаю, — сомневается женщина. — Особым образом. Ты-то небось с обычным мылом стирать собрался?

— Дай мне траву, — гудит голос «дяди». — Объясни, что да как. Я ведь помочь хочу. Чем быстрее Рянка поправится, тем быстрее оборотней поедет изживать. Глядишь — и над нами драконы летать перестанут!

— Так ты ее хочешь из дому побыстрее спровадить что ли? — осуждающе тянет Мария. — Жалко на родную кровиночку деньги тратить?

— Помочь хочу, — упрямо талдычит Мариус. — Что я, не человек что ли? Что у меня, сердца нет?

— Ну ладно... Бери вот, — слышу, как женщина передает окровавленные бинты опекуну. — Я тебе тогда травку принесу, коли приспичило о своей племяннице заботиться.

Вскипятишь травку в кастрюльке, и туда же бинты покидаешь. Понял, милоч? Ты смотри! Я сразу учую, коли что не так сделаешь!

Слушаю их разговор за дверью, и пытаюсь справиться с нехорошим предчувствием. Убеждаю себя не страдать ерундой.

Если Мариус хочет меня побыстрее спровадить, мне это только на руку! Видимо, он и сам понимает, что для моего исцеления необходимо больше опекунского содействия.

Вот и старается. Не для меня, а для себя.

Харальд

Последняя пригоршня земли упала на продолговатый холмик. Старый могильщик перехватил поудобнее черенок лопаты и, не сказав ни слова напоследок, тяжелой поступью двинулся в деревню.

Только из уважения к лорду Вейзеру он согласился на эту работу. Но при этом всем своим видом показывал: мерзкий оборотень не достоин нормальных похорон. Больно много чести!

Харальд проводил взглядом Виссара и отошел чуть подальше от могилы, давая Фиршу, проститься с матерью наедине. На могилу, правда, этот одинокий бугорок земли походил мало. Вместо деревянного креста в изголовье установлен огромный, серый булыжник. Вместо изгороди — открытое пространство. Вместо белых венков — ветка папоротника в руках согнутого горем Фирша.

Бедняга.

Теперь, как бы он ни старался, как бы ни лез вон из кожи, за ним повсюду будет следовать шлейф сына нечисти. Его будут сторониться.

Хотя чуть ранее именно репутация матери помогла стать Фиршу самым завидным женихом на деревне.

Кто бы мог заподозрить Орин?!

Красивая, крепкая женщина, средних лет. Давным-давно потерявшая мужа и растившая сына одна. Она была целительницей и повитухой, настолько известной и уважаемой в округе, что большую часть времени проводила в разъездах. То ее звали принимать роды в соседних деревнях, то выхаживать тяжело больных.

В голове не укладывалось, что одной рукой она исцеляла, а другой убивала.

Что сделано то сделано.

Ее больше нет. Одной одичалой меньше.

А вот сын...

Родился ли он от женщины оборотня? Или Орин укусили после рождения сына? Даже рожденному от оборотня ребенку не всегда суждено унаследовать гены матери.

Поначалу Харальду хотелось отослать сироту из деревни. Отправить парня туда, где он мог бы начать жизнь с нуля. Однако нельзя допустить, чтобы тот стал одичалым.

Если парень начнет обращаться, нужно вовремя это отследить. Объяснить, что к чему, и направить к Вольдемару в Межгорие.

Вейзер со спины рассматривал сгорбленную горем фигуру, пытаясь угадать по осанке, ощутить по запаху, интуитивно, будет ли у парня вторая ипостась.

Но ничего не почувствовал.

Наконец, Фирш неловко скрючился, опустил на холмик ветку папоротника, погладил свежую насыпь и отошел от могилы. В крупных руках он стискивал соломенную шляпу, переминался с ноги на ногу и не смел поднять мокрых глаз на лорда. Высокий, слишком крепкий для своих восемнадцати, он казался сейчас маленьким и одиноким. Даже низкий голос звучал потерянно:

— Я благодарен вам, господин, что позволили мою мать похоронить на своей земле, хотя другие хотели ее сжечь. Это... Я очень ценю, поверьте! Она оборотнем осталась в

памяти многих, но для меня все же она была матерью. Самой лучшей. Что меня вырастила и воспитала.

— Такой ее и запомни. Прошное не перепишешь. А вот насчет твоего будущего... Я хочу, чтобы ты работал в замке, — произнес Харальд. — Слышал, ты хорошо ладишь с животными. Будешь помогать конюху. И мне тоже, когда понадобится. Согласен?

Парень запыхтел от нахлынувших чувств. Всклипнул. Вскинув на секунду по-щенячьи преданные глаза, кивнул:

— Благодарю вас, господин! Это очень щедрое предложение. Я все думал уйти, куда глаза глядят. Я работы не боюсь, и силушка есть, и здоровьем бог не обидел. А потом подумал... Если я уеду, то как буду маму навещать? Поэтому ваше предложение, господин... Я очень его ценю.

— В таком случае иди собирай вещи. Спроси в замке Гедеона. Конюх поможет тебе устроиться!

Парень, еще раз склонившись, натянул на голову шляпу, и направился в деревню, а Харальд зашагал к замку.

Как бы он ни убеждал себя, что убийство одичалых всегда оправданно, на душе все равно было паршиво.

Убивая одичалого, одновременно убиваешь чью-то мать или отца или брата или дочь... Полчаса — и все необходимые распоряжения были отданы.

К ужину парень устроился в комнате для прислуги на мужской половине, о чем поспешила сообщить Таира, приносящая из кухни еду на господский стол.

С некоторых пор Ринхар, дисциплинированно сидящий тут же, провожал уход служанки заинтересованным взглядом. Девочка, будто это чувствовала.

Ускоряла ход и с опаской на него косилась через худенькое плечико.

Вот и сегодня то же самое.

Понятно, что брат провоцирует, выводит на реакцию, но изнутри все же грызло сомнение.

А вдруг он действительно увлекся?

— Оставь Таиру, — все-таки не выдержал, первым нарушил молчание. — Она же ребенок. Еще год назад с куклой ходила. Играла в дочки-матери.

— Ты посадил меня в клетку, а теперь решил оскотить? — ощерился брат. — Я не монах и становиться им не собираюсь.

— Тебе придется им стать, если не перестанешь заглядываться на детей.

Собирался сказать спокойно, но изо рта вырвалось рычание.

— То-то я погляжу, ты не заглядываешься! — усмехнулся Ринхар, разрывая крепкими зубами очередной кусок дичи. — Как будто та огненная совсем юница. Чем свежее, тем вкуснее. Или свежее мясо доступно только тебе?

— Не наглей, Младший, — снова зарычал, уже сознательно — Ты меня слышал. Повторять не собираюсь.

Ринхар, как ни странно, быстро пошел на попятную:

— Да ладно. Не нужна мне твоя Таира. Я... Давно хотел тебе сказать кое-что, да не знал, как начать.

— Да? — настороженно поинтересовался.

— Я собираюсь остепениться.

Из уст Младшего эти слова прозвучали неуместной шуткой. Слово снег в разгар лета.

— Ты? Остепениться?

— Сотри свою насмешку, брат, — на удивление спокойно произнес Ринхар. — Мне надоели одноразовые встречи. Я хочу себе пару.

— Вот как. И кто избранница? — старший Вейзер с трудом удержался от язвительных замечаний.

Мальчишка, незрелый щенок рвется туда, где без должного самоконтроля пропадешь. В отношениях, где ты уязвим и эмоции бьют через край, оборотню нельзя без должной подготовки.

Сначала подчини своего зверя.

И тогда тебе подчиниться мир.

С самого первого дня обучения Вальдемар вдалбливал этот базовый постулат в головы адептов. Вот только Ринхар такого не приемлет.

Хочет все и сразу.

— Мне она пока неизвестна, моя пара. Но это не важно. Уверен, она будет послана мне свыше. Время пришло. Я это ясно чувствую.

— Чувствуешь? — усмехнулся Харальд. — Я тоже чувствую. Въедливый аромат твоей глупости. Ты не овладел своим зверем. О женитьбе даже не заикайся.

— По-твоему, я никогда не буду достаточно хорош, — набычился Младший, с грохотом отодвигая от себя тарелку.

— Сам посуди, — Харальд пожал плечами и принялся объяснять, казалось бы, очевидное. — Что будет, если вы поссоритесь? Выпустишь когти в ее плечи? Или вцепишься зубами в шею? Или, может, нежно окутаешь огненным дыханием в порыве страсти?

— Я найду себе ту, которую не захочется рвать зубами.

— Для начала найди в себе силу. Оседлай зверя. А уж потом ищи пару.

— Ты погряз в черно-белом мире. Только ты думаешь правильно. А все остальные...

Харальд вдруг замер.

Где-то внутри зазвенел колокольчик тревоги, одновременно с которым слова брата слились в единый расплывчатый фон.

Точно так же начиналось в тот день, когда ректор заманил Ари в Лес Забвения. Редкий, тревожный звон постепенно набирал силу, частоту и, в итоге, невыносимым набатом забил по нервам, не давая сконцентрироваться ни на чем другом.

Все мысли сошлись к огненной охотнице.

— Ариана в беде, — пульсировало сердце.

— Ариана в беде, — выдыхали легкие.

— Скорей к ней, скорей! — торопил мозг.

Харальд мотнул головой, стряхивая наваждение, и поднялся со стула.

— ... Так что по сути... — заключил брат, — мне много не нужно. Я просто хочу твоего доверия и уважения... Куда ты? Что случилось? Я иду с тобой! Подожди!

— Нет, — отрезал Харальд. — Оставайся здесь.

— Брат... Не отталкивай меня! Ты же сам хотел, чтобы мы с тобой, как раньше, стали друг другу опорой. Так позволь мне быть тебе полезным! Позволь мне показать, что я давно вырос!

Лорд Вейзер сузил глаза, пытаясь рассмотреть истинные намерения брата.

Будет ли от него польза? Или будет путаться под ногами?

Неизвестно.

Пока не дашь ему шанса, он себя не покажет.

— Ладно. Портал в подвале выведет нас в лес. Там обратимся. А дальше просто следуй за мной!

— Куда мы?

— К огненной охотнице.

— Зачем? Кто она тебе?

Откровенничать не хотелось. Рано.

Пусть сперва докажет, что достоин доверия.

Харальд на бегу буркнул:

— Просто ценная охотница, которой нужно помочь... А теперь заткнись и не отставай.

Ариана

Просыпаюсь и резко хватаюсь за шею. Втягиваю в себя воздух жадно, тяжело, как после забега, но отдышаться никак не получается. Перед глазами до сих пор стоит сцена из кошмара.

Мариус стискивает толстые, сильные пальцы на моем горле и душит. Гадко ухмыляется жирными губами, наблюдая, как жизнь угасает в моих глазах.

Быстро разжигаю в воздухе огонек. Пламя подтверждает: в комнате я одна. Мне никто не угрожает.

Обычно я не обращаю внимания на сновидения, но этот мой кошмар выглядел настолько реалистично, что пронял до самой печенки. Заснуть теперь вряд ли удастся.

Смутное беспокойство заставляет подняться с кровати и выскользнуть из комнаты.

«Просто подышу свежим воздухом», — говорю себе, направляясь на задний дворик, — «и мне полегчает!»

Однако свежесть ночной прохлады не приносит никакого успокоения.

Как неприкаянная, бреду на деревенскую улочку. Раздается редкий лай собак, уловивших мою поступь в ночи. Однако он быстро стихает, стоит им услышать знакомый голос.

Ноги сами выносят меня на край деревни. У каменного здания, освещенного полной луной, понимаю, что пришла сюда не случайно. В узких щелях дверного проема виден свет. Слышен тихий говор, но о чем идет речь — не разобрать.

Достаю из кармана слухач — сувенир, что оставил мне Клей во время нашей последней встречи. Вставляю камешек в ухо и замираю.

Отдаленный гул сразу превращается в разборчивый, хотя и незнакомый бас:

— ...Ты, Мариус, кончай тут пылить да туманить! Толком скажи! Умеет твоя девица василисков умерщвлять? Да или нет?

— Она в академии всякую нечисть училась убивать, — тихий голос «дяди» звучит быстро, заискивающе. — Целый год, считай, книжки умные изучала... Она у меня... ух какая боевая! Сам увидишь! Огонь, а не девка! Еще спасибо скажешь!

— Мне в Жгучей Пустоши бесполезные рты не нужны... Там каждая капля воды наперечет, — тянет незнакомец. — За свои деньги хочу получить гарантию, что девица собой пригожа, характером покладиста и что василисков в моей Пустоши изведет. Можешь ты мне гарантировать эти три пункта?

— Ну, могу, — неохотно подтверждает «дядя».

Врет, как дышит.

— Вот и ладненько. Сразу бы так. Раз даешь гарантию, значит, в случае неудачи, вернешь мне неустоечку. Так и пропишем на бумаге...

— Господин Гланиш, не по-людски ты со мной, — ворчливо произносит «дядя».

— Как это не по-людски? Это ты со мной по-людоедски, а я как раз нормально, по-людски у тебя жену пытаюсь купить! — раскатисто хохочет незнакомец над собственной шуткой.

На этих словах у меня все внутри обрывается.

Меня «покупают» не в качестве охотницы, а в качестве жены?

Что за абсурд?

Трясу головой, прижимаясь спиной к холодной стене.

Без меня меня женили...

Как такое возможно?

Ведь для замужества необходимо мое согласие... Я должна кровью скрепить договор!

Вдруг вспоминаю потуги Мариуса раздобыть мои окровавленные бинты. Вот зачем ему были нужны мои бинты! Даже если капельку оттуда выжать...

Больше ему и не надо.

Не колеблясь ни секунды, врываюсь в здание, пинком вышибая дверь. Распалив пламя посильнее, устремляюсь к Мариусу, при моем появлении втянувшему голову в плечи. В левой руке он держит керосиновую лампу, а правую сразу прячет за спину.

— Ну как? — ехидничаю. — Хорошо идет торговля племянницей?

«Дядя» малодушно молчит, отворачивается, а вот бородатый крепыш, идущий на пятый десяток, на меня пялится с таким откровенным интересом, будто я главный экспонат на выставке невест.

— И правда... Пригожа девица, — тянет он басовито, ничуть не смущаясь своей ролью в данной мизансцене. — Только не покладистая. Я как нутром чуял подвох! Яна Гланиша вокруг пальца не обвести, сколько не пытайся! Скинь два десятка золотых за своевольный характер — и я соглашусь.

— Не скину я тебе ничего! — крысится Мариус. — Ишь какой... Только с боевым характером и можно против василисков идти! Коли тебе жена мямля нужна, так среди охотниц на нечисть ее искать нечего!

Мотаю головой. Кажется, меня разыгрывают.

Вот же я! Ау!

Вы в моем присутствии меня продать пытаетесь?

Будь я в прежнем мире, начала бы высматривать скрытую камеру.

Не могут ведь люди торговать мной, как живой вещью!

Слушаю их перебранку и понимаю: еще как могут!

К горлу подкатывает ярость.

Хочется кричать, топтать ногами, кидаться в них чем-нибудь. Я могла бы сейчас убедительно изобразить бесноватую, но, судя по тому, что я услышала, чужак — деловой человек, причем неглупый. Он мигом поймет, что я устроила представление. Вежливо мне поаплодирует, а потом капнет кровушки на договор о женитьбе.

Нет, с ним надо по-другому.

Собираю в кулак свою волю и начинаю переговоры:

— Гоподин Гланиш, не знаю сообщил ли вам мой опекун, что я недавно была тяжело ранена, — показываю незнакомцу свой алеющий бинт на запястье. — Заживет ли эта рана, никто не знает. Поэтому нет гарантии, что я смогу биться с вашими василисками.

— Значит, минус расходы на хорошего целителя, — вслух калькулирует торговец, ничуть не смутившись. — С этим разобрались. Едем дальше!

— Объяснил ли вам мой опекун, что его болевые заклятия блокируются моими преподавателями? Это означает, что вы не сможете меня заставить поехать с вами.

— Зачем применять болевые заклятия? — встречает Мариус. — Поедешь сама, как миленькая, если жить захочешь. Вдали от своего опекуна ты загнешься.

Игнорируя его ремарку, фокусируюсь на «женихе».

— В любом случае, вы зря потратитесь на мое лечение. Как только поправлюсь, я уеду, и вы меня не остановите.

— Из Жгучей Пустоши путь наружу один, через портал, — лыбится мужик. — Да только кто тебе заклинание расскажет, светлоголовая?

— Все-то вы просчитали, а одного не учли, — деланно улыбаюсь. — Я не согласна стать вашей женой. Если возьмете меня против воли, я не смогу причинить вам серьезного вреда. Печать не позволит. Зато мои друзья маги смогут сотворить из вас дурачка, что пускает слюни с утра до вечера.

Мужчина на мои слова молчит, задумчиво поглаживая темную бороду. Наконец сухо изрекает:

— Можно, конечно, амулеты оберегающие купить, защиту от магов поставить. Можно юристов привлечь и расписать разные варианты. Но по итогу слишком много затрат выйдет, а выгода тут сомнительная. Нет, Мариус. Откажусь. Сделки не будет. Другого мужа ей ищи. Я лучше найму ее, когда поправится. Дешевле получится.

— Ты же обещал! — выкрикивает Мариус в широкую спину. — Я уже договор подготовил!

Мужчина идет на выход, что-то бормочет, но до меня долетают только отдельные фразы:

— Мутила-воротила... Нет тебе больше веры, Мариус...

Как только мужчина исчезает в черноте дверного проема, я перестаю сдерживаться. Пламя, чутко следуя моему настроению, разгорается ярче и становится размером с хороший костер.

Налетаю на подлого мерзавца, как фурия, шипя и размахивая руками:

— Что за фокусы ты вытворяешь за моей спиной? Как ты посмел? Продать меня вздумал? Стыда у тебя нет! Дядя называется!

— Ты о чем? — он хмурится. — О женитьбе? Я тебя к уважаемому человеку собирался пристроить. Зажиточному, сметливому, не старому еще, все честь по чести. А теперь не обессуди! — он устало машет рукой и бросает тоскливый взгляд на выход, за которым скрылся «жених». — Отдам тебя первому, кто согласится заплатить. Надоело вокруг тебя козелком выплясывать. Все равно не ценишь заботы.

— Я не хочу замуж! — коротко выдыхаю. — Просто оставь меня в покое! Дай время выздороветь, и я исчезну из твоей жизни!

— Исчезнет она... Вот дура! А кто тогда оплатит расходы на твое содержание?

— Я сама могу заплатить. Сколько ты хочешь? — вспоминаю об увесистом мешочке с золотыми монетами, упомянутом Мелиной.

Я их не заслужила. Все эти деньги собиралась вернуть Харальду при первой возможности, но в нынешней ситуации, как оказалось, я не могу позволить себе подобную щепетильность.

— От тебя хочу столько монет, сколько еще не начеканили, — издевается пьяница. — Потому что избавиться от тебя хочу сильнее, чем твоих денег. Ты мне шею натерла ярмом опекунским. У меня с тобой уже сердце пошаливает... Вот сбегрю тебя кому-нибудь — и заживу спокойно.

В голову лезут разные мысли. Темные и мрачные, как ночь за каменными стенами. Ходить за дядей черной тенью. Отпугивать потенциальных женихов...

Мое самочувствие не позволит следить за ним без передышки.

Он все-таки добьется желаемого. Продаст меня первому, кто предложит подходящую сумму.

— Ты не имеешь права выдавать меня замуж против воли, — сжимаю кулаки, а из глаз брызгают слезы

— Да кто тебя спросит, Рянка? Девку замуж пристроить — дело доброе. Хоть кому жалуйся. Хоть магам, хоть ведьмам. Я в своих правах. Я опекун... Э-э! А ты кто таков? — вздрагивает дядя, заставляя меня резко обернуться в сторону выхода.

Там, в пустом проеме, я различаю высокую фигуру.

Харальд!

Увидеть его здесь и сейчас, когда мой мир трещит по швам, а я вот-вот разрыдаюсь от злого бессилия, — это как вдохнуть морского бриза в душной комнате.

Уже шагаю к нему, как вдруг в проеме, за спиной старшего Вейзера замечаю еще один силуэт, при виде которого мурашки бегут по хребту.

Ринхар. Психованный братец с замашками абыюзера.

Узнал меня и смотрит с плотоядной улыбкой.

Что он здесь делает?

— Я хочу поговорить с тобой, Ари, Не здесь, — Харальд берет меня за руку и уводит к проходу.

Я и сама была бы не прочь с ним поговорить... И заодно избавиться от наглых взглядов братца.

— Ну что. Ваше дело молодое, а мне, старику, пора баюшки, — испуганно суетится «дядя» при виде двух мужчин с повадками хищника. Бочком-бочком он пытается добраться до выхода, чтобы смыться под защиту своих каменных стен.

— Жди здесь, — приказывает ему Харальд, однако Мариус, сгорбившись, сжавшись, маленькими шажками продолжает двигаться к выходу. Скороговоркой бормочет:

— Вы уж не обессудьте, господа хорошие, но я человек старый, больной. Мне нужно отдыхать, а то кости ноют и голова болит и печень... Ох, моя бедная печень...

— Ринхар, не позволяй ему уйти до нашего возвращения, — обращается Харальд к брату, сразу заслонившему собой проем.

Взгляд, которым младший Вейзер меня провожает, когда я миную проем, не на шутку напрягает. Называется, «облапал, ни разу не прикоснувшись».

Оказавшись снаружи, я гашу пламя и следую за ним. Рука об руку с этим сильным мужчиной мы углубляемся в поле. В свете луны, в мерцании звезд его кожа сияет особым блеском, ужасно напоминающим цвет чешуек. Металлическое сияние завораживает, а его густая, плотная энергетика меня успокаивает и одновременно заряжает силой.

Осознав свои эмоции, я вздыхаю.

Дожили.

Оборотень стал для меня, охотницы на нечисть, источником силы.

Наконец, оказавшись в самом центре полянки, мы останавливаемся среди поющих кузнечиков. Какое-то время молчим.

Лорд Вейзер поворачивается ко мне, но руку мою не выпускает. Мне кажется своим легким, невесомым прикосновением он держит меня всю, от макушки до кончиков ног. И мне совершенно не хочется от него отстраняться. Наоборот.

Пусть потянет к себе, и я, наверно, поддамся.

— Харальд...

Его имя звучит, как любовный напев, от которого сердце бьется быстрее, и я снова перекаत्याю те же звуки на языке:

— Харальд...

— Ари, девочка моя... — шепчет он, приближаясь. — Ты стала дорога мне так быстро. Я и сам не заметил, когда из очередной наемной охотницы ты превратилась в мою, особенную. Тебя вдруг стало слишком мало в моей жизни... Я слышал твой разговор с опекуном о замужестве. Ты должна выбрать. Или я, или другой, незнакомый. Я тебя не обижу, клянусь. Соглашайся.

— Не хочу стать оборотнем, — с огромным трудом включаю разум, что совсем ослабел под натиском эмоций. — Ты можешь меня задеть зубами... Пусть даже случайно. И тогда все. Конец.

— Я много лет учился самоконтролю, — его пальцы нежно поглаживаю мне кожу на ладошке. Это ощущение настолько приятно, что я с трудом удерживаюсь от стога. — Поверь, я держу под контролем каждый свой укус.

От его прикосновений я лишаяюсь способности думать адекватно, потому что внезапно меня пронзает дикое до боли желание ощутить на своей коже его крепкие зубы. Мне стоит

огромного усилия воли, чтобы отобрать свою ладонь из его пальцев и дрогнувшим голосом попросить:

— Дай мне время для размышления. Пожалуйста.

— Думай, сколько хочешь, — разрешает он. — Когда мы вернемся в каменную нору к твоему дяде, ты должна дать ответ.

Да уж.

Думай, сколько хочешь...

— Обещай, что дашь мне свободу. Что не будешь принуждать меня к близости.

— Только с твоего согласия, — кивает мужчина. — Обещаю.

— Тогда я согласна... На замужество... Наверно.

На лице Харальда расцветает счастливая улыбка. Снова взяв за руку, он без промедления ведет меня обратно. Хотя я все еще слаба и хотя мы идем по неровной земле, густо заросшей травой, чувствую, будто иду по облаку. Даже не иду. Парю, легкая и счастливая.

Кажется, впереди меня ожидает невероятное приключение. Рискованное, эмоциональное, но восхитительное!

Вот только мой радужный настрой не длится долго.

Когда мы подходим к укрытию, настроение немного скисает. Там, за каменными стенами, меня ожидают целых две проблемы.

Одна разрешимая. Жадный Мариус, с которым теперь предстоит договориться о сумме выкупа.

А вторая проблема — это родственник будущего мужа. Псих, с которым, вероятно, придется пересекаться, а в худшем случае делить одну жилплощадь. Пусть просторную до неприличия, но все же.

Когда мы заходим в каменную нору, там темно и тихо.

Куда подевался Мариус со своей лампой?

Закончился керосин?

Жуткое предчувствие окончательно гасит радостное предвкушение, что до этой секунды еще тлело в груди.

Харальд внезапно сжимает мне руку покрепче, дыхание его учащается.

Вот сейчас становится по-настоящему страшно.

Мое пламя резко вспыхивает в воздухе, обнажая странную действительность.

Ринхар стоит в центре помещения и в одиночестве рассматривает лист бумаги.

Окидываю быстрым взглядом неровную земляную поверхность. Здесь нет никаких предметов — ни стульев, ни столов, ни бревен. Только каменные стены, построенные прямо на утопанной земле. Спрятать, к примеру, бездыханное тело здесь не возможно.

Уже хорошо...

Убийства Мариуса, судя по всему, не случилось.

Так почему тогда тоска тугим кольцом сжимает мне грудь?

— Объяснись, — цедит Харальд сквозь зубы, вставая между мной и братом в очень недружелюбной позе. В его голосе нет эмоций, лишь леденящий холод.

— Я решил проблему. Даже две, — говорит псих, постукивая по листку бумаги.

Он будто не замечает трескучий мороз в интонациях лорда, от которых даже меня пронимает до кости. И язык жестов игнорирует. Пялится в бумагу, скалится какой-то жуткой, мечтательной улыбкой.

— Ты не хотел терять хорошую охотницу. А я хотел остепениться... Все сошлось в одной точке. Капля моей крови на документ — и у меня теперь есть жена. И охотница теперь всегда под боком.

От его слов что-то больно рвется в душе, а в горле становится сухо.

— Познакомься! — псих утрированным, клоунским жестом наводит на меня открытую ладонь. — Мою жену в девичестве звали... — он снова утыкается в бумагу, — Ариана Микоф, но с этого момента перед тобой находится госпожа Ариана Вейзер. Я буду звать тебя, — Ринхар поворачивается ко мне и ощупывает оценивающим взглядом, — Ари... Хотя нет. Лучше Ана. Ведь раньше тебя так никто не называл?

— Бред! — выплевывает Харальд с яростью и требовательно протягивает к бумаге ладонь. — Даже ты не мог сотворить подобную глупость!

— Я требую хотя бы при моей жене не высказывать подобного неуважения, — холодеет голос Ринхара.

Стою остолбеневшая. Кажется, если я начну шевелиться, я стану частью этого кошмара.

Не может же все это происходить наяву!

Надо просто переждать.

Надо проснуться.

Смотрю, как Харальд читает бумагу, как напрягаются мышцы крепкой шеи. Как он медленно вертит головой из стороны в сторону, словно разминаясь. Затем, отшвырнув бумагу, он молнией кидается на брата, валит на землю и осыпает ударами, от которых под ногами трясется земля, а любые кости должны бы вдребезги расколоться...

Коленки подо мной подгибаются и я медленно оседаю на земляной пол. Закрываю глаза. Все-таки правда. Кошмарная реальность. Не сон.

Не знаю, сколько времени длится бойня, но искренне удивляюсь, что оба живы после той земляной дрожи, которую они устроили. Только в кровь разбито лицо у Ринхара. Если и сломаны кости, то по нему скажешь.

Ах да, у него же аномально высокий болевой порог.

— Отдай мне ее, — глухо рычит лорд, тяжело дыша и нависая над братом. — Тебе она не нужна!

— Ты забываешься, — улыбка на окровавленном, бородатом лице выглядит еще более жуткой. — Попрошу впредь не говорить о госпоже Вейзер, как о вещи. Прояви уважение, Старший.

Мне бы, наверно, понравились такие слова, услышь я их от другого человека. Однако в устах психа они звучат приговором. Вцепился в меня, как пиявка, и отцепить его будет непросто — вот единственное, что я понимаю из такого ответа.

— Отдай. Ее. Мне, — чеканит Харальд с искаженным яростью лицом.

— Можешь меня убить, Старший, — шипит поверженный гад. — Но, пока я жив, тебе ее не видать. Ты старательно делал вид, что огненная охотница тебе не нужна, когда я умолял тебя о доверии. Теперь пеняй на себя.

После этой фразы оборотень заносит свой кулак над лицом брата и смотрит с такой ненавистью, что, кажется, еще секунда — и произойдет убийство.

Но вместо человеческой плоти кулак с силой впечатывается в землю, и Харальд рывком поднимается с поверженного тела.

Ринхар, пошатываясь, встает следом.

Вот и все?

Реально?

Значит, я теперь замужем?

— Я не хочу быть твоей женой! — измученно произношу. Кажется, скоро от этой фразы у меня появится мозоль на языке. — Ты мне не нравишься. Пожалуйста, отпусти меня. Дай мне развод!

— Ана, что за дикость! — ерничает гад своим бархатным голосом, отряхивая дорожный плащ. — Брак — это святое. Никаких разводов в роду Вейзеров не было и не будет.

— Я своего согласия не давала и женой твоей становиться не собираюсь! — от отчаяния срываюсь на крик. — Может, ты все придумал! Может, вообще никакой печати нет!

Псих протягивает мне лист, на котором написано корявым почерком всего одно предложение:

«Данной бумагой заверяю переход опекунской печати над Арианой Микоф (в девичестве) от Мариуса Брониша к господину Ринхару Вейзеру. (Вся сумма уплачена сполна)»

А под словами красное пятно, такое большое, что заняло четверть листа. Неудивительно. Если написанное — правда, то здесь на бумаге, слита воедино кровь трех человек.

Я быстро рву бумагу напополам. Радуюсь, что меня никто не останавливает, рву еще раз и еще. Затем с ликованием кидаю мелкие клочки в сторону Ринхара, и они крупными снежинкам оседают у его кожаных сапог.

Тот ухмыляется.

— Ты разорвала всего лишь бумажку. Кровная магия никуда не делась... Если не веришь, можешь спросить Харальда!

В глазах старшего Вейзера я читаю подтверждение сказанному. Магическую печать не порвешь вместе с бумагой.

— Сегодня я позволю провести тебе ночь в твоей старой спальне, — деловито обращается ко мне «муж». — Дам тебе время привыкнуть к своему новому статусу, так и быть. А утром мы направимся в родовой замок. Остановимся там. Разумеется, если лорд Вейзер не против, — «муж» кидает пытливый взгляд на Харальда, и тот едва заметно кивает. Но при этом с такой горечью смотрит на младшего брата, что этот взгляд и внутри меня выжигает пустыню.

Он смирился?

Вот так просто...

Предатель!

Закусив губу, пытаюсь не закричать это вслух.

Поднимаюсь с земли и направляюсь на выход.

С трудом дохожу до спальни, сопровождаемая обоими братьями, один из которых теперь приходится мне деверем, а другой — мужем.

Ужасно хочется, как в шахматах, поменять короля и ладью местами. Вот только в жизни подобную рокировку сделать не получится.

Никогда я себя не чувствовала настолько подавленной.

Хотя с опекуном дяди все было сложно, но теперь мне оно кажется милым и почти безобидным по сравнению с тем, куда я только что вляпалась. Замужество подразумевает исполнение супружеских обязанностей, а меня при одной мысли о прикосновении Ринхара начинает трясти.

Не знаю про их внутрисемейную динамику, но уверена, что младший брат сделал меня разменной монетой.

Пожелал отомстить за пренебрежительное отношение. Или решил получить желанный трофей, чтобы в кои то веки обойти старшего.

А еще, конечно, захотелось поиметь лично меня. Ведь с первой минуты заявил, что я «вкусная».

Купил меня, как будто я еда, вещь, а не человек со своими взглядами.

Ворочаюсь с бока на бок. Сминаю холщовую простынь, пуховую подушку тискаю в пальцах. Рисую узоры пальцами на каменных стенках. Хотя я буквально раздавлена усталостью, моральной и физической, сна ни в одном глазу.

Тем более за дверью то и дело слышны тяжелые шаги. Кто-то там ходит, и этим безмерно меня пугает. Вдруг это «дядя»? Или Ринхар?

Задвижка в спальне хлипкая. Любому под силу сбить одним ударом плеча, а братьям Вейзерам так вообще пальцем тронуть — и дверь сама сойдет с петель.

Наконец, не выдерживаю, и сердито бурчу:

— Кто там?

— Ари, постарайся уснуть, — слышу тихий голос Харальда. — До замка путь долгий. Мы поедем на лошадях. Ты не выдержишь дороги, если не отдохнешь, как следует.

— С тобой мне больше не о чем говорить, — зло шиплю. — Я тебе доверяла, а ты... Привел ко мне этого гада, а потом просто взял и отдал меня ему! Молодец! Поделился щедро, по-братски! Тебя так, наверно, отец в детстве учил, да? Все самое лучшее отдавать младшему?

За дверью вновь раздаются шаги, но Харальд молчит, а вот меня пробило на эмоции и уже не остановиться:

— Как мне теперь жить с этим абьюзером? Ты хоть понимаешь, что это значит — быть физически слабее такого, как он? И даже сбежать далеко не получится, потому что при первом же ранении или серьезной болезни я просто сдохну! Да лучше сдохнуть, чем на всю жизнь оказаться привязанной к больному психу!

— Ари, я здесь не один, — вдруг говорит старший Вейзер, и тут же слышится бархатный голос «мужа»:

— Что такое «абьюзер», Ана? Признаться, я впервые слышу это слово. Не знаю, каков его смысл, но звучит оно красиво. В общем-то у тебя все получается красиво. Ты даже злишься очаровательно.

От бессилия, ярости, отчаяния швыряю в дверь табуретку. Когда та с грохотом разлетается на части, я рычу:

— Оставьте меня в покое! Оба! Пока вы здесь... вышагиваете, я точно не усну!

Вскоре шелест шагов удаляется в сторону гостевых комнат. Наконец-то, ушли.

Подождав примерно с пол часа, я решаю, что мне пора действовать. Сначала доберусь до дома Марии, а там юркну в портал к магам...

Здесь, с этими двумя, я точно не останусь!

Ну и что, что мне светит гангрена!

Стану первой безрукой охотницей. Сделаю насадку с лезвием себе на культю, как у воительницы в «Безумном Максе», и буду биться с оборотнями до последней капли крови!

Вскакиваю с кровати и крадучись скольжу на выход.

Беззвучно пробираюсь сквозь питейный зал ко входной двери. Открываю аккуратненько так, что даже дверь не скрипнула, кидаюсь наружу и... со всей дури впечатываюсь в невидимую стену.

Меня рикошетом отбрасывает обратно.

Потираю ушибленные места, негромко охая от боли, еле-еле встаю и побитой собачонкой плетусь в спальню.

Когда я, наконец, смыкаю веки и проваливаюсь в забытие, в дверь раздается стук. Не знаю, сколько он длится, но постепенно его громкость нарастет, вынуждая меня открыть глаза.

Мамочки, я вообще спала этой ночью или не успела?

Встаю с кровати и ахаю. Все тело ломит, а в местах вчерашнего столкновения с невидимым барьером по мне будто каток проехался. И вишенкой на торте еще голова чугунная.

За дверью стоит Кира с печальными глазами и с подносом, полным еды. Будто в последний путь меня провожает.

— Ты ж моя девочка... — жалостливо причитает она.

Смотрит в упор на мою скулу. Судя по ощущениям, там красуется смачный фингал, и я быстро прикрываю ту часть лица волосами.

Женщина уныло оглядывает комнату, ставит поднос на пол рядом с матрасом — табуретка от моего ночного броска развалилась на части — и констатирует:

— Значит, замуж вышла девонька. Попрощалась с девичеством, свободой. Теперь придется мужу угождать. Крутиться-вертеться вокруг него...

Слушаю вполуха, стараюсь не принимать близко к сердцу ее слова. Она хоть и добрая, но совершенно не в курсе происходящего. Говорит так, как будто раньше у меня была свобода.

Никогда у меня не было свободы в новом теле!

Была лишь ее иллюзия, пока я училась.

Так что...

— Девонька моя, я тебе вот платочек принесла, — Кира протягивает мне нарядный, расписной платок. — Ты ведь теперь замужняя. Негоже чужим мужчинам свои волосы показывать.

Мне кажется, я ослышалась.

Я, конечно, поражалась раньше деревенским женщинам постарше, даже в жару гуляющим в платках, но в академии никаких платков никогда не было.

Кира, видя недоумение, с которым я верчу кусок ткани, отбирает его и сама повязывает мне на голову, при этом нашептывая:

— А ты все-таки смирись, девонька. Я понимаю, ты не думай. Ты гордая, видная. Редкая птица. Но мужу надо уступать. Особенно, по ночам. А то так и будешь ходить всю жизнь в синяках...

Как только до меня доходит, о чем она говорит, срываю с себя платок. Решительно отстраняю навязчивые руки, вручаю обратно поднос, платок и заявляю:

— Спасибо, Кира. Я сыта.

— Вот и славно, — раздается за спиной ненавистный голос Ринхара. — Потому что нам пора отправляться в путь.

На дворе бьют копытами два оседланных гнедых жеребца и спокойная серая кобылка, в яблоках. Взбираюсь на нее с трудом, хотя лошадку мне оставили покладистую и низкорослую.

В седле я едва удерживаюсь от стонов. Все тело ноет и молит об отдыхе. Поездка еще не началась, а я чувствую себя, как уставший, израненный лесоруб.

Надо было слушаться Харальда и спать, пока была такая возможность.

Я с завистью посматриваю на братьев. По их внешнему виду даже не скажешь о только что пережитой бессонной ночи. Следы драки тоже не заметны.

Движения обоих мужчин четкие, грамотные, лица свежие, а на своих гнедых жеребцов они запрыгивают резким движением профессиональных наездников.

Ринхар сразу же подъезжает ко мне. Он настолько непринужденно держится в седле, что при других обстоятельствах я бы, пожалуй, полюбовалась его статью. При каждом движении литые мышцы бугрятся, как живые. Ради таких бицепсов многие парни в спортзале продали бы дьяволу душу!

Но когда мой взгляд встречается с его свинцовой синевой, чувствую, как напрягается сразу все тело. Глажу по холке кобылку, а сама внутренне группируюсь в ожидании подвоха.

И не зря.

Внимательно меня осмотрев, мужчина недобро усмехается:

— Чем ты занималась ночью, Ана? Выглядишь уставшей и... побитой.

— Меня побил невидимая стена, воздвигнутая одним жестоким человеком.

— Он не жестокий, Ана. Предусмотрительный, — поправляет меня собеседник, гарцуя вокруг меня на гнедом жеребце. — К чему я веду. Слабая наездница не справится с долгой дорогой. Пересядь на моего гнедого. Со мной тебе будет легче.

Мысль о том, чтобы ехать с этим психом в обнимку меня пронзает таким ужасом, что без долгих раздумий бурчу:

— Нет необходимости. Я не слабая. Просто немного устала и не совсем здорова.

— Это одно и то же. Я настаиваю.

— Видишь ли. Я не настолько слаба, чтобы позволить плохому самочувствию стать основанием для твоих прикосновений.

В темной лазури глаз дыбится гнев, но меня он несколько не смущает. Я нахожусь на грани отчаяния, а там до бесстрашия буквально подать рукой. Не заметив во мне желанной реакции, Ринхар хмурится и зло чеканит:

— Ты моя жена. Я возьму тебя, когда захочу и спрашивать не стану. Не слабая, говоришь? — он зло усмехается. — Докажи. Если не сможешь выдержать взятый темп, пересядешь ко мне. Будешь сопротивляться — закину поперек лошади и остаток дороги проведешь на своем животе вниз головой!

Озвучив угрозу, он пришпоривает своего коня. Мне не остается ничего другого, кроме как рвануть следом, шипя и ахая от боли. Позади меня раздается топот копыт жеребца Харальда.

Следующие несколько часов мы скачем рысью.

Рысца — это, конечно, не галоп, но все равно слишком быстро!

За время болезни наработанные в академии мышцы почти атрофировались. К тому же

ужасно болит запястье, и мне приходится управлять лошадью одной рукой.

По сути я держусь в седле на одной силе воли.

Если упаду или начну тормозить, то дам повод Ринхару лапоть меня последующую часть поездки.

Я уж лучше сожму зубы и потерплю, чем соглашусь на такое унижение.

Время от времени Харальд припускает своего коня и подъезжает поближе, с тревогой на меня поглядывая.

Судя по всему, видок у меня еще тот!

Волосы растрепались и прядями прилипли к потному лицу. Но прилипли, к сожалению, не с той стороны, где ноет разбитая скула.

Тонкое, пепельное платье задралась так высоко, что из-под подола торчат худые коленки, на одной из которых багровеет сочная, ночная гематома. Раз через сто я устала одергивать одежду. Плюнула на приличия и еду, как есть, сверкая голыми икрами в светлых полусапожках.

Харальд пытается поймать мой взгляд, пытается заговорить, но я сжимаю плотнее рот и отворачиваюсь в другую сторону.

Понимаю, что поступаю глупо, несправедливо, по-детски, игнорируя мужчину! Понимаю, что он сам страдает от случившегося, но поделаться с собой ничего не могу.

Говорить сейчас с ним, будто сыпать соль на открытую рану. Слишком больно. Слишком рано.

Да и не до разговоров.

Мне бы, главное, темп выдержать и с моей серенькой кобылки не свалиться!

Широкая, утоптанная дорога вьется ужом между зеленых деревьев, выводит нас к крепкому деревянному мостику через бурную речушку, где мы вволю пьем и пополняем запасы воды. Снова взбираемся в седла и едем, едем, едем, пока не оказываемся в гористой местности.

Здесь братья, наконец-то, решают сделать привал. Как только они спешиваются, я тяжелым мешком валюсь с седла прямо на землю.

Понимаю, что выгляжу ужасно, но после многочасовой тряски, до краев пропитанной болью, мне все равно.

Главного я добилась.

Выдержала темп. Теперь не придется пересаживаться на гнедого и ехать вместе с озабоченным мужем нарциссом.

Моя славная лошадка сама отправляется к двум жеребцам, щиплющим редкие кустики. А я полулежу, прислонившись к какому-то валуну и таращусь в голубое небо, покрытое перистыми облачками.

Хорошо-то как!

Просто лежать неподвижно, расслабив ноющие мышцы, а саднящее запястье аккуратно устроив на животе.

Мужчины достают запасы из вещевых мешков и раскладывают продукты на широком, плоском камне, о чем-то негромко, но эмоционально беседуя.

— Ана! — вдруг зовет меня Ринхар, и я не понимаю, чего в его голосе больше: неприязни или дурного настроения. — Если ты голодна, то иди есть.

На такой тон не хочется откликаться. Нет желания усаживаться рядом с Вейзерами и пересекаться с ними взглядом. Я бы с радостью полежала еще в одиночестве и полюбовалась

спокойным, безобидным небом.

Но даже дураку понятно, что надо закинуть в топку дров, чтобы печь не погасла. Тело просто не выдержит остаток дороги, если я сейчас не поем.

Еле-еле заставляю себя встать и доковылять до камня с разложенными на нем припасами. Вяленое мясо, завернутое в специальную бумагу. Орехи. Ломти вчерашнего хлеба.

Я набиваю рот мясом, которое, хоть и жуется долго, на вкус оказывается недурным. Ржаной хлеб дает углеводы, быструю энергию, помогая восстановить боевой настрой.

Как только я заканчиваю жевать, тут же встаю и отхожу обратно к валуну, подальше от братьев. Собираюсь еще немного отдохнуть. Полежать, завидуя вольным облакам. Но проклятый Ринхар не оставляет мне такой возможности.

Он следует за мной и сухо бросает:

— Собираемся и едем. Условия те же. Не выдержишь темп — пересядешь ко мне.

Нагло ощерившись, он вдруг добавляет:

— Зря стараешься, огненная. Ты уже моя. Вся целиком, с ног до головы. Никуда ты от меня не денешься!

Каким-то чудом я усаживаюсь обратно в седло. И снова выдерживаю убийственную поездку. Вторую часть пути мы едем дольше, хотя, возможно, мне только кажется из-за чудовищной усталости.

Наконец, когда уже начинает темнеть, мы минуем знакомую мне деревеньку Вейзеров и подъезжаем к светло-серому величественному замку.

Хотя сумрак уже окутал каменные стены, они и сейчас выглядят достаточно впечатляющей... темницей. Замечаю, что окон здесь нет. Маленькие отверстия — это, скорее бойницы, через которые не пролезть обычному человеку. На воротах опущена решетка, что сразу поднимается, стоит нам подъехать поближе.

С нашим появлением во внутренний дворик быстро сбегается толпа, вразнобой раздаются крики:

— Хозяин пожаловал!

— Лорд Вейзер!

— А мы вас ждали, хозяин!

— Благодетель вы наш...

Несмотря на жуткую усталость, замечаю, что все приветствия достаются Харальду. Его сразу же обступают слуги, словно желая прикоснуться к его энергетике. Люди безоговорочно признают в нем предводителя, а Ринхара просто не замечают. Относятся, как к незримой тени старшего брата.

Младший, конечно, мерзавец, но на секунду мне становится его жаль. Ведь такого, как Харальд, сильного, чуткого, справедливого, обойти очень трудно. Ринхар как будто обречен ему вечно проигрывать.

Хотя о чем я?

Ринхар псих, эгоист, наглец, и я не собираюсь даровать ему отпущение грехов только потому, что у него было трудное детство.

Скатившись с лошади, мне не хватает сил устоять. Внутренняя сторона бедер натерта до крови, а спина и пятая точка готовы просто лопнуть от боли.

Знаю, надо бы встать. Сделать последний рывок, чтобы добрести до какой-нибудь комнаты...

Ешкин кот, да мне даже комнаты больше не надо!

Я готова заползти под крышу, забиться в первый попавшийся уголок и отрубиться.

Пока набираюсь сил, чтобы волевыми пинками поднять себя на ноги, ко мне подходит Ринхар. Гад, из-за которого сегодняшний день превратился в самую настоящую пытку. Видимо, он с первого ряда желает насладиться моей беспомощностью.

Куража хватается, чтобы, задрать голову и заглянуть ему прямо в глаза, темные и тяжелые, как его душа.

Помолчав немного, он вздыхает:

— Бедная Ана. Вижу, как ты измотана. Я бы с радостью отнес тебя в нашу спальню на руках. Однако, помнится, ты слишком сильная для моих прикосновений. Так что изволь сама. Второй этаж, третья дверь направо.

Я выдерживаю его взгляд, несмотря на ком, подкативший к горлу. Несмотря на то, что ощущаю себя улиткой с раздавленным всмятку домиком. Преданной, брошенной,

беззащитной, измученной улиткой.

И все же мне удается сдерживать рыдания до момента, пока садист не исчезает за дверью.

А потом плотину сдержанности прорывает, и я начинаю рыдать. Как могу беззвучно, незаметно, но совсем не всхлипывать не получается.

И с *этим* нелюдем мне придется теперь жить на постоянной основе?

Не проходит и минуты, как меня обступают три говорливые служанки. В наступившей темноте я почти не вижу их лиц, но судя по голосам, они все довольно молодые и сильные. Одна подхватывает меня под правую руку, другая — под левую, третья держит мой веши, факел и идет впереди, освещая дорогу.

— Лорд Вейзер приказал отвести вас в гостевую комнату, госпожа, — щебечет Мира, та, что держит меня справа.

— Мы приготовим вам водичку, чтобы вы смогли искупаться с дороги, — обещает левая, Даниша. — Фирш уже поскакал в деревню за новой целительницей, чтобы она обработала вам раны после купания.

— Скоро кухарка принесет вам в комнату покушать... Устали, проголодались небось с дороги-то, — жалеет меня Тина, идущая впереди.

— Спасибо вам, девочки! — шепчу, до глубины души тронутая их помощью. — Вы волшебные!

Вот такого мягкого, женского сочувствия мне очень не хватало. Ощущаю кайф человека, выигравшего после тяжелого дня неожиданный вечер в СПА.

— Ой, госпожа, это честь для нас — помогать охотнице, убившей проклятую Орин, — уверяет Даниша. — Нам в радость о вас позаботиться!

— Ладно тебе юлить! — хихикает Тина. — Признайся честно, что нам в радость исполнить любой приказ хозяина

— Да чего уж! Нам в радость даже подышать одним воздухом с господином! — томно вздыхает Мира.

После этих высказываний меня накрывает дикое раздражение. Из милых лапочек мои спутницы вдруг превращаются в навязчивых и глупых, а в голове зудят осуждающие мысли.

Да как они смеют? Как из их губ могут вырываться подобные дерзости?! Откуда подобная фамильярность по отношению к хозяину...

Стоп.

Столько эмоций в адрес чужой влюбленности?

Будто я ревную.

Неторопливо обкатываю это предположение. Оцениваю с разных ракурсов. И скоро, прикусив губу, признаюсь сама себе.

Да, ревную.

Ну что тут скажешь...

Мало того, что я замужем за психом, так еще и влюблена в своего деверя.

Девушки продолжают щебетать, а я стараюсь их не слушать. Потому что замечаю в себе нарастающую потребность сигануть по ним огненными шариками. Совсем небольшими, размером с наперстки. Просто, чтобы, испугавшись, эти кокетки перестали в подобном ключе обсуждать *моего* дракона.

Дыши, Варя.

Дыши глубже.

Ты все сможешь.

Ты справишься.
Главное, дыши.

Ревность для меня — это совершенно новый опыт. Последний раз я ревновала в девятом классе Лешку Горохова к его соседке по парте, но та поверхностная досада даже рядом не стояла по остроте с нынешним чувством.

Я с трудом держу себя в руках. То фокусируюсь на дыхании, то представляю себе умиротворяющие пейзажи. Даже вспоминаю колыбельную, чтобы утихомирить шквал эмоций. Странно напевать колыбельную самой себе, но я когда-то слышала, что ее мелодия успокаивает сердечный ритм, а мне просто жизненно необходимо уgomонить его бешеный стук.

Жаль, что девушки со своей общительностью не дают мне спокойно помедитировать. Качают в такт мелодии головами, пока ведут меня по лестнице, а одна даже начинает подпевать мимо нот.

И все же жалкое подобие моей медитации помогает прийти к озарению.

Я вдруг со всей ясностью понимаю, что в Харальда просто невозможно не влюбиться! Он, как океан, к которому стекаются все реки. Как северный полюс, притягивающий к себе все стрелки компасов.

Нереально отменить тягу магнита и законы природы, как ни старайся. Эти силы действуют на тебя, хочешь ты этого или нет. Вот и девушки тянутся к его харизме и силе, потому что людям свойственно следовать за истинным лидером.

На душе сразу становится спокойнее, я даже физически начинаю испытывать большую легкость.

Наконец мы добредаем до просторной комнаты, обставленной самым необходимым. Здесь есть вместительная кровать, стол, парочка стульев, но самый приятный и многообещающий элемент обстановки — это рифленая, металлическая лохань, на данный момент совершенно пустая.

Оглядевшись, понимаю, что система подачи воды здесь отсутствует. Чтобы искупаться, необходимо натаскать воду вручную то ли на третий, то ли на четвертый этаж. Точно не знаю, потому что, оказавшись на лестнице, почти сразу потеряла счет ступенькам.

Представляю себя на месте этих бедных тружениц, обещавших мне водичку для купания и... Сразу понимаю, что водные процедуры мне не очень-то нужны.

Но то ли мой отказ звучит не убедительно, то ли приказ Харальда для них неоспорим, — девушки даже слушать меня не желают.

Перед тем, как отправиться за водой, они пытаются усадить меня на широкий стул, но я с нервным смешком его отстраняю. Думаете, после целого дня в седле я не насиделась?

Вместо стула укладываюсь на темной, пушистой шкуре, раскинув руки в позе звездочки, и блаженно замираю, когда щебетуньи исчезают за дверью. Пока они, как трудолюбивые пчелки, снуют туда-сюда с ведрами в руках, полная женщина с улыбочивым лицом приносит мне из кухни холодные закуски и графин с бордовым напитком. Успеваю основательно подкрепиться, прежде чем девушки на две трети наполняют металлическую лохань и весело заявляют: «Все готово, госпожа!»

В обычных обстоятельствах я бы попросила их уйти, чтобы искупаться в одиночестве. Но сейчас в присутствии, казалось бы, посторонних ощущаю себя в большей безопасности.

Кто знает, что там в голове у Ринхара?

Вдруг он пожелает зайти, чтобы заявить на меня супружеские права?

Когда последний слой одеяния с меня слетает, я погружаюсь в теплую, как парное молоко, ласковую водичку, а мои помощницы синхронно ахают. Светловолосая Даниша аж рот прикрывает широкой ладонью.

Болезненная худоба, рана и гематомы — так себе картинка. Хорошо хоть им в головы приходят совсем иные выводы, нежели Кире сегодня утром:

— Это вас оборотень так отделал, госпожа?

— Какая вы все-таки бесстрашная, раз решились стать охотницей!

— Госпожа Ариана, а вы не боитесь, что вас покусает и вы сами станете... Ну...
Оборотнем? — этот вопрос несмело задает смуглая брюнетка Мира.

Я тихонько вздыхаю. Конечно, боюсь. До дрожи! До мурашек! Но разве скажешь такое дурехам, которые смотрят на тебя с придыханием?

Они по-своему истолковывают мое молчание. Крепко сбитая Тина толкает полным локтем спросившую:

— Типун тебе на язык! Никто госпожу Ариану не покусает! Разве что холодная вода ее кожу пощипает, коли забудешь горячую подлить.

Пока я отмокаю в лохани, девушки помогают вымыть мне голову, поливая на нее теплой, чистой водой из кувшина. Одновременно продолжают болтать о пустяках:

— А правду говорят, что коли оборотню покажешь серебряный кол, он испугается и удерет?

Я фыркаю и мотаю мокрой головой, по которой обильно стекает вода:

— Небылицы. Оборотням плевать на серебро. Если только оно не вонзилось им в сердце.

— А правда, что перед тем, как убить девушку, оборотень лишает ее чести? — снова трудный вопрос от Мира.

В действительности, мне очень мало известно об оборотнях, но заявить об этом — как расписаться в бессилии всех охотников на нечисть. Такое признание противоречит профессиональной этике.

Приходится взять нить беседы в свои руки и побыстрее перевести тему:

— А правда, что Вейзеры, хозяйева этого замка, сводные братья? Не родные?

На самом деле я секунду назад придумала эту сказку, но она отлично срабатывает.

— Да что вы, госпожа! — всплескивает маленькими ручками Мира. — Кто вам такое сказал?! Они родные! Хотя отличаются, как белое и черное, у них те же родители...

— А хозяин у нас только один. Лорд Харальд Вейзер, — перебивает Даниша. — Господин Ринхар, он...

— Он нам не хозяин! — уверяет Мира.

— И слава богу! — подхватывает Тина, вдруг понижая голос. — Если бы не лорд Вейзер, Ринхар бы совсем распоясался. Деревенские одно время его, как огня боялись! Год назад он в нашу деревню зачастил. Парней задирает, калечит даже. К девкам приставал. Родители вон своих дочек уму-разуму учили-учили, но все равно находились дуры, что велись на его наглость и знатное происхождение. Бегали по ночам к Ринхару на свиданки, а потом, бедовые, рыдали в подушку.

— Вы, госпожа, не смотрите, что он собой хорош и знатен, — добавляет Даниша. — Душонка у него гнилая. Шкодливая.

Я грустно улыбаюсь.

Если бы только моя собеседница знала, что говорит с новоиспеченной женой этой шкодливой душонки!

— Они вечно с хозяином ругаются. И сейчас тоже ссорятся, зуб даю! Когда хозяин с таким лицом идет в покои младшего брата, быть грозе!

— А где покои младшего брата? — спрашиваю рассеянно.

Замок Вейзеров огромный. Я бы с охотой подслушала их разговор, но вряд ли у слухача хватит мощности дотянуться...

— Да этажом ниже, прямо под нами! — тычет пальцем вниз Мира. — Вот же совпадение, да?

— Ох, девочки, спасибо за вашу помощь! — резко поднимаюсь, вздымая в лохани волну, и меня расторопно укутывает простыней Тина, помогая подсохнуть и вылезти из воды. — Дальше я сама.

Мира вручает мне с непонятным трепетом красивую, шелковую сорочку: «Господин Харальд велел с почтением передать уважаемой гостье!»

Пока я ревниво гадаю, откуда у Харальда взялась изящная, женская сорочка и раздумываю, не спросить ли об этом у служанок, те шустро забирают мою одежду на стирку и выскальзывают за дверь. А я достаю из вещмешка слухач, настраиваю его на нижний этаж и прислушиваюсь к знакомым, но слегка размытым мужским голосам.

Первым улавливаю сердитый голос муженька:

— ...запрещаю тебе вмешиваться. Каким образом Ана научится почитать мужа, если ты будешь отменять каждое мое наказание? Она должна была сама, на своих разбитых ножках добираться до спальни. До *нашей* спальни, между прочим!

— Ты спятил, Младший? Ари моя гостья, — густеет рык Харальда. — Думаешь, я позволю истязать охотницу в собственном доме?

— Она моя жена! На правах мужа я требую не вмешиваться! — ревет Ринхар.

— Она моя гостья! На правах хозяина я не дам ее в обиду!

— Мы уйдем из твоего дома! Завтра утром. Хотя нет... Мы уйдем сейчас же! — на последних словах раздается скрежет отодвигаемой мебели, словно кто-то резко вскочил со стула. И тут же слышится непонятный шум. Стуки, хлопки, шарканье, рычание — какофония этих звуков напоминает потасовку.

Из меня вырывается стон.

Он спятил?

После долго дня и бессонной ночи я едва жива. Глаза закрываются — хоть спички вставляй! Думала, дождусь прихода целительницы, она меня немного подлечит, и я отрублюсь!

А этот изверг планирует наш уход?

И дело даже не столько в усталости и не в том, что моего мнения никто не спросил, хотя это, мягко говоря, неприемливо.

Главное, мне до жути не хочется оставаться с ним наедине! Это как уединиться с озабоченным и буйно помешанным, давно не принимавшим успокоительных. Ни одна девушка с функционирующим инстинктом самосохранения на такое не решится!

— Даже не мечтай, — рычит Старший Вейзер. — Ариану с тобой никуда не отпущу.

После его слов меня немного отпускает.

Вселенная меня все-таки любит.

Иногда.

— Не отпустишь? С собственным мужем? Ты знаешь лучше меня, что не имеешь права влезать в дела нашей пары! — чеканит псих, и Харальд насмешливо парирует:

— Во-первых, чтобы стать с Арианой настоящей парой, ты еще должен хорошенько постараться. На данный момент у вас отсутствует связь. От пары одно название. А во-вторых, на правах старшего я приказываю тебе оставаться в замке. Игры закончились, Ринхар. Ты обязан мне подчиниться и тебе это известно.

Ожидаю в ответ новую порцию ехидства, но ее нет.

Вместо того, чтобы ерничать, «муж» молчит, и своим молчанием будто подтверждает только что сказанное.

Будто он действительно *обязан* подчиниться.

Чуть меняю позу затекшего тела. Сажусь на карачках, опираясь локтями на звериную шкуру — так ближе к полу и лучше слышно, но кроме тишины ничего слухач не транслирует.

Я что-то явно упускаю в семейной картинке.

Почему младший обязан подчиниться?

Вновь раздается голос «мужа», но я больше не узнаю в этих потерянных, беспомощных интонациях самоуверенного, властного нарцисса:

— Я не знаю, что делать, Хар. Она меня изводит. Комкает мои попытки сблизиться с ней, как грязную тряпку, и выкидывает в выгребную яму. Думал, раз не хочет по-хорошему, пусть будет по-плохому. Но с ней и по-плохому не работает. Кремень, а не дева. Каленая сталь. Ее не продавить. Не прогнуть. Никак.

— А что ты хотел? В вашу первую встречу ты напал на нее и напугал до полусмерти. На второй — против воли захапал в жены. Думал, что после такого улыбнешься разок боевому магу и она сразу отгадает?

— Ты умеешь утешать, как никто, Хар, — бормочет «муж». — После твоего утешения хоть в петлю лезь.

— За правду извиняться не собираюсь. Ты забыл, с кем имеешь дело, Ринх. Ариана тебе не наивная, деревенская ромашка. Ее не взять на таран и не ослепить ярким оперением.

— Ладно, можешь не продолжать, я понял. Мы скверно начали. Прямо-таки отвратительно. Что дальше? Как мне изменить ее мнение о себе?

— Хочешь понравиться — учись о ней заботиться. Бережно. Терпеливо. Наблюдай за ней, чтобы узнать получше. Делай приятное. Помогай в трудностях...

В такт этим словам сердце начинает биться бойчее, будто живительную воду пью. И в то же время становится горько.

Почему мне достался Ринхар, а не Харальд?!

Это к старшему Вейзеру меня тянет неудержимо. Это с ним мне хочется быть рядом, а не с безумцем, возмнившим себя моей парой!

— Я пытался, Хар, но... Демоны! Так только хуже. Она не проявляет ни малейшего уважения! Спорит, дерзит, отталкивает. Это бесит до жути! Охота сжать ей горло и взять ее силой. Лишь бы покорила.

— Пытался?! — глухо усмехается Харальд. — О, боги! Сегодняшний день ты называешь «пытался»?! Наберись терпения, если собираешься установить связь с женой! И пытайся лучше!

Снова молчание. Звук шагов.

— Я тебе говорил, Ринх. Ты не готов к отношениям. Тебе нужно пройти обучение в Межгории...

— Снова заладил! — в бешенстве вскрикивает «муж». — Межгория, Вальдемар, самодисциплина... Я уже достаточно зрелый и без твоего Вальдемара!

— Ну раз зрелый, значит, понимаешь текущий расклад, — чеканит Харальд. — Если мне придется выбирать между спасением невинной души и твоей жизнью, моя рука не дрогнет. Не посмотрю, что мы братья.

Шелест быстрых шагов и стук закрываемой двери.

Через пару минут дверь снова стучит.

Кажется, оба вышли куда-то из комнаты.

Суровый братский разговор закончен. Однако с его окончанием вопросов и поводов для тревоги стало еще больше.

Вынимаю из уха слухач, аккуратно отправляю его в свой холстяной вещмешок, а сама поднимаюсь со шкуры и взбираюсь на кровать, застеленную нежнейшим, прохладным шелком. Снова раскидываюсь звездочкой — чтобы воспаленная поверхность внутренних бедер не соприкасалась — и громко зеваю.

Итак, подытожим.

Мне грозит опасность от собственного «мужа», против которого моя огненная магия бессильна. Это раз.

Ринхар вынужден иногда слушаться брата. Это два.

В супружеские отношения в их семье вторгаться не принято. Это три. Есть какое-то обучение в Межгории, куда было бы неплохо выставить Ринхара. Это четыре.

Силюсь найти выход, лазейку из ситуации. В голове сгущаются мысли, эмоции плаваются в густой туман. Вот только вместо того, чтобы прийти к вразумительным выводам, я безответственно проваливаюсь в сон.

Правда, совсем ненадолго, потому что меня тут же начинают тормозить:

— Перевернись-ка на другой бок, миленькая... Охохонюшки! Кто же тебя так? Ой, худо дело, худо... Ну-ка, посмотрим...

Сначала я мычу, пытаюсь отогнать пристающие руки, отбирающие меня у сна, а потом понимаю: это же целительница, которую я ждала!

Честно пытаюсь разомкнуть веки, но сделать это не получается сразу. Будто чугун припаян вместо ресниц.

— Мм... Так-так. Ну и рана! Совсем как у кузнеца Михкеля в том году. Тот тогда чуть не помер после царапины. Ты, миленькая, тоже не из простых. Как он, крепко цепляешься за жизнь.

Слово за словом, под скрипучее бормотание женщины окончательно выплываю из дремы.

Когда удается открыть глаза, вижу перед собой крохотную старушку, аккуратную и морщинистую, как высохшее яблочко.

При неярком свете керосиновой лампы она роется во вместительной холщовой суме. Подслеповато щурится, поднося к глазам то один, то другой мешочек с сушеными снадобьями. Осматривает, нюхает, перебирает тонкими пальцами, недовольно бормоча:

— Не то... Опять не то...

— Так что случилось с Михкелем? — уточняю. — С кузнецом?

— Его цапнул барс своими когтями... Опять не то. Где же эта трава?.. Все вокруг думали, что раз когтями по плечу, то ничего серьезного. А нет. Рана раздулась вдвое прежнего, совсем как у тебя. Кузнец слег на несколько недель.

— Странно, что барс его только цапнул, а добивать не стал, — произношу задумчиво.

— Может, и добил бы. Да только Михкель в речку сиганул с обрыва... Тем и спасся. Но главное в его истории не то, что он выжил после царапины, очень уж похожей на твою.

— А что может быть важнее? — растерянно моргаю.

— Потом его оборотень покусал, — скрипуче отвечает старушка. — Не насмерть, миленькая, нет. Видно, нашему красавцу Михкелю самка попалась, искавшая себе самца среди людей. Вот и куснула легонько. Самое интересное, что после того укуса кузнец так и не обратился. Хотя честно просидел в клетке целых два месяца и пережил два полнолуния взаперти.

О клетках для укушенных я уже слышала в академии.

Когда человека кусал оборотень, его иногда сажали в клетку из особо крепкого сплава. Деревенские жители устраивали за пленником круглосуточное наблюдение. Когда в полнолуние начиналось первое обращение, покусанного убивали.

Почему не убивали сразу?

Считалось, что до первого обращения он остается человеком. А брать на душу грех душегубства люди боялись.

— Как такое возможно, бабушка? — спрашиваю ошарашенно. — Укус ведь неизбежно приводит к обращению!

— У Михкеля после первой царапины вроде как невосприимчивость к яду появилась. Среди местных ходили слухи, будто здешние барсы свои когти обгрызают. От этой грызни на когтях отравка остается, совсем чуть-чуть. Организм, видать, к яду привык, переработал. Потому и не обратился от укуса.

— Понятно, — тяну задумчиво.

Мысли крутятся слаженно, как шестеренки.

Неужели я, как незнакомый кузнец по имени Михкель, получила иммунитет от яда оборотней?

То есть меня теперь может кусать перевертыш, а я как была человеком, так им и останусь?

Так и подмывает проверить свою теорию — благо оборотень под рукой есть. Однако может оказаться, что в случае Михкеля были другие составляющие, которых в моем случае не оказалось.

Например, кузнеца мог поцарапать оборотень с ипостасью одного барса. А меня когтями ранил универсал. Волко-барсо-дракон. Одно единственное различие может привести к трагическим последствиям.

Нет. Лучше забыть об этом и больше не вспоминать.

А то напроверяю на свою голову обращение!

Харальд

Харальд шел по коридору злой, как демон. Тяжелой поступью так впечатывал шаги в каменные плиты, что полы тряслись под ногами. Крепко сжимал кулаки, словно пытался кости раздробить в прах.

Кто бы знал, каких усилий ему стоило сдерживаться во время разговора с Ринхаром! Зверь кипел, бушевал, рвался наружу!

Хотелось схватить брата за шкуру и трясти, пока мозги не встанут на место!

Перед глазами стояла его нахальная морда, а в голове мерзкой отравой саднили слова.

Пара...

Ринхар посмел заявить, что они с Арианой пара!

Да что он, щенок, понимает в истинной паре? Единственный, кому он готов вечно внимать, — своему зверю. Единственная тактика в любовном арсенале — агрессия.

У Младшего нет ни единого шанса на нормальные отношения, если не учить его и, взяв за руку, не направлять по тропе любви, как слепого.

Дикость на дикости...

Учить другого дракона ухаживать за собственной избранницей, с которой уже начали сплетаться хрупкие зачатки истинной связи. Плюнуть на себя. Забыть, что больно, что душу жалят сотни ядовитых змей. Проявлять выдержку, хотя при одном взгляде на ладную фигуру закипает кровь. Сделать все, лишь бы Ринхар ее не обидел.

Потому что ничего другого не остается.

Законы клановых оборотней раньше выглядели справедливыми, а оказались сплошным недоразумением!

Кто первым заявил права на женщину, тот и строит с ней пару. Пока двое являются парой, вторгаться в их отношения никто не вправе.

В то время, как Харальд осторожно, шаг за шагом подбирался к сердцу огненной охотницы, укреплял хрупкие ниточки назревающей связи, Младший грубо, нахально втиснулся на позицию мужа. Теперь он муж по магическому контракту, а в реальности враг.

Бездна! Харальд с силой пнул об стену ни в чем не повинный табурет, случайно вставший на его дороге.

Ари даже не знает, что замужем за драконом. Сказать ей об этом — значит, снова влезть в запретную сферу. Не сказать еще хуже.

Что будет, если Ринхар цапнет ее клыками?

С него станется, с дикаря!

Вчера ночью Ариана напряглась, словно натянутая струна, всем телом, и голос дрогнул, когда зашла речь об укусе оборотня. Пролепетала обреченно: «Тогда все. Конец!»

Чему конец? Всему нормальному, человеческому? Карьере охотницы? Или она обрежет нить своей физической жизни?

При мысли о ее кончине зверь внутри взревел, готовый вцепиться Ринахару в глотку. Еще минута — и удержать его станет невозможно.

Перейдя на бег, Харальд добрался наконец до подвала, открыл портал в лес и молнией рванул наружу, в просвет между вековыми деревьями.

Портал еще не успел затянуться, а чешуя уже покрыла кожу, кости хрустнули и он весь

стремительно начал меняться, обретая звериную форму.

Оказавшись на воле, в своей стихии, зверь постепенно стихал, довольно урча. Вначале взлетел невысоко и неспешно планировал над верхушками деревьев, лишь изредка рассекая воздух мощными взмахами огромных крыльев.

Когда эмоции окончательно улеглись, он взмыл туда, где воздух настолько редкий и холодный, что с трудом удавалось сделать вдох. Там он долго парил под звездами, впитывая в себя их вечную мудрость и хрустальную тишину.

Харальд опустился к точке портала, лишь когда первые лучи солнца подернули алой дымкой края горизонта.

Сотворил окно в портал, перешел в замок и вслушался.

Обычно в это время суток слуги еще спят.

Однако на сей раз, стоило ему выйти за каменные стены подвала, как его окружила суета. Топот ног по ступеням, тревожные разговоры вполголоса. Что случилось?

Ари?

На секунду грудь сжала тревога, заставив нырнуть поглубже во внутренние ощущения.

Нет, с ней все было в порядке.

Харальд устремился в самую гущу криков, что раздавались в кухне. Там кучками собрались слуги, что жили при замке, и, активно жестикулируя, что-то обсуждали.

— Лорд Вейзер! Хозяин! — всполошились люди при виде него.

— Убили! Целительницу Эйрину...

— Ее растерзал зверь по пути в деревню.

— В клочья порвал.

— Мы ее уговаривали остаться, переночевать, но она не послушалась. Решила вернуться домой, чтобы закончить начатое зелье.

— Неужели есть другой оборотень? — пискнула Таира, прижимая руку к груди. — Что теперь с нами будет? Опять страшно за пределы замка выйти...

Бездна!

Очередное убийство.

Была еще надежда, что то был обычный медведь.

А что, если всему виной Фирш? Решил проводить старушку и внезапно обернулся зверем?

Крупный, широкоплечий. Темные волосы отросли так сильно, что закрывали пол лица. Он стоял сейчас потерянный, чуть вдали от всех, аж трясся. Потому что вспомнил свою покойную матушку? Или потому, что впервые отведал человеческой крови?

Харальд невольно втянул носом воздух, но не смог уловить от паренька запах крови целительницы. Запахи конского пота, псины, и навоза столь едкие и пронзительные, что перекричат даже кровь.

Он кивал, краем уха внимая к причитаниям слуг, и одновременно обдумывая другое.

Чем занимался Ринхар, пока Харальд позволил себе обращение?

Как проверить алиби Фирша?

Что, если помимо Орин, в деревне имелся другой оборотень, о котором никто не догадывался?

Вопросов много.

Значит, самое время найти на них ответы.

Внезапно за спиной раздались знакомые легкие шаги, и ноздрей коснулся невыносимо

нежный, цветочный запах. По затылку, шее, плечам скользнул теплый взгляд, будто ветерок погладил, и сердце забилось быстрее, когда Харальд развернулся и увидел охотницу.

Во время визита целительницы мне становится полегче. Ломота во всем теле, боль в бедрах и запястьях постепенно отступают, будто испугавшись прикосновений ловких рук.

Сначала женщина умело растирает в пыль сушеные травы, пахнущие липовым цветом, смешивает с водой, и размазывает по внутренней поверхности бедер. В рану на запястье долго втирает вонючую, зеленую мазь. Мне кажется, помимо мази, она пытается напитать меня целительной силой, потому что от пальцев вглубь тела растекается приятное тепло, успокаивающее, как нежная, тихая песня.

После ее ухода мгновенно засыпаю, вот только ненадолго, потому что во сне меня неотступно преследуют чьи-то острые зубы, отчаянные крики и звериный, утробный рык. Пробудившись, словно в продолжение сна слышу за дверью взволнованные женские голоса.

В замке узкие щели и толстые стены. Хорошая звукоизоляция не позволяет многое расслышать, однако слова «убийство» и «оборотень» я различаю отчетливо и не раз.

Сон как рукой снимает! Разомкнув веки, быстро осматриваюсь.

В крохотные оконца пробиваются первые робкие лучи. Обычно я радуюсь рассвету и люблю с утра пораньше понежиться в постели, но сегодняшней день тому исключение. Ведь, судя по звукам из коридора, новое утро наступило не для всех.

Слезаю с кровати. Хватаю разложенное на стуле коричневое платье и одним рывком натягиваю на себя. Пока, наспех расчесавшись, заплетаю волосы в косу, гадаю, кто был убит этой ночью.

Перебираю в уме знакомые имена. Каждое имя вспоминаю с тревогой. Мира, Тина, Даниша, Ринхар... При воспоминании о "муже" стараюсь погасить невольный всполох надежды. Никому нельзя желать смерти, даже больным на всю голову.

Торопливо ополаскиваю лицо чистой водой, что еще с вечера была заготовлена для меня местными феями. Во время умывания замечаю, что повязка на запястье свободно болтается, хотя целительница забинтовал вчера руку туго натуго. Снимаю бинт — все равно скоро сам слетит — и цепенею, разглядывая рану.

Кошмарный, багровый отек спал, обрел здоровый розовый оттенок, а края раны будто начали подсыхать. И сам бинт... На нем впервые не осталось следов крови!

Ловлю себя на мысли, что после вчерашней убийной поездки спина ни капли не болит, хотя должна бы.

Задираю платье повыше и осматриваю пострадавшие вчера бедра. Кое-где еще осталось воспаление, но в целом состояние кожи не идет ни в какое сравнение, с тем что было до прихода целительницы.

Счастливо выдыхаю.

Похоже, я теперь буду в вечном неоплатном долгу перед доброй женщиной!

Одернув платье, отодвигаю массивную, железную щеколду, выскакиваю за дверь и, распалив перед собой огонек поярче, спускаюсь по винтовой лестнице. Кажется, именно в том направлении несколько минут назад стекались женские голоса.

Миную два пролета и оказываюсь в просторной кухне. Я еще на лестнице гашу пламя, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, тем более, света из кухонных оконцев поступает достаточно, чтобы разглядеть обстановку.

Небрежно одетые мужчины и девушки, среди которых узнаю Миру и Тину, стоят

небольшими группками. У некоторых женщин на головах вороны гнезда, у мужчин криво застегнуты рубашки. Видимо, сегодня все собиралась наспех.

Судя по долетающим до меня обрывкам фраз, слуги оживленно обсуждают убийство.

Посреди этого хаоса глаза выхватывают Харальда. Он, как скала, возвышается непоколебимый среди бушующих эмоций. То слушает, то говорит.

При виде мужчины, такого спокойного и сосредоточенного, чувствую, как оседает волна тревоги. Его хладнокровие посреди всеобщей паники заставляет невольно устремиться к нему. Хоть узнаю из уст адекватного человека, что случилось!

Успеваю сделать всего пару шагов, как Харальд поворачивается ко мне, будто безошибочно почуяв меня в толпе. И, пока я приближаюсь, внимательно наблюдает за моим приближением своими удивительными, темными глазами. Жадно ощупывает взглядом каждую клеточку лица и тела, так что у меня ползут мурашки по телу.

— Доброе утро! — лепечу дежурное приветствие.

— Какое же оно доброе, — пищит справа девчушка в темно-синем платье, — если этим утром растерзали целительницу Эйрину? Это все из-за вас! Если бы не вы, она бы не оказалась ночью в замке и...

— Придержи свой язык, Таира! — резко обрывает ее Харальд, пока я, сцепив зубы, перевариваю ужасную новость. — Не охотница убила Эйрину. Мы все скорбим по ней, но это не повод срываться друг на друге.

Отдав какие-то распоряжения слугам, Харальд направляется к лестнице, но я не собираюсь его так просто отпускать.

Во-первых, потому что в этом замке только рядом с ним ощущаю себя в безопасности.

Во-вторых, Эйрина умерла от лап оборотня, а я, как ни крути, охотница на нечисть. Пусть пока не в идеальной форме, но черт возьми, в такой критической ситуации меня нельзя списывать со счетов!

— Подожди! Нам надо поговорить! — бросаюсь ему вдогонку. — Надо осмотреть следы. Мы должны придумать план охоты.

— Никакой охоты не будет. Ты еще не оправилась от предыдущей стычки. Твоя единственная задача — поправиться и окрепнуть.

Мужчина легко взбирается по лестнице, а я топаю следом. Уговариваю его передумать:

— Оборотень не остановится. Продолжит убивать. Нам надо...

— Нет, Ариана, — обрывает он меня, коротко оглянувшись. — Отныне никакого «нам». Ты замужем. Лишь твой муж имеет право отпускать тебя на охоту.

— Что?! Отпускать? — не выдержав новости, хватаю Харальда за рукав. — Скажи, что ты оговорился!

Тот, наконец, останавливается и неохотно поворачивается ко мне. Каменное, бесстрастное лицо не позволяет прочесть его мысли. Только взгляд, горящий, пронзительный, говорит о бушующей буре внутри. Мой собеседник пожимает широченным плечами.

— Таковы традиции. Я не вправе рисковать жизнью чужой...

В его глазах мелькает мука. Не смог договорить, что я чужая жена. Да не жена я Ринхару! Так, одно название, сам же говорил!

Вслух произношу другое:

— Я сама все улажу с Ринхаром. Когда он меня отпустит, мы сможем обсудить план последующих действий?

— Он тебя не отпустит.

— Отпустит, — талдычу упрямо.

Жаль, что Харальд не понимает: я не местная. Это здешние женщины сызмальства забитые. Привыкшие слушаться и подчиняться. А в мире, из которого я родом, все совсем по-другому!

Видно, Харальду надоело со мной спорить, потому что он машет рукой:

— Попробуй. Если Ринхар согласится, поговорим.

— Я вообще-то взяла на себя обязательства три года после обучения работать охотницей, — ворчливо напоминаю. — Так что у Ринхара нет права меня останавливать.

— После перехода опекунской печати у него есть на тебя все права. Таков закон.

Ошарашив меня ужасной новостью, Харальд разворачивается и продолжает взбираться по лестнице.

Ужасная новость для меня заключалась не в том, что у Ринхара на меня есть какие-то призрачные права, потому что я не признаю их и точка. А в том, что Харальд в это верит.

Неужели думает, что я, огненная охотница, позволю этому гаду мною командовать?

Ну уж нет!

Даже с идиотом при желании можно договориться.

Деловито подобрав подол, шагаю в покои Ринхара. Как он там говорил? Второй этаж, третья дверь налево.

Вот сейчас и расставим точки над и!

Мой воинственный настрой слегка сбивается, когда я оказываюсь перед искомой дверью. В полумраке коридора разжигаю огонек поярче и разглядываю тяжелые дубовые доски с изящно вырезанным орнаментом.

В замке все двери одинаковые, как однойцевые близнецы. Лучше бы вместо декоративного орнамента здесь развесили таблички! А то бродишь по коридорам, как по минному полю, и не знаешь, на кого нарвешься.

Говорят, здесь есть мужская половина, куда женщинам вход строго воспрещен. Надеюсь, я не заблудилась?

Негромко стучусь. Время раннее, вдруг «муж» еще спит? За свой не маленький опыт гастролей я крепко-накрепко усвоила простой постулат. Когда человек дремлет, будить его надо максимально бережно и аккуратно, чтобы не разозлить еще до начала разговора.

Постучав, жду с минуту. Никто не отвечает.

Молочу чуть сильнее.

Внезапно дверь открывается так быстро, что очередной удар приходится в пустоту, и я невольно ойкаю от неожиданности. В широком проеме виден Ринхар, очевидно, только что вставший с кровати и совершенно не готовый к приему гостей. Единственный элемент одежды на его теле — это светлые, свободные штаны. Они не скрывают темную полосу внизу живота, сползающую к паху.

Торс, слепленный из сплошных мышц, настолько совершенен, что я пару секунд не могу оторвать от него глаз. Затем взгляд поднимается на широкую, крепкую грудь, где прямо под ключицами висит желтоватый клык крупного животного. При каждом движении от Ринхара так и прет мужская энергия. Давит, душит и агрессивно, без спроса лезет сквозь поры под кожу, цепляясь за глупое, женское нутро. На короткий, постыдный миг начинаю понимать деревенских девушек, бегающих к нему на свидания, а потом рыдающих в подушку.

— Налюбовалась? — Ринхар лениво, по-кошачьи потягивается, словно поддразнивая игрой литых мускулов, и пошире открывает дверь. — Заходи!

В проеме виднеется включенная постель с балдахинном — ёшкин кот, он там спал или с кем-то сражался? — и разбросанные по полу вещи.

Быстро мотаю головой и для верности на шаг отступаю:

— У меня к тебе важный разговор.

— Известно ли тебе, дорогая Ана, что самые важные дела между мужем и женой решаются в спальне?

Слышу легкомысленный ответ и ощущаю себя мышкой, по глупости забежавшей в пасть к питону. О чем я думала?! Такого казанову надо было подловить для разговора на нейтральной территории. И желательно при куче свидетелей.

— Ринхар, сегодня ночью недалеко от замка была растерзана новая целительница Эйрина. Я хочу об этом поговорить, — начинаю решительно. — Мне не до шуток.

— А знаешь что... — он задумчиво чешет затылок. — Ты права. Здесь не подходящее место для такой важной беседы. Я приглашаю тебя... Хотя нет. Пусть место нашего первого свидания станет для тебя приятным сюрпризом, Ана!

— Я не хочу на свидание, — цежу сквозь зубы. — И уж тем более не хочу никуда ехать...

С трудом удерживаюсь, чтобы не добавить «с тобой». Злить человека, толком не начав с ним переговоров, — не лучший способ добиться желаемого.

— Я настаиваю, — улыбается мужчина. — Ну же! Позволь мне угодить жене. Тебе понравится.

В его искренней улыбке даже опытный физиогномист вряд ли разглядел бы подвох.

Хотя мне совершенно не хочется никуда с ним отправляться, но даже Харальд заявил, что мне потребуется согласие мужа, чтобы работать по своей профессии. Поневоле приходится признать факт, что теперь моя жизнь во многом зависит от этого наглого типа. Хочешь — не хочешь, надо идти на контакт.

Скрепя сердце киваю:

— Хорошо. Надеюсь, место, о котором ты говоришь, недалеко. Потому что разговор срочный.

— Срочный, — тянет Ринхар, широко оскалившись. — Ты так забавно хмуришься, Ана, когда говоришь «срочный», что хочется взять тебя в охапку и тормозить, пока не улыбнешься... О, нет, нет, я не собираюсь этого делать! Не смотри на меня так сурово!

— Я буду ждать тебя на улице у главного входа, — киваю и деловито направляюсь к лестнице.

Пока спускаюсь по ступенькам, пытаюсь понять, как можно быть настолько равнодушным к смерти целительницы, произошедшей считанные часы назад и совсем недалеко от замка.

Я надеялась, у Ринхара найдется хоть капля сострадания, и за эту каплю у меня получится зацепиться во время предстоящего разговора. Но если он не притворяется и на самом деле такой бессердечный, то как мне заставить его отпустить меня на охоту?

К своей удаче, на лестнице я сталкиваюсь с Мирой, удерживающей в руках высокую стопку чистого белья. Прошу ее передать хозяину, что я отлучусь ненадолго с младшим Вейзером для важного разговора.

Так, на всякий случай...

Девушка мелко кивает, хохлится, как воробушек, и испуганно округляет глаза:

— Ой, госпожа! Это, конечно, не мое дело! Но вы бы поостереглись с господином Ринхаром уединяться! Бешеный он, а вы красавица. Приставать начнет. Не отобьетесь.

— Ничего, Мира, — с улыбкой пытаюсь успокоить девушку. — Нас в академии учат боевой магии. Будет приставать — швырну в него водой — он мигом остынет. Но ты все-таки передай хозяину, как я просила, не забудь.

Служанка кивает и исчезает из виду в ближайшем пролете.

Примерно через четверть часа Ринхар выходит из замка, обряженный в темно-синий кафтан, богато расшитый золотом, из-под которого виднеется пышное жабо из белого шелка. Темные штаны повторяют форму прокачанных ног. Сапоги вычищены так тщательно, что аж блестят в лучах солнца.

Своим ярким одеянием мужчина ужасно напоминает павлина, распушившего хвост перед самкой.

Тот факт, что это для меня он так расстарался, вызывает смешанные чувства, от жалости до злой досады. Я едва удерживаюсь от нервных смешков.

Однако скоро к моим запутанным чувствам добавляется шок, потому что высокий, крепкий парень, то ли конюх, то ли его помощник, подводит к нам пару запряженных коняг.

Нет, я, конечно, ничего не имею против серенькой, в яблочках кобылки, на которой

вчера скакала весь день. Эта лошадка максимально спокойная и покладистая. Но снова сажать меня в седло, когда вчерашние болячки еще не прошли, кажется мне верхом садизма.

— Мои раны на бедрах не успели зажить, — говорю с досадой. — И не заживут никогда, если каждый день я буду их натирать до крови.

— Хорошо, Ана. Велю заложить лошадей, — выдавливает из себя чертов сердцеед после долгой паузы. — Видишь? Я иду тебе навстречу. Надеюсь, ты это оценишь по достоинству.

Мне приходится долго скучать в одиночестве у парадного входа, прежде чем туда подъезжает карета, запряженная гнедыми лошадьми. Когда я залезаю в экипаж, обитый изнутри бежевым шелком и обложенный бархатными подушками, Ринхар уже ждет меня внутри.

Судя по выражению лица, он не в настроении. То ли ему не нравится езда в карете, то ли наличие в нашей компании возницы, то ли разозлил сам факт очередного отказа — не знаю. Впрочем, дурное настроение не мешает Вейзеру тут же облапать меня взглядом — другого определения для такого бесстыжего осмотра просто не подберешь! Как назло, здешние наряды словно провоцируют мужчин на непристойное внимание, и даже для охотниц форменные платья шьют с глубоким вырезом, словно мы обязаны не только убить нечисть, но и соблазнить ее перед смертью.

Вейзер этим обстоятельством пользуется по полной, то и дело обводя взглядом участок открытой кожи под ключицами. Тогда я подбираю одну из бархатных подушек с сидения и плотно прижимаю к груди.

Чертов донжуан хмурится, но молчит, а я едва удерживаюсь от соблазна показать ему язык.

Наверно, нужно радоваться, что дальше взглядов дело не заходит, радоваться его немоте, тем более собеседник из моего спутника никудышный. Однако примерно через пол часа поездки у меня начинает гудеть голова, и нервы натягиваются до предела.

Интересно, если Ринхар слетит с катушек, и я позову на помощь возницу, крепкого, патлатого парня, тот захочет вмешаться?

Утыкаюсь в окошко, вглядываюсь в зеленые кроны деревьев. Пытаюсь абстрагироваться от липких, мужских взглядов. Рисую пальцем фигурки по стеклу, и таким вот нехитрым образом помогаю себе пережить неприятный опыт.

Наконец, скучноватый лесной пейзаж сменяется красочными видами небольшого городка. Двухэтажные каменные здания выстроились вдоль витиеватых улочек, где по вишневому кирпичу чинно вышагивают нарядные пары. Женщины в длинных платьях и украшениях идут под руку с богато одетыми мужчинами. При виде людей я облегченно выдыхаю — ведь мое вынужденное уединение с Вейзером с минуты на минуту закончится!

Вскоре экипаж останавливается возле небольшого, неприметного домика, с гладкими, темными стенами, и оконцами такими маленькими, что в них не залетит птица крупнее воробья.

Ринхар выходит из кареты и жестом приглашает проследовать за ним.

Еще до того, как переступаю через порог белого домика, моих нюхательных рецепторов касается неповторимый тонкий аромат из прошлой счастливой жизни.

О боги, здесь подают кофе?!

Недолгий восторг быстро вытесняет недоумение.

Откуда мой спутник мог знать, что мне нравится кофе?

Единственный, кому было об этом известно, — Харальд.

Получается, старший брат поделился своим знанием с младшим?

Передал ему инструкцию, как мною пользоваться? Подсказал кнопки воздействия?

Будто я стиральная машинка...

Черт бы его побрал!

В груди расплзается противная горечь, которая своими щупальцами дотягивается до горла и мешает сделать глубокий вдох.

К несчастью, на проживание эмоций времени не остается, потому что нам навстречу выскакивает сухонький, седой старичок в белом биште до пола, доброжелательно нас приветствует и проводит к свободному деревянному столику, установленному в глубине помещения.

Здесь просто, но довольно уютно. Белые, треснувшие от времени стены по периметру украшены яркими, этническими рисунками. Вся обстановка — из светлого дерева, только пол устлан темными досками. Почти, как нормальное кафе из мира, откуда я родом.

Я так любила ходить в кафе с подружками, секретничать с ними за чашкой кофе. Мы смеялись или грустили, но то были светлые моменты, в отличие от происходящего ныне.

подавив тяжелый вздох, усаживаюсь на скамью. Вейзер устраивается за тот же стол напротив меня. Пока он делает заказ у старичка, я рассматриваю ближайшую картину и с тоской вспоминаю замок. Там хотя бы можно уединиться в своей комнате и отдохнуть от навязчивой мужской компании.

Когда старик отходит выполнять заказ, мой спутник ловит мой взгляд и произносит тихо, вкрадчиво, почти нежно:

— Как прекрасно, что мы наконец познакомимся, Ана! Мужу и жене полагается знать самые интимные секреты друг друга, не так ли?

— Ты собираешься рассказывать мне свои интимные секреты? — удивляюсь, скептически приподняв брови.

Ёшки-матрешки, ну и поворот!

Не то чтобы я рвалась узнать о его фантазиях, но если его излишняя откровенность поможет мне добиться чуть больше свободы... Но поможет ли?

— Не я, дорогая, а ты, — поправляет он меня.

Когда удастся откашляться от этой новости, я тяну:

— А-а, ну раз я... Тогда совсем другое дело. Нет, действительно! Какие у меня могут быть секреты от собственного мужа! Если настаиваешь, могу даже поделиться самыми сокровенными желаниями.

Не ощутив моей иронии, — видно, нечасто она ему доставалась от девушек! — мой собеседник подбирается всем своим мощным телом, а пышное жабо вокруг шеи становится похожим на львиную гриву. Словно хищник, учуявший кровь, он даже дышать начинает по-другому.

— Разумеется. Я настаиваю.

— Ты правда хочешь услышать о моем сокровенном желании? — дрогнув ресницами, я накручиваю непокорный локон себе на палец.

Ужасно хочется с ним поиграть, потому что впервые себя ощущаю дрессировщицей у ног которой мурлыкает тигр. Соблазн велик, как никогда... но я себе запрещаю.

Эти игры, боюсь, пересекут границу, которую отчаянно стараюсь соблюсти.

Сглотнув, Вейзер кивает, и тогда я из себя будто с неохотой выдавливаю:

— Хорошо. Я расскажу. Больше всего на свете я мечтаю найти виновного в смерти целительницы Эйрины, — на этих словах лицо моего спутника сильно вытягивается. — Поэтому мне необходима свобода передвижения. Надеюсь, мы, как цивилизованные люди, обойдемся без магических стен, запретов, и ты любезно позволишь мне выполнить мою

работу.

— Ана, дорогая, — Ринхар буравит меня взглядом, едва заметно передергивая здоровенными плечами. — Ты неправильно поняла. Я говорил о другом. Меня абсолютно не интересует твоя охота.

— Я всего лишь скучная охотница на нечисть, — вздыхаю устало, сцепляя и расцепляя собственные пальцы. — С радостью разведусь с тобой, чтобы ты нашел себе жену поинтереснее.

На словах о разводе старичок очень некстати приносит нам чашки с кофе и темные шарики, ужасно напоминающие финики. Он медленно перекладывает посуду с подноса и с каким-то слишком очевидным интересом на меня поглядывает. Еще бы! Местные женщины вряд ли посмели бы просить у мужа развода.

— Ты бываешь утомительной, Ана, но скучной никогда! — белоснежно скалится Ринхар. — К тому же, в роду Вейзеров разводов не было и не будет.

— Послушай, в деревне объявился оборотень убийца. Я охотница, и должна его разыскать, — талдычу упрямо. — Если ты будешь меня держать в неволе, то продолжат гибнуть люди.

— Лучше пусть гибнут они, чем пострадает моя жена. Все, хватит, Ана. Я уже высказался на эту тему, — кривится он. — Мы здесь для того, чтобы познакомиться друг с другом, а не спорить.

— Хочешь со мной познакомиться? Так знакомься! Я охотница, огненный маг, свободный человек. Не нравится, как я думаю, найди себе другую! Смиренную и послушную!

— С послушными неинтересно. Хотел бы я посмотреть, — он мечтательно сцепляет пальцы под подбородком, — какой ты станешь, когда прекратишь бесполезные протесты и примешь неизбежное.

Наша беседа проходит чересчур эмоционально, поэтому хозяин заведения все чаще, все внимательнее на нас поглядывает. Чужая боль всегда вкуснее своей. Наверно, такие яркие спектакли он наблюдает не часто.

Приходится перейти на шепот:

— Дай мне делать мою работу! Это все, что я прошу.

— Для начала, — Ринхар лениво отпивает несколько глотков, — тебе стоит поблагодарить меня за то, что привел тебя в это место.

— Спасибо! — всплескиваю руками. — Можно мне теперь пойти на охоту?

— Хватит, — сердится мой собеседник и тычет в белую чашку, стоящую передо мной. — К твоему сведению, это на редкость дорогой напиток, привезенный из Саурии. Пей!

— Этот напиток нельзя пить в плохой компании. Так что сегодня я, пожалуй, воздержусь! — не выдержав давления, отодвигаю чашку.

Мужчина в ответ поджимает губы, отводит в сторону глаза и тяжело, часто дышит. Наконец, выдавливает из себя неестественным, пластмассовым голосом:

— Я ведь пытаюсь быть с тобой добрым. Не испытывай мое терпение, Ана. Оно и так грани.

Он... пытается?! Схватил меня за горло, накинул на шею веревку, сплетенную из навязчивого внимания, правил, ограничений, и душит...

— Ну так отпусти меня, и не придется ничего терпеть!

В темно-синих глазах сверкает холодная ярость:

— Видно, все-таки придется тебе преподать урок.

Он шепчет какие-то слова, — наверно, ругательства! — вскакивает со скамьи и быстрым шагом устремляется на выход.

Хотя цель переговоров не достигнута, меня переполняет невыразимое облегчение, когда его спина, обтянутая нарядным камзолом, скрывается в дверном проеме.

Слышу, как за окнами вскрикивает кучер и цокают лошадиные копыта, отъезжая.

Похоже, Вейзер отправился в замок без меня.

Вот и скатертью дорожка!

Не успеваю как следует порадоваться, как ко мне подходит старичок в белом. Вид у него теперь воинственный. Он сухо требует:

— Расплатитесь, госпожа. Прямо сейчас.

На этом моменте происходящее резко перестает меня устраивать. Денег нет. Заплатить за кофе я не могу. Добираться до замка не на чем, да и не отпустят меня походу.

Так жестко меня еще ни на одном свидании не подставляли!

Битый час пытаюсь втолковать старичку, что никаких монет у меня с собой нет, что заказ делал другой человек, а я лишь посидела рядом с заказчиком, даже напиток не пригубила.

Мои доводы на хозяина не действуют.

— Нет денег — плати по-другому! — темный, жадный взгляд спускается мне на грудь, а затем небрежным кивком он приглашает меня в ту часть помещения, что отделана от главного зала белой занавеской. Занавеска так плотно натянута, что с первого взгляда и не отличишь от стены.

Коротко выдыхаю.

Все, приехали.

От меня требуют расплатиться натурой за не выпитую чашку кофе, которую я даже не заказывала.

Предлагаю:

— Я заплачу вам монетами. Просто мне надо сходить за ними домой.

— Домой, конечно! — хмыкает старик, неприятно гримасничая. — Держишь за дурака! С юнцами твои приемчики прокатывали, а меня не обманешь! Пока не заплатишь, никуда не уйдешь.

— Вы можете меня сопровождать, чтобы я не убежала.

— Знаем мы таких шустрых! При первой возможности дашь деру!

— Послушайте, я не могу вам заплатить сейчас, но возможно вы знаете, как зовут знатного господина, с которым я здесь беседовала? У него очень много денег! Обратитесь к нему!

— Не знаю его и знать не желаю! Хватить болтать! Плати! — и снова кивок в сторону занавески.

Приходится с сожалением признать, что добропорядочным клиентом уйти отсюда не получится.

Быстренько сканирую помещение, чтобы как следует запомнить местонахождение мебели. Отмечаю несимметричное расположение светлых столов, зигзагообразный проход к единственной двери, табуретку, стоящую на пути. Закрываю глаза и мысленно заполняю окружающее пространство по памяти.

Все, кажется, запомнила.

Сразу после этого скороговоркой произношу заклинание, вызывающее дымовую завесу.

За долю секунды помещение заполняет плотный, пепельно-серый туман, и я беззвучно ныряю под стол. Дед, быстро смекнув, что к чему, обзывает меня ведьмой, ругается, пыхтит и размахивает руками в попытке меня поймать. Его движений, конечно, не вижу, зато слышу звон бьющейся посуды и шлепков по скамье.

Я тем временем бесшумно выползаю с другой стороны и, аккуратно лавируя между столами, бросаюсь к выходу.

Повезло, что не скрипят половицы, позволяя скользить по полу тише ужа.

Осторожно открываю входную дверь, переступаю за порог и... правой стороной тела впечатываюсь в невидимую стену!

От неожиданности вскрикиваю, и видно, тем самым выдаю, где я нахожусь. Через

несколько мгновений меня хватают за локоть старческие пальцы, неожиданно цепкие и сильные, как крюки.

Вот же дед попался настырный! Никак не угомонится!

Всего лишь один прием ближнего боя из тех, что сотню раз отрабатывала с Клеем, — и старик обездвиженный валится на пол, а я пячусь от него подальше. Я надавила на специальные точки, чтобы лишить сознания, но из-за тумана могла промазать. А значит, есть шанс, что противник уже очнулся, поднялся и вслушивается в тишину, подкрадываясь все ближе.

Через несколько минут дымовая завеса рассеивается, открывая неприглядную картинку. На темных досках, среди белых черепков лежит поверженный дед. Руки-ноги раскинуты, а под левым плечом у него растеклась влага, пропитавшая ярко-красным пятном белоснежный бишг.

При виде крови сердце ухает в пятки. Кидаюсь к старику, испуганная до чертиков. Что, если только здоровяку Клею мои броски были нипочем, а старик ударился затылком об пол и сразу помер?

К счастью, быстро нащупываю на запястье его пульс, медленный, но ровный, как маятник, и немного успокаиваюсь. Жив! Переворачиваю его на живот. Из левого трицепса торчит крупный осколок — вот откуда кровь.

И снова сердце ухает в пятки.

А вдруг артерия задета?

Да что же за невезение такое?!

Вытаскиваю осколок, и тут же успокаиваюсь. Кровь сочится слабо, значит вены-артерии целые.

С трудом отрываю широкую полосу от белого подола и наспех перевязываю куском ткани рану.

Теперь, когда пострадавший перевязан и ему не грозит смерть от кровопотери, я оглядываюсь.

В дальнем углу замечаю швабру, сметаю черепки в кучу, чтобы случайно не порезаться — у моих кожаных полусапожек подошва не толще картонки. Затем сажусь на сиденье и, облокотившись об стол, обхватываю голову руками. Пытаюсь продышаться, чтобы трезво обдумать ситуацию.

Однако успокоиться не получается.

Картинки, генерируемые моей богатой фантазией, одна другой хуже.

Я заперта в кофейне. Если сюда нагрянет случайный клиент, то заметит окровавленное тело и поднимет шум. Привести меня к судье не смогут — заклинание проклятого Ринхара не позволит. Так что в духе этого мира меня линчуют прямо здесь, на месте.

Даже если закрыть дверь или спрятать хозяина за занавеску и представиться новой служанкой, это будет кратковременным решением, потому что я не смогу бесконечно удерживать старика без сознания.

Долго ли я предаюсь своим невеселым размышлениям, понятия не имею. Но, в конце концов, реальность совершенно не оправдывает мои пессимистичные ожидания.

К кофейне с шумом подъезжает упряжка лошадей. Заслышав цокот по мостовой, с тревогой липну к окну.

Неужели очередной клиент?

При виде знакомых гнедых лошадок и золоченого вензеля на темной карете, у меня

отлегает от сердца.

Вейзеры.

Первым из экипажа выходит Харальд, сердитый, как черт. При виде него в груди рождаются двойкие чувства. Я все еще не простила, что он разболтал брату про мою любовь к кофе, но в то же время испытываю облегчение. Раз уж он здесь, меня теперь точно не линчуют местные граждане!

Вторым пассажиром оказывается Ринхар. Его угрюмое лицо и общая помятость совершенно не сочетается с нарядным одеянием.

Оба заходят в кофейню. При виде осколков, окровавленного старика, лежащего на полу, Харальд поджимает рот, охаживает брата коротким, злым взглядом, и тот мрачнеет еще больше.

Чтобы не тянуть резину, сама все рассказываю, всхлипывая и сморкаясь в носовой платок, который я себе сделала из кусочка белой занавески. Объясняю, как Ринхар меня бросил, не заплатив. Как ограничил передвижение периметром этого помещения. Как старик требовал от меня расплатиться натурой и мне пришлось немножко его покалечить.

После моего доклада Харальд буквально выплевывает в Ринхара:

— Ты задолжал жене извинения.

— Мужчина не извиняется перед женщиной, — муж кривит губы. — Это она должна извиниться, что осмелилась мне перечить...

— Глупый мальчишка! — чеканит Харальд. — Ты уступишь своей королеве, и она сделает для тебя то же самое. Это и есть отношения! Верно, Ариана? — лорд Вейзер обращается ко мне, втягивая меня в разговор, который час назад я считала завершенным.

На слова деверя я киваю.

В теории его слова верны.

Вот только теория отличается от моей реальности так же, как оборотень универсал от нормального волка.

— Я извинюсь, — Ринхар исподлобья бросает взгляд то на старшего брата, то на меня, забившуюся в угол старой кофейни. — Но лишь потому, что чту наши традиции. Ты мой Старший. И я обязан тебе подчиниться...

Он подходит ко мне, садится на ту же скамью и накрывает тяжелой ладонью мое заживающее запястье, от чего я с трудом сдерживаю стон.

— Прости меня, Ана! Прости, что был недостаточно строг с тобой ранее. Я избаловал тебя вседозволенностью, но теперь я это исправлю.

Хочу выдернуть ладонь, но у меня не получается. Такое чувство, будто ее придавил грузовик. Ринхар отстранённо наблюдает за моим трепыханием и, похоже, не собирается меня отпускать.

А я лучше умру, чем признаюсь, как мне больно, страшно или стану просить о чем-то у этого гада!

Неожиданно на помощь приходит Харальд. Сузив глаза, он предупреждает:

— Не смей.

В его тихом голосе, в простых словах звучит больше угрозы, чем в выстрелах AP-12, из которого однажды мне довелось пострелять в тире. Опасность от дракона ощущается столь остро, что я цепенею, буквально прирастаю к скамье, а по позвоночнику ползут мурашки, хотя оборотень обращается не ко мне.

— Влезешь в мою пару? Нарушишь закон? — шипит Ринхар.

То ли мне мерещится, то ли правда в его синих правда мелькает растерянность и даже обреченность, когда он с досадой бормочет: — Ты уже влез!

Неожиданно с моего запястья исчезает тяжелая, горячая ладонь. Ринхар поднимается с сиденья, открывая проход, и приказывает:

— Ступай в карету, Ана!

Ненавижу, когда со мной говорят в подобном тоне, но в данном случае это даже не приказ, а вслух озвученное мое собственное желание. Поэтому дважды просить меня не надо. Вскрываю со скамьи, потирая бедное, ноющее запястье, и бегу к выходу.

У порога замедляюсь, осторожно пробую рукой то место, где раньше была невидимая граница. Рука свободно рассекает пространство, и я аккуратно, не спеша дохожу до экипажа.

Устраиваюсь посреди бархатных подушек, а одну предусмотрительно прижимаю к груди. Пялиться больше на себя не позволю!

Вскоре ко мне присоединяются оба брата. Они садятся на противоположную скамью, и мы тотчас трогаемся.

Атмосфера в закрытом пространстве настолько густая и накаленная, что кажется, вот-вот заискрит, и взрывом нас разнесет на атомы. Как ни странно, присутствие Харальда, пусть даже злого до чертиков, меня немного успокаивает.

— Зря ты ему заплатил, — сердито бросает Ринхар через несколько минут трудной для всех тишины. — Он заслужил смерти, а не денег.

— По твоей вине! Вся эта ситуация — по твоей вине, — холодно парирует Харальд. — Хочешь кого-то наказать — наказывай себя.

— Если бы Ана была твоей женой, то растерзанный труп мерзавца уже валялся бы по всей кофейни! А раз она моя, то можно забыть нанесенное оскорбление...

— Я бы не оставил *свою* жену в чужом доме. Запертой с чужим мужчиной. Без денег и без защиты, — каждым словом, жестким, острым, как заточенный меч, старший Вейзер режет брата без ножа.

Они сидят рядом, на одной скамье, но чувство такое, будто между ними бездонная пропасть, наэлектризованная враждебностью!

— Не преувеличивай, — уже с гораздо меньшей уверенностью бормочет Ринхар. — Он слабый старик, а Ану беззащитной не назовешь. Она по-любому смогла бы за себя постоять.

Она же от него отбилась в два счета, сама говорила!

— Многие саурийцы владеют темной магией. Для каждого саурийского мужчины женщина — разменный товар. Ты и правда считаешь, что Ариана осталась бы нетронутой, если бы хозяин оказался темным магом?

На этих словах сердце пропускает удар и я забываю дышать. Думала, мне сегодня максимально не повезло, а оказалось, что могло быть значительно хуже.

С безмолвным упреком взираю на крупного мужчину с поникшими плечами, у которого от былой наглости не осталось и следа. Он опустил глаза и пристыженно молчит. Сжимает-разжимает огромные кулаки-кувалды. Не надо долго гадать, кого он мечтает придушить своими пальцами.

— Раны Арианы достаточно зажили, чтобы ты уехал, — вдруг произносит Харальд. — Сам видишь. Другого выхода нет. Когда будешь готовиться, бери самое необходимое. На сборы даю тебе время до рассвета.

Младший Вейзер молчит, только пару раз поднимает глаза и с мрачной ненавистью буравит брата. Наконец, говорит:

— Ана поедет со мной. Не думай, что сможешь так просто нас разлучить!

Хочется замотать головой и закричать во весь голос: «Хватит говорить обо мне в третьем лице, будто я вещь! Спроси меня, наконец, brutally чертов, чего я хочу!»

Всеми нервными окончаниями ощущаю, как зашкаливает напряжение. Каждый из мужчин будто тротилом набит под завязку. Если сдетонирую неверным словом, то будет взрыв.

Поэтому я молчу, доверяя инстинктам.

— Ариана не поедет в Межгорию, — тихо, почти ласково говорит Харальд. — И ты знаешь, по какой причине.

— Так и ты знаешь, — нагло хмыкает Младший, — что я в состоянии устранить эту причину. Дело двух секунд.

— Попробуй, — напряжения в голосе Харальда становится еще больше, — и ты не проживешь после этого дольше секунды.

Я не понимаю, о чем они говорят. Голова идет кругом от предположений.

Может, в этой Межгории есть курорт или лагерь, куда принимают только одиночек или семейные пары после консумации брака? Может, Ринхар эту причину хотел устранить? А Харальд видит, что я не готова, и поэтому угрожает?

Но разве мог муженек называть первую близость со мной делом двух секунд? Он ведь строит из себя донжуана, мачо, а тут «дело двух секунд»?!

И Харальд отнюдь не шутил, когда говорил, что через секунду убьет Ринхара, если тот осмелится на «дело двух секунд».

Сама себе мотаю головой.

Что-то не сходится в этих трех секундах.

Как бы то ни было, я готова выпрыгнуть из чертовой кареты и идти всю дорогу до замка пешком. И плевать на медведей гризли, и на оборотней универсалов! Лишь бы не ехать с этими двумя в замкнутом пространстве. Лишь бы перестали решать мою судьбу, моим мнением не интересуясь!

У меня все-таки не получается удержать еле слышный стон.

Будь моя воля, умчалась бы от этих Вейзеров на другой конец света и жила бы там до конца своих дней.

После сурового братского диалога оба собеседника молчат, лишь время от времени отстреливая друг друга глазами. Так что дальнейшую часть дороги мы проводим в молчании. Мужчины словно негласно договорились отложить выяснение отношений до возвращения в замок.

Пусть выясняют.

Главное, от меня подальше!

Выскочив из кареты, я взлетаю по ступенькам и на своем пролете замираю, а вот Харальд, судя по звучанию его шагов, отправляется в комнату Ринхара, чтобы закончить начатый разговор.

Не успеваю даже дойти до кровати, как раздается стук. Жалко, в этом мире не встраивают в дверь глазки, а спрашивать: «Кто там?» почему-то считается невежливым. Если это Ринхар, я бы не хотела его впускать, пока не разгадана тайна двух секунд...

— Госпожа! — вслед за очередным стуком слышится жизнерадостный голос Тины. — Открывайте скорей!

Голос девушки меня успокаивает, и я широко распахиваю дверь. Улыбчивая щебетунья приглашает меня поужинать в кухне. Говорит, блюд сегодня много, а моих предпочтений она не знает. Лучше мне самой подойти, чтобы выбрать на свое усмотрение.

Я ужасно голодна, но обещаю служанке спуститься чуть позже, когда немного отдохну. Про то, как именно собираюсь отдыхать, умалчиваю.

После ее ухода, вынимаю из вещмешка слухач, вставляю в ухо. Приземляюсь на шкуру и, как только настраиваю артефакт на комнату этажом ниже, мне в ухо бросается чуть ли сто децибел вибрирующим голосом Харальда:

— ...она могла погибнуть, Ринх. Все. Доигрался! Ты пересек точку невозврата.

— Вiniшь меня, что оставил ее с немощным стариком, а сам взял ее на встречу с универсалом! Она была на волосок от смерти. Ты тогда думал об Ане хоть чуть-чуть или вообще на нее было плевать?

От подобных слов внутри поднимается буря протеста. Эгоист чертов! Он хоть когда-нибудь берет ответственность за свои ошибки? Или только отмахивается от последствий и переводит стрелки?

— В тот раз я должен был защитить людей, за которых в ответе, — чеканит Харальд. — А ты решил отомстить за свое покоцанное эго, когда запер ее наедине с похотливым саурийцем!

— Говори, что хочешь, — бурчит Ринхар. — Я не оставлю свою пару! Если ей грозит что-то, то не от меня! Во время поездки я ощутил враждебные вибрации от другого...

— Ты забываешься, Младший.

— Думаешь, я не догадываюсь о твоих планах? Считаешь, ее можно у меня отобрать, что я позволю? — интонации набухают злостью также стремительно, как спорткар набирает скорость.

— Остановись, — в голове Харальда звенит сталь, но Остапа, похоже, понесло.

— Ты отобрал у меня замок, статус лорда. Даже людской почет забрал себе. А теперь хочешь отнять жену...

— Заткнись, олух, пока у тебя не отняли право выбора, — рычит старший Вейзер.

— ...Или Ана поедет со мной, и ты знаешь, что я для этого сделаю! Или я...

На слове «я» фраза вдруг прерывается, и наступает тишина. Хотя тишиной это рваное, хриплое дыхание нельзя не назвать при всем желании.

Мамочки, что там творится?!

Вот бы хоть одним глазком туда сунуться!

— Ты уезжаешь завтра. На рассвете, — выговаривает старший Вейзер, в то время, как

младший оглушительно молчит. — Прощаться не приду. Буду отслеживать твои успехи через Вальдемара. Завалишь хоть одно испытание за два года — Арианы тебе не видать. По большому счету ты ее не заслужил, дурень дубоголовый, но если добьешься успеха в Межгории, у тебя будет шанс попытаться с ней счастье. Дело за тобой.

Напрасно стараюсь подавить подступающее к горлу возмущение. Я думала, что уже приняла, пережила, и забыла, а все равно «щедрость» Харальда, когда он «уступает» меня брату, каждый раз будто ножом по сердцу полосует...

Хотя в данный момент меня злят оба Вейзера, из головы никак не выходит странность. Драки не было. Почему Ринхар замолчал на самом пике конфликта?

Будто ему рот залепили.

Слышится хлопок закрываемой двери. Затем удар, словно на пол шмякнулось что-то тяжелое. Усиленно вслушиваюсь в происходящее, но никаких звуков больше не раздается, будто человек упал замертво на пол и застыл.

Я уверена, что младший Вейзер жив, не стал бы Харальд убивать брата, и тем более разговаривать с трупом. Но почему тогда наглец молчит и не двигается? Может, старшему известно какое-то парализующее заклинание?

Чем больше думаю, тем сильнее в этом убеждаюсь.

Ринхар бы никогда не замолчал на полуслове. Не такой он человек, чтобы умолкнуть, когда внутри все кипит.

Я всегда была любознательной от природы, а сейчас меня аж в узел скручивает от желания разобраться! Ведь речь идет о моем муже! Если его можно парализовать или загипнотизировать каким-то заклинанием, то я просто обязана узнать подробности!

Конечно, вряд ли опекунская печать мне позволит сильно вредить мужу, но чем черт не шутит... Вдруг получится найти рычажок воздействия?

У меня опять бурлит в животе от голода, но вместо того, чтобы ринуться на кухню, я направляюсь в комнату этажом ниже. Скорее всего, Харальд не закрыл дверь, — не слышала, чтобы он поворачивал ключ — а значит, я смогу зайти внутрь и проверить, в каком состоянии находится муженек.

Если он вдруг не валяется на полу, а вполне себе жизнеспособен, то изображу дурочку. Скажу, что искала Тину и перепутала коридор.

Спускаюсь на один пролет. Не успеваю дойти на цыпочках до нужной комнаты, как за моей спиной раздается шорох и сразу же звучит голос сегодняшнего возницы:

— Госпожа Охотница!

— Да? — оборачиваюсь, вздрогнув всем телом.

Несмотря на полумрак, различаю высокого, крепкого парня. Темные, густые волосы закрывают верхнюю часть лица, так что глаза всегда спрятаны. И разит от него всегда одинаково — домашней скотиной и навозом. Как я не заметила его приближение, сопровождаемое таким ярким «ароматом», сама не понимаю.

А еще охотница!

Парень понижает голос и произносит:

— Лорд Вейзер велел передать, что желает встретиться с вами наедине.

— Ээ... А зачем посылать тебя? К чему такие сложности? — удивляюсь. — Мог бы и сам прийти.

— Лорд мне объяснил, госпожа, но я запомнил, вы уж не сердчайте! Он сказал, что разговор не для посторонних ушей. В этом замке даже у стен есть уши, — парень кивает на

женскую половину. — Служанки болтливы и любят подглядывать. Ситуация непростая, — кивок теперь уже на дверь Ринхра, — поэтому Лорд Вейзер просил прийти в особенное место, где никто вам не будет мешать.

Я удивлена, но с другой стороны, уже давно жду возможности поговорить с Харальдом откровенно. Он мне задолжал честный разговор, а вопросов у меня к нему тьма тьмуца!

Когда он обратился? Кто его цапнул? Как у него получилось противостоять заклинанию в той схватке с оборотнем универсалом? Сможет ли он меня тренировать? О каких трех секундах речь шла в карете? Куда он так упорно пытается отправить брата?

А самое главное, я попрошу разрешения сходить по порталу в академию, чтобы забрать там свое оружие. Невооруженная, после смерти Эйрины я ощущаю себя голой.

Вдруг понимаю, что с таким количеством вопросов наша беседа вряд ли получится короткой, а желудок снова стискивает голодный спазм. Для начала надо бы сбегать на кухню, поесть.

— Передай ему, что я с удовольствием поговорю с ним, когда поем, — и со смущенной улыбкой признаюсь: — А то у меня со вчерашнего дня во рту не было ни крошки!

— Простите, госпожа, но разговор срочный, — смущенно почесывая затылок, добавляет парень. — Лорд Вейзер намекнул что-то про ваш развод. Только не серчайте, госпожа! Я просто запомнил вам сразу сказать...

Развод? Но как же?

Он ведь совсем другое сейчас брату говорил...

— Ладно, ради такого дела можно и поголодать! — вздыхаю, с тоской вспоминая о бесподобной местной сдобе. — Веди меня к нему!

Мой провожатый ведет меня окольными путями. Я даже не догадывалась, что в замке Вейзеров так много щербатых лестниц, закрученных спиралью по часовой стрелке, и длинных, темных коридоров, где каждый шаг отдается гулким эхом.

Воздух пропитан затхлостью, а обветшалые стены вместо гобеленов и картин украшает густая сеть паутины.

Мрачная обстановка заставляет меня распалить перед собой пламя поярче. С огоньком, весело танцующем в пространстве, гораздо уютнее шагается по каменным плитам.

Неожиданно конюх поворачивается ко мне лицом, продолжая двигаться спиной вперед. От резкого вращения густые, темные волосы слетают с глаз, открывая жадный интерес, с которым он разглядывает огненные всполохи.

Только сейчас замечаю, как он красив. Если привести его в порядок, подстричь, помыть, приодеть, то отбоя от невест не будет!

— Люблю огонь, — выдыхает он. — В детстве мы с матушкой часто сидели возле камина. Вели беседы о жизни и смерти. То были хорошие времена.

— Тебе не страшно было думать о смерти, будучи ребенком?

— Смерть — естественный ход вещей. Чего ее бояться? Обращаешься в прах и ничего не чувствуешь. Жить страшнее. Каждый день — агония.

— У тебя что-то болит? — с волнением спрашиваю. — Что же ты раньше молчал? Не известно, когда теперь смогут найти новую целительницу взамен убитой Эйрины.

— Целители лечат только плоть. На что они мне сдались?

— И действительно, — тяну задумчиво.

Что можно сказать на запутанные откровения совершенно незнакомому человеку? Время врачует душевные раны? А врачует ли? Может, душа привыкает жить с болью, просто отодвигает ее подальше, на самый на краешек сознания?

Сама себе пожимаю плечами.

Вообще-то странный он конюх.

На этом месте разговора делаю себе зарубку на будущее.

Когда у меня появятся дети, надо будет поделикатнее поднимать тему смерти, если вдруг придется. А то неизвестно, как ребенок ее воспримет своим неокрепшим сознанием.

— Нам долго идти?

Парень, даже не оборачиваясь, бормочет:

— Дорога в подвал неблизкая.

— Лорд Вейзер велел привести меня в подвал? — удивляюсь настолько, что притормаживаю, и конюх замедляется вслед за мной.

— В подвале портал. Хозяин сказал, что будет ждать вас по другую сторону портала. Велел вас привести, а сам пошел в подвал.

Точно. Ринхар наверняка успел установить мне новое ограничение на передвижение. А через портал можно будет удрать куда угодно. Только вот почему мы идем в подвал?

— Разве портал не в хозяйской спальне?

— Их два, — бурчит конюх.

— Но я слышала только об одном.

— О втором хозяин никому не говорит. Только мне.

— Почему такая секретность? Тот портал какой-то особенный?

— Особенный.

Да уж. Человек контрастов.

То болтает на личные темы, когда его об этом никто не просит, то отвечает на заданные вопросы односложно, на отвяжись. Наверно, потому он и конюх, а не личный слуга. Не силен бедолага в общении с людьми.

Наконец обойдя всевозможные закутки и преодолев сотни ступенек, мы оказываемся у тяжелой, дубовой двери, запертой на внушительных размеров замок. Это место намного ниже поверхности земли, и воздух здесь гораздо прохладнее, хотя и наполнен не самыми приятными ароматами.

Парень снимает с пряжки штанов тяжелую связку с ключами, и долго колдует над замком. Мне снова становится крайне неудобно. Ежусь, потирая озябшие плечи, и нервно озираюсь по сторонам.

Тут много угольно-черных закоулков, куда не дотягивается свет пламени. Все мерещится, что по коже скользит чей-то враждебный взгляд. Даже дуновение сквозняка по голым щиколоткам будоражит нервы.

В душе снова зреет протест. К чему такая сложная конспирация? Харальд и сам мог бы за мной прийти! Думает, раз лорд, то он мега важный?!

Когда конюху удастся подчинить себе замок, тот надрывно щелкает и выпускает наружу ржавую дужку.

— Все, — коротко констатирует парень, толкая в темноту дубовую дверь, — пойдете, госпожа.

Он первым переступает порог и сразу растворяется в темноте. Я шагаю следом, сделав пламя поярче, и настороженно разглядываю обстановку.

Вдоль стен густо выставлен хлам: подгнившие ящики, дырявые бочки, длинные доски, сети, похожие на рыбачьи, однако посреди этого хаоса выделяется открытое пространство. словно чьи-то руки заботливо расчистили пяточок, по размеру идеально подходящий для портала.

И все же место жутковато.

И чувство близкой опасности не отпускает. Свернулось клубком ядовитых змей в груди и будто дожидается подходящей секунды для броска.

Если бы меня позвал сюда Ринхар, я бы не удивилась. Младшему Вейзеру нравится меня пугать, а вот от Старшего такого не ожидала. Не в его это стиле.

Потоптавшись немного у порога, я, наконец, определяюсь.

— Ты прости, я забыла представиться, — говорю конюху. — Меня зовут Ариана, а тебя?

— Фирш я, — бурчит исподлобья. — А что?

— Так вот, Фирш, — улыбаюсь извиняюще. — Я голоднее, чем думала. Лучше все-таки мы с лордом Вейзером поговорим, когда я поем. Отведи меня, пожалуйста, на кухню!

Вместо ответа парень опускает голову, закрывает глаза и что-то бормочет.

Ну вот.

Получите-распишитесь!

Неадекватный дубль два! Будто мне одного Ринхара не хватало!

Пячусь потихоньку в сторону двери, но тут раздается знакомый гул, и темное пространство над свободным пяточком расплзается в овальный проем, открывая взгляду прелестный лесной пейзаж, насквозь пропитанный солнцем и небесной лазурью.

Листвы на деревьях мало, травка пожухла, щебетания птиц почти не слышно, но там моя свобода!

Шагну в портал — и можно будет идти, куда глаза глядят не натываясь больше на невидимые, опекунские стены.

Искушение так велико, что каждая клеточка тела томится желанием нырнуть в портал.

И все-таки совершенно необъяснимое чувство тревоги меня от этого удерживает. Что-то не сходится...

— Благодарю, Фирш, не сейчас.

— Хорошо, — кивает парень и делает шаг в сторону дыры. — Вы меня простите, госпожа! Прямо сейчас я не смогу отвести вас на кухню. Подождите чуток. Я только передам хозяину, что вы не желаете обсуждать с ним свой развод, и бегом назад, к вам.

— Вообще-то я желаю обсуждать развод, — поправляю его встревоженно, — но чуть попозже.

— Простите, госпожа, если что не так объяснил. Я к таким поручениям не привыкший. Хозяин сказал, что будет ждать вас на той стороне портала с четверть часа. Он велел привести вас срочно, потому как второго шанса не будет. Да, да, так он сказал, — парень морщит лоб, будто всюю напрягая память. — Второго шанса не будет. Вы не волнуйтесь, я быстро сгоняю! Одна нога здесь, другая там!

Стискаваю свой бедный, бурчащий живот, который никак не допросится у нерадивой хозяйки еды, и наконец, решаюсь:

— Ладно, пойдем вместе. Спрошу у него, что за срочность, и потом пойдем на кухню!

Фирш ныряет в портал первым и сразу исчезает из вида. Наверно, побежал докладывать лорду, что поручение выполнил. Небось жалуется, ка тяжело ему было меня уговорить.

Перешагиваю портал, жмурюсь в ярких лучах, вдыхаю полной грудью аромат нагретой земли и травы. Обернувшись, порталной дыры уже не вижу.

И только тогда в голове наступает кристальная ясность.

«Хозяин велел вас привести, а сам пошел в подвал...» — так сказал мой провожатый.

Но почему тогда на двери в подвал висел замок?

Кто запер за Харальдом дверь, если кроме Фирша, о портале никому не известно?

В крови выделяется огромная доза адреналина, а мышцы автоматически спружинивают в боевую стойку.

С тревогой озираюсь по сторонам. Лес здесь сухой, будто полено, целый месяц пролежавшее на солнцепеке. Листья мелкие, редкие, как и трава. Однако крохотная полянка, на которой находится портал, окружена густым переплетением кустов и деревьев, так что условия для прятков имеются.

Фирш мастерски скрывается где-то поблизости, заставляя меня гадать, к чему такие сложности? Зачем заманивать меня в лес под предлогом встречи с Харальдом?

Конечно, если он задумал втихаря меня грохнуть, то здесь убивать удобнее, чем в замке. Никто не увидит. Никто не отзовется на мои крики, хоть голос сорви! Но зачем ему моя смерть?

К тому же, существует гораздо большая вероятность, что это я его покалечу, а не наоборот. Даже если допустить, что работа в конюшне не для слабаков, все равно простой конюх не может оказаться сильнее боевого мага!

Наверно, Фирш неадекватен. Не зря я почувствовала: с ним что-то не ладно...

Пока лихорадочно обдумываю ситуацию, верчусь вокруг своей оси. Впитываю в себя малейшие оттенки звуков, запахов, колебания форм. Пытаюсь ощутить вектор угрозы, старательно высматривая следы, которые должен был оставить тяжелый, высокий парень. Но земля такая сухая, что по ней ничего не прочитается.

Наверно, я могла бы спокойно уйти в замок, если бы знала заклинание обратного портала. Вот только кто мне его расскажет? Хочется выть от злости на себя саму. Опять наступила на те же грабли. В очередной раз шагнула в портал, не зная обратной дороги.

Погруженная в свои мысли, не сразу замечаю постепенно нарастающий гул и вибрацию под ногами. За спиной раздается шорох и, резко обернувшись, вижу Ринхара, перешагивающего портал подвала. Он движется странно. Покачивается и нелепо размахивает руками, чтобы сохранить равновесие.

В первый миг я, радостно взвизгнув, кидаюсь к нему, чтобы нырнуть в проход, пока портал не закрылся. Но уже в следующую секунду замираю и пчусь от него подальше.

Ведь Фирш и Ринхар могут работать в паре. Один меня заманил, а другой планирует дело двух секунд!

Портал тем временем затягивается, отрезая путь к отступлению, и я корю себя за нерешительность.

— Где он? — рычит Вейзер, свирепо вращая мутными глазами.

— Не знаю, — бормочу растерянно, отступая еще на шаг. — Самой интересно.

— Д-даже не скрываешь? — язык муженька слегка заплетается.

Он действительно напился?!

— Что мне скрывать, не понимаю?

— М-моя жена в открытую бежит к другому! Я слышал в-все, что сказал тебе Фирш, подлая т-тварь!

— Что ты несешь?! — всплескиваю руками. — К кому другому?!

Ушам своим не верю. Младший Вейзер ревнует и смеет меня оскорблять?! Мало того, что вспыльчив, как спичка, так еще зависим от спиртного? Столько «сюрпризов» от мужа за последние пару суток, что скоро при виде него у меня будет дергаться глаз! И тем не менее изо всех сил пытаюсь сохранять спокойствие в этом скопище безумия:

— Меня обманом заманил сюда ваш дурацкий конюх. Сначала нанимаете всяких неадекватов, а я потом виновата! Я, между прочим, есть хочу, — сокрушаюсь совсем не в тему, потому что проклятый желудок громко бурчит. — Со вчерашнего вечера ничего не ела! А тут Фирш пристал. Пойдем да пойдем...

— И т-ты пошла, — кривится мой собеседник, снова покачнувшись. — Как только тебе сказали волшебное слово «развод».

— А как ты хотел? Ты напал на меня, напугал, против воли привязал к себе, и решил, что после этого я навеки захочу остаться с тобой?

— Таков твой долг. Ты моя жена, п-поняла? А ведешь себя, как... Я все с-слышал!

Тут меня молнией пронзает леденящая мысль.

— Но ты не мог слышать наш с Фиршем разговор. Дверь в твою комнату была закрыта, а мы говорили тихо... Значит, ты все врешь. Значит, ты с Фиршем заодно, вы вместе все придумали...

По телу, несмотря на жару, бегут мурашки. Хотя Ринхар пьян, чувствую, с ним будет не просто справиться... И огня, как назло, не боится!

Внезапно за моей спиной раздается громкий хохот.

Резко повернувшись, вижу Фирша, стоящего в кустах.

— Вот чудеса! Она ничего о тебе не знает, так ведь? Наивная, как котенок.

Пока тот болтает, кувырком с перекатом ухожу на другой край полянки, чтобы оказаться подальше от обоих противников.

Конюх словно сбросил маску неуклюжего деревенского простофили и выглядит теперь другим человеком. Развернул плечи, распрямился, от чего кажется еще огромнее. С лица наконец убрал темные волосы, открыв черные брови вразлет, высокий лоб и умные глаза. Ноги — колонны и кулак размером с крупное помело. Говорит уверенно, грамотно формулирует мысли. Крепкий, гад. И хитрый.

Единственная радость — эти двое ни капли не напоминают союзников.

Ринхар при виде парня хмурится, в его взгляде сквозит явное непонимание, а Фирш смотрит на Вейзера пренебрежительно, будто свысока. Цедит сквозь зубы:

— Чего удивляешься? Моя мать была умной женщиной. Она научила меня планировать, наблюдать, ждать своего часа. И я дождался.

— Орин! — пучит глаза Ринхар, покачнувшись. — Т-ты унаследовал ее кровь! Ты оборотень! Но зачем ты об этом рассказываешь, ид-диот?!

Несмотря на жару, меня прошибает холодный пот. Еще один оборотень универсал, черт его подери! Почему я понятия не имела о том, что он сын Орин?!

— Пришло время. Сначала разделаюсь с охотницей, потом с тобой, — равнодушно бросает Фирш.

— При чем тут я? — округлив глаза, возмущается муженек, и меня снова пронзает к нему острое чувство неприязни. Ведь тот факт, что убить собираются меня, его, похоже, не напрягает.

— Думаешь, я такой тупой, что не смог разобрать следов на теле матери? Ее растерзали зубы оборотня, а не меч охотницы.

Наконец, до меня доходит. Видимо, Фирш осознал, что в смерти матери виноват Харальд, и хочет ему отомстить, убив кровного брата. Но почему он хочет убить меня?

Словно ощутив мое замешательство, Фирш поворачивается ко мне и продолжает:

— Ты тоже замешана в смерти матери. Я это чую вот здесь, — мерзавец стучит двумя

пальцами по солнечному сплетению. — Моя мать была слишком умной, чтобы попасться в ловушку такой, как ты. Как она умерла?

— Не знаю. Забыла.

Я вдруг понимаю, что этот гад не убил меня сразу только потому, что желал узнать подробности о смерти матери. Чем дольше буду молчать, тем больше шансов выжить. Но он, с легкостью считав мой мысли, тут же на них отвечает:

— Не знать подробностей ее смерти — это не критично, — Фирш пожимает плечами. — Главное — отомстить.

— Допустим, нам ты хочешь отомстить за смерть матери. Но что тебе сделала Эйрина? — спрашиваю. — За что ты ее убил? Она ведь не трогала Орин!

— Моя мать много лет была лучшей целительницей. Она спасла десятки жизней, но все ее добро было забыто по щелчку. Я стал «сыном проклятой Орин», а Эйрина — светом в ночи. Эйрина заслужила смерть одним своим появлением.

После этих слов он вдруг бычится, подбородок прижимает к шее, дышит чаще, изо рта доносится хрип, и тело начинает меняться. С ужасом наблюдаю, как трещат его кости, а кожа покрывается чешуей.

Бросаю взгляд на мужа — тот не в себе. Отупевшим взглядом таращится перед собой. На этого идиота рассчитывать не приходится. Даже напиток — и то вовремя не сумел!

— Ринхар! — кричу мужу, становясь между ним и драконом. — Ты успеешь выскочить в портал, пока я его удерживаю здесь. Живей беги в замок и зови на помощь Харальда!

— Харальд... П-проклятый Харальд... — бурчит он. — Всюду он! В башке. В твоих словах. Я и сам... М-могу!

— Зови на помощь Харальда! — ору во весь голос, а сама прикидываю, как удержать универсала, когда у меня нет с собой оружия.

Остается только водяные вихри создать и лавировать между ними в надежде, что не я, а дракон в них попадется! О том, что он может обратиться в волка или барса, которому уступаю в реакции и скорости, стараюсь не думать...

Быстро принимаюсь читать заклинание, но закончить его не дает ужасный шум за спиной. Обернувшись на миг, цепенею от удивления. Всего несколько секунд назад на том клочке земли стоял Ринхар, а сейчас там дракон! Шипастый и огромный...

Первая мысль — когда успел Ринхар позвать Харальда, и почему чешуя цвета металлик теперь отликает бронзой? Драконы линяют?

Вторая мысль — почему оборотень ведет себя странно? Ящер переминается на лапах, крыльями водит несимметрично. Мордой дергает бестолково то вправо, то влево. Зверь крупный, солидный, а ведет себя, будто пьяный.

«Так это же Ринхар, а не Харальд!» — озаряет мозг ровно в ту секунду, когда в меня летит мощный поток огня уже обращенного Фирша.

«Мой муж оборотень!»

Приходится отложить эту шокирующую новость на потом, а пока фокусируюсь на происходящем. Ласковое пламя с силой врезается в меня, будто старый друг после долгой разлуки, и с разбегу заключает в жаркие объятия.

Ух, хорошо как!

Стою, раскрыв руки в приглашающем жесте, и наслаждаюсь стихией.

Быстро очнувшись, даю себе леща. Мне-то огненный душ нипочем, а вот если схватится лес, то будет не потушить. Быстро гашу голодные всполохи, что уже вгрызаются с аппетитом в сухую древесину.

Фирш ревет от злости, завидев, как тухнет мощная струя пламени, не успевая долететь до цели. Уверена, его трубный вопль слышен за много километров. Сообразив, что огнем меня не проймешь, зверь несется ко мне самолично. Мне всегда казалось, ящеры — неуклюжие создания, и к такой скорости я была не готова!

Пасть с острым частоколом зубов щелкает от меня в полуметре, лишь в последний миг успеваю увернуться. Рывком ускользаю от удара когтистой лапы, ныряю под шипастыми крыльями, затем перепрыгиваю тяжелый хвост, и больше ни на секунду не останавливаюсь. Все мое сознание, до последнего нейрона, фокусируется на том, чтобы просчитать траекторию движений дракона и уйти от контакта.

Совсем скоро ощущаю себя блохой, загнанной под ноготь.

Успеваю увернуться и на второй, и на третий раз, чувствуя, что отчаянно проигрываю в скорости, а вот на пятый или шестой мне не везет — зубы дракона вспарывают кожу и мышцы на моем плече. В последнюю долю секунду вырываю руку, не давая раздробить себе кости.

Место укуса жжет, будто кислотой туда плеснули, и я, не в силах удержать крик боли и отчаяния, ныряю в кусты. Сучки не способны удержать зубастую глыбу, но, к счастью, мой громкий вопль провоцирует Ринхара на действия.

Он вдруг воинственной, хромающей горой несется на Фирша, грозно, хотя не симметрично расправив огромные крылья. Их встреча напоминает шесть баллов по Рихтеру.

А я тем временем пытаюсь устоять на дрожащей земле и перевести дух. Даже не знаю, чего мне хочется больше: то ли стонать и ахать от боли, то ли орать во весь голос от злости на мужа. Где он был до сих пор, защитник хренов?!

Такой большой и сильный, а толку от него ноль!

Или он специально ждал, пока меня укусят?!

Кажется, я все же отвлеклась на свои переживания, потому что упустила самый важный момент.

Когда слышится рев, и хрип громче обычного, всматриваюсь в сплетенные тела громадных ящеров... Один из драконов вцепился в глотку другому. В первый миг даже не понимаю, что это в Ринхара сейчас вгрызаются страшные зубы!

Вейзер, конечно, монстр, но из двух зол всегда надо спасать меньшее!

Быстро сфокусировавшись, читаю заклинание, чтобы вызвать водяные смерчи. Они возникают мгновенно и из крошечных завихрений за несколько секунд вырастают до слоновьих размеров, а затем принимаются носиться по полю, пока не врезаются в двух драконов, подкидывая их в воздух!

Что происходит дальше, уже не понимаю.

Драконов терзает стихия или они терзают друг друга...

За спиной слышится шум. Обернувшись, вижу крупного дракона цвета металлик, что со страшным ревом кидается в самую гущу смерча.

— Харальд! — выдыхаю я. — Наконец-то!

Не представляю, сколько длится их схватка, когда до меня, наконец, доходит, что пора бы убрать устроенный мной хаос. Он сейчас больше мешает, чем помогает. С трудом шевелю ртом, когда читаю заклинание, отменяющее смерчи.

Плечо перестало жечь, зато теперь вокруг укушенного места по руке распознается ледящий холод и немота. Стучу зубами, как в лихорадке, однако мысль, звенящая громким набатом в мозгу, громче всех прочих ощущений.

Меня укусил оборотень.

Есть все шансы, что я обращусь в ближайшее полнолуние.

Однако посреди тягучего, вязкого отчаяния теплится крохотный огонек надежды, что я не обращусь. Что, как незнакомый кузнец, я получила иммунитет через царапину.

Как больно.

И страшно.

Усевшись на земле, с трудом отрываю одной рукой от подола ленту. Перевязываю покрепче плечо, шипя и охая от боли. Ткань тут же намокает. Отрываю следующий кусок, и упрямо наматываю поверх старого.

С трудом фокусирую взгляд, слежу за динамикой схватки. Впрочем, происходящее вряд ли тянет на громкое слово «схватка». Это, скорее, торжество стальных Вейзерских клыков над глоткой поверженного Фирша.

Так и надо подлой зверюге!

Бронзовый ящер лежит чуть в стороне от сцепившейся парочки неподвижно, грудь его тяжело вздымается. Ринхару досталось по полной. Он даже обратиться не торопится.

Хотя нет, процесс пошел...

Лежащий на боку дракон вдруг начинает уменьшаться в размерах. И вскоре

превращается в нормального, правда, голого человека. Вот только у этого человека растерзано горло, обнаженное тело в крови, и он, похоже, не дышит.

«Или умер, или умирает», — проносится в голове.

Голый факт оседает в голове без всякой эмоциональной окраски.

Не получается жалеть эгоиста, от которого ничего, кроме подлости и агрессии, я не видела. Но уже в следующий миг в меня яростно вгрызается совесть за то, что мне не жаль умирающего.

Ведь он брат. Любимый брат, несмотря ни на что.

Надо прийти к нему на помощь. Попробовать остановить кровь, если еще возможно.

Однако несмотря на благие мысли, пошевелиться не получается. То ли адреналиновая вспышка завершилась неодолимой слабостью, то ли желание избавиться от опекунского ошейника заставляет корнями врасти в землю. Как бы то ни было, продолжаю сидеть на одном месте, будто приклеенная, и безучастно наблюдаю за происходящим из-под полуприкрытых век.

Два дракона вскоре разъединяются из чешуйчатого клубка. Старший Вейзер отступает от Фирша, лишь когда тот начинает посмертное обращение в человека.

Сын, желавший отомстить за мать, утонул в собственной крови. История неудавшейся мести.

Где та жалость, о которой когда-то говорил Харальд?

Нет ее.

Моя душа, как иссохшая пустыня, а тело и того хуже. Во рту — наждачная бумага. Руки, ноги продолжают неметь, отказываясь подчиняться, все больше этим пугая.

Казалось бы, всего лишь укус дракона...

Ну цапнул немножко.

Почему я взлетаю?

Куда лечу?

Хотя неважно, куда.

Ощущение полета приносит некоторое облегчение.

«Где мы разыщем тебе целителя, Ари?» — звучит совсем рядом.

Охота спросить, зачем мне целитель, но язык не слушается.

Пытаюсь хотя бы мотнуть головой в знак протеста, но вместо этого проваливаюсь в безмолвную темноту.

Пробуждаюсь в приятном полумраке.

Неяркий свет, исходящий от двух окошек, деликатно озаряет комнату, очертания которой мне смутно знакомы. И бордовый балдахин, привязанный лентами к вертикальным стойкам, я тоже где-то видела. Вот только где?

Через пару секунд до меня доходит: я в комнате Харальда!

Рывком усаживаюсь на кровати и оторопело верчу головой.

Рядом, справа от меня, лежит хозяин комнаты, полураздетый!

Рельефный торс обнажен, руки закинута под голову, открывая литые мускулы, крепкую грудь, бычью шею. Спасибо, что в штанах, конечно, но как мы оказались в одной кровати? Роюсь в закутках памяти, однако ничего похожего на любовную прелюдию припомнить не могу.

Сюр какой-то!

Похоже, листая книгу своей жизни, я заснула и перевернула случайно не на ту страницу.

— Тебе получше? — заботливо интересуется мой сосед по кровати, не открывая глаз. —

Пить хочешь?

После недолгих раздумий киваю, забыв, что он меня не видит. Однако мужчина потягивается с ленивой грацией, будто услышал мой жест, и легко соскакивает с кровати. Через несколько секунд приносит стакан воды с соседнего столика.

— Держи!

Я выхватываю стакан и с жадностью выпиваю прохладную, сладковатую жидкость до дна, не обращая внимания на пристальный взгляд. Становится чуть легче. Вытираю стекающие по подбородку капли и возвращаю стакан.

Во время простых движений правая рука отдает болью, и, хотя за последний год боль стала моей постоянной спутницей, настолько острое ощущение для меня в новинку. Удивленно рассматриваю белую перевязь бинтов, густым коконом покрывающую плечо.

Только тогда в голове выстраивается цепочка последних событий.

Фирш. Портал-ловушка. Нападение дракона, смерть Ринхара и...

В образ окровавленного мужского тела сознание вцепляется намертво. От волнения даже дыхание перехватывает.

Правда ли он умер? Мне же не показалось?

— Где твой брат? — изо рта вырывается хрип вперемешку с кашлем.

— Когда будешь готова, отведу тебя на его могилу. Попрощаешься, — обещает Харальд.

Он непринужденно сидит полулежа, прислонившись к спинке кровати. Согнул широко расставленные ноги в коленях и упирается на них руками. Тщетно пытаюсь уловить в его голосе скорбь или хотя бы легкий оттенок грусти. Либо нет их, либо эти чувства зарыты так глубоко, что даже не нащупать.

Я же прятать свои чувства не собираюсь:

— А если я не захочу с ним прощаться? Если он не заслужил от меня прощальных слов?

— Глупенькая, — усмехается мужчина. — Это не ему надо, а тебе.

— Зачем? — недоверчиво шурюсь.

— Выскажешь ему за все хорошее. А потом отпустишь.

— Я бы лучше ему врезала, — в моем голосе столько звенящей ярости, что сама себе удивляюсь. — Слова тут не помогут.

— Мне помогли, — оборотень пожимает здоровенными плечами.

Его совершенное тело порядком отвлекает меня от разговора. А он, будто пользуется своей красотой. Каждым движением, четким и уверенным, по-мужскому притягательным, словно меня поддразнивает.

Я перевидала немало мускулистых красавцев, что в цирке, что в магической академии, но ни один не вызывал желаний к себе прикоснуться. Обрисовать подушечками пальцев контуры мышц. Легкими, невесомыми касаниями, будто перышком, пройти по рельефу широких плеч, шеи, подбородка. Окольными путями добраться до обветренных губ...

Нет, так мы не договаривались!

— Почему мы в твоей кровати? — перехожу в наступление.

— Можем пойти в твою. Просто эта шире, — улыбается он, а в темных глазах зажигаются лукавые огоньки.

Но мне не до шуток.

— Хорошо, — едва держу себя в руках. — Раз уж ты настаиваешь, спрошу по-другому. Почему мы в *одной* кровати?

— Потому что в ночь полнолуния, красавица моя, — улыбка становится еще шире, — я не отойду от тебя ни на шаг. Чтобы в момент своего первого обращения ты не наделала глупостей.

С ненавистью буравлю взглядом бинты, под которыми прячется укус оборотня. Мотаю головой, с силой сжимая кулаки. Бормочу:

— Я не хочу... Я не буду оборотнем.

— Ты укушена. От твоих желаний больше ничего не зависит.

За небрежное пожатие плеч, за слова, жестокие, хоть и правдивые, так и хочется его пристукнуть! Умом понимаю, что не он спроектировал цепочку вчерашних событий, но мое возмущение и злость ищут выхода, а Ринхар с Фиршем мертвы, так что...

Мужчина как ни в чем ни бывало, указывает на поднос, заставленный аппетитно пахнущими горшочками.

— Тебе не помешает подкрепиться. На сытый желудок ты легче перенесешь первый голод в ипостаси зверя.

В ипостаси зверя...

Слова сказаны с такой уверенностью, что воображение тут же рисует, как мою кожу покрывает камнеподобная чешуя, и кости трещат, вытягиваясь в размерах. Лицо разъезжается в зубастую морду с широко расставленными ноздрями, а в глазах появляется вытянутый, как у рептилии, зрачок.

И все это благодаря проклятому укусу проклятого возницы!

В груди вдруг вздымается волна столь дикого возмущения и досады, что принимаюсь остервенело сдирать с себя белые бинты. Хочу увидеть рану, из-за которой, возможно, закончилась прежняя жизнь.

Харальд с тревогой вскидывает руку и открывает было рот, желая меня остановить, но, споткнувшись об мой яростный взгляд, отступает.

От неаккуратных движений боль усиливается в разы, но я продолжаю быстро стаскивать бинты, пока не добираюсь до кожи.

Мне казалось, я увижу у себя конечность Франкенштейна, потому что хорошо запомнила рваную рану, которую оставил Фирш. Когда же взгляд утыкается в аккуратные черные стежки, стянувшие некогда порванные мышцы, я замираю в изумлении.

Края раны хорошо срослись, воспаления нет, крови тоже. Аккуратный, темно-розовый шрам с легкой припухлостью неровным кольцом опоясывает плечо. Выглядит гораздо лучше, чем я думала.

Даже странно. Будто месяцы прошли после ранения.

— Сколько я пролежала без сознания? — уточняю, задумчиво поглаживая темно-розовые рубцы.

— Три дня.

— За три дня все зажило? — поднимаю на него удивленный взгляд — он же не шутит? — Новую целительницу надо озолотить! Она просто мастер своего дела!

— У нас нет новой целительницы, — обрывает мои восторги Харальд, — и не известно, когда появится. Целители боятся к нам идти.

— Почему?

— Да так... Ходят разные слухи, — мужчина горько усмехается. — Мол, людей в Дэнвишаре убивают оборотни, а целители долго не живут.

— Но ведь Орин и Фирш убиты. Оборотней не осталось. Теперь здесь безопасно.

— Как ты это докажешь? Должны пройти месяцы, чтобы люди убедились в безопасности.

— Ладно... — бормочу растерянно. — Тогда кто меня зашивал?

— Я.

С сомнением осматриваю свое плечо.

Допустим, если руки растут из правильного места и если не падаешь в обморок при виде крови, то можно аккуратно зашить плоть. Но тот факт, что рана зажила слишком быстро, не объяснишь способностями к хирургии.

Сощурившись, с подозрением поглядываю на мужчину:

— Ты уверен, что не целитель?

— На оборотнях все заживает быстрее, — хмурится дракон. — Привыкай.

— Я не оборотень... Но ты все равно расскажи, чего еще можно ждать?

— Для начала поешь, Ари! Первое обращение на пустой желудок тебе не понравится.

Хотя я только что очнулась, у меня действительно отменный аппетит, и запах тушеного на травах мяса буквально сводит с ума. Надеюсь, это не первые симптомы предстоящего обращения?

У меня никогда не было такого зверского аппетита! Даже в академии, где энергия бурным потоком утекала на тренировках, и то есть так не хотелось!

Устраиваю на коленях поднос и принимаюсь за еду. Приходится буквально заставлять себя пережевывать пищу, чтобы не заглатывать куски целиком.

Ловлю на себе взгляд Харальда. Тот насмешливо и в то же время по-доброму улыбается, глядя, как я набиваю себе рот.

— Ой, прости! — спохватившись, протягиваю дракону горшочек. — Ты, наверно, голодный!

— Я уже наелся под завязку, спасибо! — он улыбается по-мальчишески задорно и многозначительно стучит себя по плоском прессу, тем самым вызывая легкую зависть.

Везет же некоторым! Обьедаются без последствий для фигуры. Я бы тоже так не прочь! То есть... не ценой превращения в монстра, конечно!

Обращусь я сегодня или нет — этот вопрос подводит меня к краю пропасти и медленно подталкивает вниз. Кажется, неопределенность хуже самого ужасного расклада.

Кем я завтра проснусь?

Оборотнем или человеком?

Поразмыслив немного, прошу:

— Раз уж пошла такая тема, расскажи, как прошел твой первый оборот.

Харальд тяжело вздыхает и отводит взгляд. На лице появляется отрешенное выражение.

— Паршиво. Рядом не оказалось старших, кто мог бы меня направить. Мать умерла за много лет до моего первого оборота.

— Твоя мать была оборотнем? — уточняю. — Ты оборотень по рождению, как и Ринхар... был?

Короткий кивок в ответ.

— Мать готовила меня к обращению заранее. Велела, как только мне стукнет восемнадцать, каждое полнолуние проводить в специальном подвале со стенами из жаростойкой стали, — он морщится от воспоминаний, будто от зубной боли. — Что я и делал, будучи почтительным сыном. В ночь перед полнолунием перетаскивал в стальную клетку матрас, набитый соломой, запирался изнутри на замок и оставался внутри до утра.

— Откуда ты узнавал, что уже утро?

Он пожимает плечами:

— По внутренним часам. Помню, прошло семь месяцев, и уже думалось, что обращения не будет, но на восьмую ночевку все изменилось.

— Ты обратился? — подсказываю с надеждой ускорить его рассказ.

— Да.

Односложный ответ — и снова молчание. Похоже, те воспоминания — не из любимых.

— И как оно было?

Снова его красивое лицо искажает неприязненная гримаса.

— Казалось, я схожу с ума. Запахи усилились во сто крат. Вспарывали мозг острыми лезвиями. Звуки деревенских гуляний проходили сквозь толщу расстояния и стали и

врезались в уши. А главное, стены. Они душили. Мешали дышать. Из клетки в зверином обличии выхода не было, так что я пытался проделать путь наружу огнем и когтями. Хорошо, что каждое полнолуние отец организовывал в деревне праздники и отпускал слуг из замка погулять. Они не застали моих попыток выбраться.

— Значит, твой отец был в курсе, что его жена драконша...

— Да. С самого начала.

— Я тут подумала... — указываю на окружающие нас стены. — Здесь нет стали. Если я начну дичать в твоей комнате, как ты меня удержишь?

— Силой мысли, — Харальд с улыбкой прикасается к правому виску, и я в тон его шутке лукаво киваю:

— Ну да, да, сила мысли и все такое... Я тоже верю, что мысль материальна, но... Если серьезно? Может, меня надо связать?

Глаза Харальда и без того темные, но сейчас темнеют на тон ниже бури...

— Я удержу тебя лучше веревок.

На сытый желудок жизнь действительно становится светлее. С легким сожалением отодвигаю в сторону пустые горшочки, и только сейчас замечаю на себе чужое платье.

Оно легкое, приятно льнет к телу, и цвет такой девчачий — темно-розовый. Приталенное и расклешенное книзу, сверху оно держится на очень широких бретельках. Думаю, этот фасон, а главное оттенок отлично подходят моим волосам и цвету кожи. С наслаждением поглаживаю материал, как вдруг меня запоздало посещает неприятная мысль:

— Кто, говоришь, меня переодевал?

Дракон обнажает белоснежные зубы в неожиданной улыбке:

— Не переживай, в тот момент я думал только о том, как удержать жизнь в твоём разодранном тельце.

Серьезно?!

Харальд видел меня голой!

Чувствую, как щеки пылают огнем.

Нахал! Наглец!

Сил едва хватает, чтобы выдержать его взгляд, а не зарыться лицом в ладони и тихо сгорать от стыда...

Или от другого, более острого чувства?

Рассердившись на себя, набрасываюсь на дракона:

— Так ты в целях оказания первой помощи передел меня в красивое платье? В нём я бы точно не умерла?

— Надо было осмотреть тебя и омыть раны. Я не умею мыть одетых людей. Знал бы, что будешь так волноваться, нацепил бы на тебя обратно твоё тряпье или оставил голой...

Его взгляд ощутимо тяжелеет, запнувшись об эту мысль, поэтому я побыстрее перевожу тему:

— Почему ты не попросил девушек за мной ухаживать? Тину или Миру?

— Они могли понять по ране, что ты укушена оборотнем. Тогда тебе пришлось бы умереть в ночь первого оборота.

М-да. Невольно ежусь от услышанного. Такой исход событий меня бы точно не устроил.

— Значит, никто не знает, что меня укусил Фирш?

— Нет. Слуги думают, что Фирш тебя оцарапал, Ринхар бросился тебе помогать и был убит. Ты успела перед своей отключкой убить Фирша, а я нашел два трупа и тебя раненую. Запомни эту версию, Ари. Придется врать в унисон! Нужно обсудить детали, так что ночь нам предстоит долгая. Может, коф-фе?

— Ага, флэт уайт и, пожалуйста, без сахара, — ехидничаю в ответ.

Харальд не понимает значения слов, зато без труда считывает язвительный тон. В его глазах мелькает досада:

— Что не так, Ари?

— Зачем ты рассказал Ринхару про то, что я люблю кофе? Это был только наш разговор, наша маленькая тайна, — на глаза вдруг наворачиваются слезы. — А ты взял и разболтал о моей слабости, чтобы брату было легче мной манипулировать!

— Я не отдал бы ему ни капли наших отношений! Ни за что! — произносит Харальд с таким серьезным, искренним видом, что невозможно ему не поверить. — Разве не ты

просила Ринхара свозить тебя в ту кофейню?

— Нет! — вырывается из меня с горечью. — После разговора с тобой я попросила Ринхара отпустить меня на охоту, а он потащил меня на разговор. Даже не предупредил, куда.

Харальд качает головой и недовольно цокает языком:

— Ринх... Вот хитрец! Наверно, подкрался к нам с подветренной стороны на пикнике и подслушал разговор. Потом решил это использовать.

— Я так и не выпила с ним кофе, — обиженно бурчу. — С Ринхаром его пить не хотелось.

— А со мной выпьешь? — спрашивает Харальд, вдруг затаив дыхание, и в глазах его кроется гораздо более глубокий смысл, чем кажется на первый взгляд.

Неуверенно пожимаю плечами, терблю складки нового платья и отвечаю вопросом на вопрос:

— Расскажи, откуда у тебя взялось это платье?

— Заказал у местной швеи после твоего первого визита, — опять небрежное пожатие плеч, будто это ничего не значащий пустяк. — В твоей комнате целый шкаф нарядов, пошитых на твой размер. Надеюсь, тебе нравится?

— Спасибо, оно чудесное, — с облегчением отзываюсь. — Но почему ты заказал мне новую одежду? Так сильно старая раздражала?

— Хотел, чтобы ты чувствовала себя здесь, как дома.

Всего несколько простых слов, а сразу щемит в груди. Приходится себя ущипнуть, чтобы не разреветься от наплыва эмоций. Затем, перебирая подол платья, официально капитулирую:

— Я не откажусь выпить с тобой кофе. Спасибо!

Хозяин замка тут же дергает за витой шнур над кроватью, — секунду назад мне казалось, что это бесполезное украшение! — и буквально через пару минут в дверь раздается стук.

После разрешения хозяина комнаты сюда тут же врывается знакомая девчушка. Радостное оживление на хорошеньком личике сменяется кислой миной, как только ее взгляд натывается на меня, сидящую в позе лотоса в кровати ее любимого лорда.

Девчушка опускает глаза, поджимает губки, склоняет голову в деланном смирении и произносит:

— Я к вашим услугам, лорд Вейзер!

— Отнеси на кухню поднос с грязной посудой, Таира. Попроси Глорию приготовить нам саурийский напиток. Пусть сделает все, как я люблю. Потом принеси сюда набор на двоих и оставь поднос за дверью.

— Да, господин, — опустив взгляд, девочка кивает и, напоследок мазнув по мне неприязненным взглядом, отправляется на кухню.

— Она меня на дух не переносит, — печально констатирую, а Харальд задумчиво кивает:

— Ревнует.

Эти слова меня задевают, потому что сказаны нейтральным тоном. Мне бы больше хотелось услышать: «У нас с ней ничего не может быть» или «Слишком маленькая для меня» или хотя бы «Не мой вариант!» А тут гадай и мучайся!

Приходится зацепиться за эту тему.

— Она ревнует, потому что любит.

— Брось, Ари! — с упреком тянет оборотень. — Ей только кажется, что она любит.

— Откуда ты знаешь, что ей кажется? Может, она правда тебя любит!

— Она меня даже *не видела*. О какой любви тут можно говорить! — мужчину аж передергивает. — Так, девичьи фантазии.

— Как будто девичьи фантазии не способны привести к любви!

На мои слова он фыркает, даже не считая нужным отвечать, и меня вдруг разъедает изнутри желание утереть этому всезнайке нос, доказать, его неправоту.

— Раз ты такой знаток женских сердец, расскажи мне, что я к тебе чувствую!

Мысленно потираю ручки.

Пускай, пускай поломает голову! Я ведь сама еще не разобралась в своих чувствах.

Вроде бы Вейзер мне нравится, вроде давно он вышел из дружеской зоны, — да и вряд ли там ступала его мощная нога! — но сомнительная щедрость, с которой он уступил меня брату, наложила осадок на мое к нему отношение. Заставила сомневаться...

У Харальда загораются глаза, он с энтузиазмом хлопает в ладоши и потирает виски, будто разогреваясь для сеанса телепатии. Прищурившись, замирает, словно вслушивается в свои ощущения. Затем мотает головой и хлопает по шелковой простыне прямо перед собой:

— Садись ближе. Мне надо заглянуть в глаза и прислушаться к стуку твоего сердца.

Пододвигаюсь к мужчине чуть ближе, усаживаюсь в позе лотоса в метре и уточняю:

— Так хорошо?

Он снова щурится, долго всматривается в мое лицо, морщится, и мотает головой:

— Ближе.

Ах так?!

Хочешь поиграть?!

Да пожалуйста!

Подсаживаюсь к нему вплотную, как вдруг у меня сбивается дыхание. Еще несколько сантиметров — и упрусь коленями в мускулистые икры. Воздух мигом уплотняется, пропитывается остро-сладкими флюидами.

Мне казалось, я смогу дразнить его своей недоступностью, а теперь неизвестно кто кого будет дразнить. Стараюсь выровнять дыхание, отсчитываю «раз, два, три — выдох», но когда опять встречаюсь с его темными глазами, то все цифры вылетают из головы и дыхание снова рвется.

Оборотень всматривается в мое лицо, ниже шеи по-честному не смотрит, однако таких голодных взглядов не получишь от друга. Меня будто током прошибает с головы до пят, так что самоконтроль мигом выходит из строя и, бесполезный, на цыпочках скользит к двери, тихо нашептывая: «Ну вы тут сами как-нибудь, без меня!»

Наверно, стоит попробовать выбраться из этого состояния, отвернувшись или скатившись с кровати или себя ущипнув... Но вместо этого сижу неподвижно и все глубже утопаю в бездонных, темных глазах.

Мужчина произносит:

— Ты обычно смелая до безрассудства. Только в отношениях все по-другому. Много вопросов в твоей головке, — Харальд вдруг легонько касается правой скулы, — которые задать не решаешься даже себе, потому что боишься ответов.

Пожимаю плечами с деланным безразличием, хотя в реальности пытаюсь справиться с нахлынувшими эмоциями. Спрашиваю:

— Что-нибудь добавишь?

— Ты все время напряжена и готова к удару, будто мы на поле боя. Будто мы не команда, а противники, — он в задумчивости мотает головой. — Не пойму никак, откуда столько страха и недоверия в таком сильном, отважном сердечке?

Мне бы возразить, но каждое слово бьет в точку, и нам обоим это известно. Да, боюсь. Да, молчу. Да, держу в себе чувства и готовлюсь к удару.

Слишком глубоко засел в душе пример мамы. Она единственный раз доверилась мужчине, а потом предательство отца разрушило ее жизнь. Перемолото из сильной, целеустремленной женщины в сломленную тень от прежней себя.

И все же притяжение к Вейзеру такое мощное и обжигающе острое, что плавит инстинкт самосохранения подчистую, и я лепечу:

— Ладно, верю. Ты умеешь читать женские сердца. Но у нас проблема.

— Какая? — кажется, он снова затаил дыхание.

— Я твое сердце так прочитать не сумею. Мне надо, чтобы ты вслух сказал, что чувствуешь.

Он кивает. Молчит с минуту, открывает было рот, и... в дверь раздается громкий стук, а за ней звучит истеричный голос Таиры:

— Хозяин, хозяин! Беда! Беда!

Харальд с рычанием вскакивает с кровати, несется к выходу и рывком раскрывает дверь:

— Что?!

Таира, несчастная и заплаканная, держит перед собой, как знамя, поднятый вверх указательный палец. Красный. Произносит жалобно, с выражением:

— Вот!

— Что «вот»? — гремит Харальд, готовый взорваться в любую секунду.

— Вот, обожгла палец, — всхлипывает девочка. — Теперь болит.

Чувствуется, что мужчина находится на грани. Дышит, как паровоз и свирепо молчит.

Кажется, его терпение не распространяется на выходки ревнивого подростка.

Я соскальзываю с кровати и подбегаю к девочке, аккуратненько оттесняя собой Вейзера.

— Бедная! Ты кипятком ошпарилась? — уточняю, осматривая покрасневшую кожу.

— Да, — она обиженно бурчит, поглядывая то на меня, то на лорда исподлобья.

— Тебе надо срочно опустить палец в холодную воду и как можно дольше держать его в холоде. Главное, ничем потом не мажь. Поняла?

— Поняла, — снова ворчит.

— Тогда бегом искать холодную воду! — указываю ей на лестницу, ведущую на кухню.

— А вы почему знаете? — недоверчиво спрашивает, переминаясь на месте. — Вы охотница, а не целительница.

Чуть наклонившись, чтобы опуститься на уровень ее глаз, говорю тихо, словно секретом делюсь:

— В детстве я была неловкой и, случалось, проливала кипяток на руки. Моя мама научила меня, что делать таких ситуациях. Ну же, бегом, — тормошу ее за плечо и повторяю: — И держи палец подольше в холодном, чтобы он потом волдырями не покрылся!

Таира, наконец, срывается с места и, то и дело оглядываясь, несетя к лестнице. Когда ее шаги затихают вдали, Харальд закрывает массивную дверь и со вздохом произносит:

— Спасибо, Ари. Ты будешь отличной мамой для наших детей. И прекрасной женой. Самой любимой в мире.

Слова прозвучали настолько уместно и естественно, что даже спорить не хочется или переводить все в шутку.

Вот он, ответ на мой вопрос, прозвучавший с легкой заминкой.

Вот его ко мне отношение.

Сквозь небольшие оконца проходят лучи заходящего солнца, окрашивая алым отсветом кожу мужчины. Его литые мышцы, скованные напряжением, и тяжелое дыхание тянут мысли в крамольное русло.

Он оборотень, дракон — тот, кем люди пугают детей, но в то же время такой родной и по-человечески понятный, что любая дистанция с ним кажется нелепой. Стоит совсем рядом, поедает меня голодным взглядом, и на миг я будто вижу себя его глазами.

Такая хрупкая, уязвимая здесь, в его спальне, желанная до стиснутых кулаков и безумной свистопляски в груди, но согласна ли я рискнуть?

Готова ли к его любви?

На секунду замираю, прислушиваясь к себе.

Внутри нарастает желание его близости, такое мощное, нестерпимое, что отмахнуться не получается. Как снежный ком, летящий с горы, оно набирает силу, вынуждает сделать шагок навстречу. Робкий, несмелый. Но в ту же секунду оказываюсь сжатой в охапку, а его губы, обветренные, твердые, льнут к моим, заставляя всхлипнуть от полноты чувств.

В сердце разгорается ярким пламенем желание быть частью его жизни и судьбами сплестись в одну.

Вейзер, будто подслушав, тут же шепчет мне в губы:

— Моя! Теперь только моя!

Когда мы, устав и насытившись друг другом, нежимся в прохладном шелке кровати, Харальд не отпускает меня от себя, снова и снова прижимая к горячей груди. Его близость так приятна, что хочется мурлыкать и ластиться, как кошке, налакавшейся сметаны.

И все же не могу избавиться от странного ощущения. Будто я попала в чужую жизнь и проживаю ее теперь взаимы, вместо хозяина. Счастьем не получается надышаться полной грудью, я словно вдыхаю его по чуть-чуть, украдкой.

Большую часть последнего года надо мной домокловым мечом нависал дядя с проклятым опекунством. Всего несколько дней назад я была привязана к Ринхару, всерьез помотавшим мне нервы, а сейчас...

Я свободна.

И при этом из точки свободы шагаю к Харальду, потому что его выбирает мое сердце.

За разговорами и не только ночь скользит сквозь время тонким лезвием, вскрывая пласты терзавших меня загадок.

Оказалось, школа в Межгории, куда до последнего отказывался ехать Ринхар, управляется старейшим оборотнем Вальдемаром.

Никто не знает, сколько ему лет. Говорят, он успел повоевать в войне, что проходила три сотни лет назад. Этот мужчина, военный до мозга костей, сумел не только подчинить своего зверя, но и помог это сделать десяткам других.

Теперь выпускники Межгории способны неделями жить среди обычных людей, ничем себя не выдавая. Лишь первый оборот происходит у всех одинаково — в ночь полнолуния, а в дальнейшем зверь сидит в клетке, спаянной из железной воли хозяина, и смиренно ждет позволения высунуть нос наружу.

Эта новость вдохновляет, высвечивая предстоящий мне путь.

Научусь самоконтролю.

Я сильная, я смогу!

А потом буду жить в обществе и приносить людям пользу, отлавливая одичалых.

О своем решении я сразу сообщаю Харальду, как только облачаюсь на кровати в новое, порядком примятое платье.

— Не отпускаю, — эти слова Харальд бросает небрежно, но жесткий тон на корню пресекает вероятную попытку переговоров. — Ты мне нужна самому. Здесь в замке.

— Ну... Я вообще-то не спрашиваю, — несколько смущенно поясняю очевидное, — а ставлю перед фактом.

— Так и я, — улыбка на лице мужчины становится еще шире, а ладонь на талии тяжелее, — ставлю тебя перед фактом.

— Это даже не смешно, — вскидываюсь. — Ты думаешь, проведенная совместно ночь дает тебе право мной распоряжаться?

— Девочка моя, — от снисходительных интонаций в голосе Харальда меня слегка потряхивает, — в академии полно высших магов. Станешь крутиться вокруг них — тебя раскусят в два счета, будь ты хоть трижды выпускницей Межгории!

— Так ты поэтому крутился в академии? — утыкаю кулачок в его грудь. — Чтобы тебя раскусили?

— Я вел дела со Стархадом. И он не был высшим...

Неизвестно, чем бы обернулся наш первый спор, вот только сквозь стекла начинают пробиваться первые лучи света, озаряя хмурые морщинки на лбу дракона.

Как? Уже рассвет?

Выскользнув из загребущих мужских рук, подбегаю к оконцу.

— Ночь моего первого полнолуния прошла, так?

— Так, — Хар уже стоит за спиной, снова обнимает за талию, и вместе со мной озадаченно таращится на светлеющий кусочек неба.

— И за эту ночь я не обернулась!

— Не обернулась, — растерянным эхом отзывается он.

Вот тогда пересказываю историю про кузнеца, поцарапанного, а потом укушенного оборотнем. Заговори я об этом раньше, Вейзер бы наверняка посмеялся надо мной и назвал историю выдумкой старой женщины, но сейчас, после проведенной вместе ночи, факт, как говорится, налицо. Оборота не случилось.

Игриво подытоживаю:

— Можешь меня теперь кусать, сколько влезет. У меня иммунитет к твоему яду.

— У тебя... что? — морщится дракон, и я машу рукой, мол, забудь!

Сама лихорадочно обдумываю ситуацию. Если оборота не произошло, я остаюсь той самой никудышной охотницей, что до сих пор не убила ни одного перевертыша.

Раз нахалюву сильной и быстрой стать не получилось, придется самой, своими ручками всего добиваться. Пыхтеть на полигоне, тренироваться, оттачивать навыки боя... Вот только как быть с практикой, если без тренировок с оборотнями я никогда не осилю одичалых в реальном бою?

Внезапно предстоящий путь, ненадолго затуманенный, вновь становится предельно ясным.

У меня ведь есть оборотень, причем совершенно ручной, с которым можно тренироваться!

Разворачиваюсь в крепком кольце мужских рук и с нежной улыбкой курлычу:

— Милый, у меня для тебя новость.

— Да? — выдавливает из себя дракон.

По напряженному лицу понимаю: ничего хорошего от меня, ласковой и курлыкающей, он не ждет.

— Я нашла себе нового партнера.

— Партнер у тебя отныне только один, девочка моя! — хмыкает Харальд с видом довольного собственника.

— Вот именно! — я аж просияла, в восторге от хода беседы. — Ты мой новый партнер по тренировочным боям.

До мужчины не сразу доходит моя мысль. А когда начинает понимать, он злится. Ощущение такое, что рядом со мной проснулся вулкан, из которого вот-вот то ли клубы пепла повалят, то ли хлынет лава, булькая и брызгаясь во все стороны.

— Ты никогда больше не будешь охотницей, Ари, — чеканит он строго, почти по слогам. — Я замучился смотреть, как ты умираешь. Все. Отвоевалась. Ты будешь хозяйкой этих земель, моей женой и матерью наших детей. Забот тебе хватит, обещаю. А если не хватит, только намекни, я устрою! — его ладонь еще крепче вжимает меня в мощные бедра.

Возражать, будучи зажатой в капкане его горячих, тяжелых рук, непросто. Даже мыслить самостоятельно нелегко, но чувствую, если прогнусь сейчас, то обратного хода не

будет.

Я шиплю:

— А если в твоих землях опять заведутся одичалые? Будешь смотреть из своей комнаты, как пожирают твоих людей одного за другим?

— Нечестно бить ниже пояса! — цедит сквозь зубы дракон.

— Решать за других, как им жить, тоже нечестно... — на этой фразе тон свой на порядок смягчаю. — Помнишь кожаную книжечку про оборотней, которую ты нашел у ректора в шкафу? Я положила ее в карман, когда мы были на пикнике. Она случайно не выпала из моего кармана в твои руки, пока ты переносил меня в академию?

Отрезает:

— Ты не получишь книгу. И совместных тренировок тоже.

— Не хочешь помогать — не надо, — демонстративно снимаю с талии его горячие ладони и отстраняюсь. — Только имей в виду: без твоей помощи у меня будет меньше шансов выжить!

— Я не дам тебе угробить себя, — обещает Харальд, и этот его самоуверенный тон и улыбка а-ля «ты под моей защитой» обрывает всякое желание с ним договариваться.

Пожимаю плечами:

— Если не поможешь, я поеду в Межгорию к Вальдемару и попрошусь на тренировки. Он вроде не против борьбы с одичалыми.

— Вальдемар тренирует только оборотней, девочка моя. Ты, конечно, укушена, но без второй ипостаси на оборотня не потянешь.

В этот момент совсем некстати вспоминаю про дело двух секунд, о котором говорил младший Вейзер. Ринхар, видно, был не прочь меня укусить, чтобы превратить в себе подобную. Лишь бы вместе со мной укатить к Вальдемару на обучение. Вот такая у него была ко мне «любовь»...

Удержать с собой рядом любой ценой.

Только платить эту цену пришлось бы мне, не ему.

Интересно, все драконы такие собственники или исключительно Вейзеры? В любом случае, пора делать ноги, пока удавка не затянулась на моей шее.

Наверно, мои мысли каким-то образом отражаются на лице, потому что Харальд шагает ко мне и предупреждает:

— Даже не думай. Я тебя не отпущу.

— Как ты это сделаешь? Посадишь под замок? Свяжешь?

Пячусь от мужчины в сторону двери. В какой-то миг и правда боюсь, что он меня скрутит и свяжет — что-то дикое мелькает в его глазах. Но он не поддается порыву, дает уйти. Когда оказываюсь у порога, предупреждаю:

— Я отправляюсь в гостевую комнату, чтобы подумать о будущем. Как только приму решение о своих дальнейших действиях, сразу тебе сообщу.

Когда закрываю дверь, успеваю заметить, как жестко обрисовались его скулы и недобро сверкнул взгляд. Шагаю по пустому коридору, грудь сжимает тоска, а я только диву даюсь. Еще вчера мне казалось, что мы совпали и наши судьбы могут сплестись в одну.

А на деле...

Харальд такой же, как все мужчины. Сначала пытается завоевать, а потом посадить под замок. Хочет, чтобы ему готовили, во всем угождали и рожали детей...

На мысли о детях у меня внутри что-то обрывается.

Ёшкин кот! Я не предохранялась!

Со стоном стучу себя, бестолковую, по лбу.

Я ведь даже не знаю, как предохраняются в этом мире. Ни разу о таком не слышала. Тут все женщины жаждут детей и считают каждого ребенка великим благословением. Помню, как одна многодетная мать в деревне убивалась, что ей больше не забеременеть в свои сорок девять. Она все ходила к Марии и пыталась у той выпросить чудо-средство для нового

дитятки.

Судорожно принимаюсь вспоминать, на какой фазе цикла я сейчас нахожусь, и понимаю, что... не помню. Я настолько привыкла жить, об этом не думая, что даже не утруждала себя подсчетами или записями.

Вот черт!

Дойдя до своей комнаты, кидаюсь лицом вниз на кровать, колочу подушку и рычу сама на себя:

— Охотница! Независимая и сильная, ага! Бестолочь ты, мягкотелая, вот ты кто!

Из глаз рвутся злые слезы.

Внезапно в дверь раздается стук.

— Войдите, не заперто! — кричу в подушку.

Дверь раскрывается, и я слышу шелест мягкой подошвы по полу. Шаги робкие, девичьи, точно не Харальда, и я с легким разочарованием поворачиваю лицо к ранней гостье.

Это Мира, а в руках у нее огромный поднос. Она тихо напевает:

— Доброго утрачка!

— И тебе добра, Мирочка! — я снова утыкаюсь в подушку.

— Госпожа Ариана, я вам завтрак принесла, — мягко говорит смугляночка, ставя поднос на столик рядом с кроватью.

— Спасибо, что заботишься!

— Ох, — девушка виновато прячет глаза, — это не я, это Лорд Вейзер приказал о вас позаботиться. Еще он велел Глории приготовить для вас свой любимый саурийский напиток. Я накрыла кувшин крышкой, чтобы не вонял, пока несу. Не понимаю, как можно пить эту гадость... Ой, простите! — Мира зажимает свой рот и испуганно округляет карие глаза. — Нельзя так говорить о любимом напитке хозяина! Просто у меня язык без костей. Сначала скажу, а потом думаю.

— Ничего. Это нормально, когда у людей разные вкусы, — улыбаюсь и усаживаюсь поудобнее перед подносом, заставленном всякой всячиной.

Тут и пористый хлеб, и нарезанный сыр, и ломоть ветчины, и вареные яйца. И даже каша в пузатом горшочке, где на поверхности аппетитно желтеет растаявшее масло.

Одной мне все точно не съесть.

— Ты уже завтракала?

— Нет, госпожа... — мнется та. — Я потом... На кухне...

— Давай ты со мной позавтракаешь? — предлагаю, показывая на поднос. — Вместе веселей!

— Ну раз веселее... то не откажусь! — наконец, решается девушка.

Мы сдвигаем стол поближе к кровати и аккуратно усаживаемся перед подносом.

Желая отвлечься от грустных мыслей, расспрашиваю Миру об ее родителях фермерах, об урожае, что в этом году выдался на славу, о старшем брате, что поехал учиться в город земледелию. Однако каждый раз в ее словах проскакивает имя Харальда.

— Это лорд Вейзер оплатил образование брата. Он сказал, что Дэнвоширу еще понадобятся ученые земледельцы. У нас ведь как... Урожай загнулся бы в этом году из-за засухи, но лорд Вейзер нанял специалиста, шибко умного, городского. Тот устроил хитроумный полив. Глубоко из-под земли воду выкачал для наших полей. Представляете, госпожа? Прямо из-под земли! — девушка восторженно машет рукой с зажатой в пальцах едой.

Мне вполне могло бы показаться, что наш разговор — это незамысловатый пиар, проплаченный Харальдом, да только я собственными глазами видела, как сильно любят его простые люди. Просто у Миры действительно что на уме, то и на языке.

Нет, правда, как его не любить?

Заботливый, умный, великодушный.

Харальд, наверно, был бы идеальным мужем, если бы не пытался лишить меня свободы.

Вся в своих мыслях я случайно роняю:

— Если лорд Вейзер такой хороший, то почему еще не женат?

Мира густо краснеет и начинает глупо хихикать, смущенно прикрывая рот, набитый едой:

— Так это... Скоро женится, госпожа! Точно-точно, зуб даю!

— О, правда? — усиленно изображаю равнодушие, вгрызаясь в ломоть ветчины. — И на ком же?

— Так известно на ком... — продолжает хихикать девушка, а меня вдруг раздражает желание подпалить ей густые черные волосы.

Устыдившись своей кровожадности, я принимаюсь за кофе. Оно обжигает мне горло, но прекрасный, терпкий вкус хотя бы помогает немного отвлечься, и я блаженно мычу, перекатывая на языке горькие, горячие капли.

Какое редкое, изысканное удовольствие!

Мира опускает на коленки руки, позабыв дожевать еду, и смотрит на меня то ли ошарашенно, то ли восхищенно.

— Вы тоже любите эту саурийскую гадость, госпожа! — шепчет она.

— Обожаю! — вырывается изо рта. — Налью-ка себе еще чашечку!

— Мы, конечно, с девочками понимали что вы подходите господину, как никто другой, — Мира прижимает ко рту кулачки, покачивая головой, — но раз вы одну и ту же гадость любите... Вы просто созданы друг для друга!

На ее словах я кашляю, поперхнувшись.

Спасибо тебе, добрая душа!

Вот и отвлеклась, называется, от любовных дум.

Когда Мира уходит, валюсь на кровать и думаю, думаю, думаю, пока в висках не начинает стучать... Понимаю, что остаться здесь не вариант.

Если останусь, Харальд посадит меня под замок.

Это пока я была чужой охотницей, дракон позволял рисковать собой и жить полной грудью. А как только стану женой — не останется даже иллюзии свободы.

Тогда какие у меня еще перспективы?

Если вернусь в академию, меня там примут с почетом. Они ведь не знают, что я за свою жизнь не убила ни одного оборотня. Считают меня заслуженной истребительницей нечисти.

Горько усмехаюсь.

Если бы не Харальд, я бы уже четырежды была трупом!

А теперь лимит его помощи исчерпан.

Передо мной стоит ультиматум. Или жизнь с драконом или смерть без него. И все-таки... Лучше короткая, свободная жизнь, чем рабство длиною в сто лет.

Или это не рабство вовсе, если я добровольно останусь с ним?

Память как назло рисует его горячие губы на теле, и всполохи эйфории от обжигающего дыхания на коже. Сильные руки, способные с такой нежностью прикоснуться к чувствительным местам...

Чертчертчерт!

Долблю кулачками подушку, пока из нее не начинают лезть пушинки. Легкими снежинками они рассыпаются по воздуху и, беззаботно кружась, медленно скользят к каменному полу. Когда последняя приземляется на каменные плиты, я окончательно определяюсь.

Предложу переговоры. Попробую достучаться. Ну не может быть, что бы человек, который заботится о своей деревне, плюнул на отсутствие нормального охотника на нечисть!

Слезаю с кровати и быстрым шагом направляюсь в спальню Харальда. Там его нет, дверь заперта на ключ. Неизвестно откуда, но я знаю точно: он в кухне.

И действительно застаю дракона в кухне. Обычно здесь многолюдно, а сейчас почти никого. Только хрупкая фигурка Таиры вертится вокруг неподвижно стоящего мужчины. Девушка что-то щебечет, норовит вроде бы случайно прикоснуться тонкими пальчиками к коже *моего* дракона.

В голове проносятся уничижительные эпитеты, один похлеще другого. Лолита недоделанная! Коза малолетняя! Профурсетка!

Она меня не видит, потому что стоит спиной ко входу, а вот Харальд сразу перехватывает мой взгляд и какое-то время задумчиво наблюдает за мной, пока пальчики Таиры ползают у него по плечу.

Каждое ее прикосновение — мне ножом по сердцу.

А ему?

Ему нравится?

Стоим на разных концах огромной кухни.

Молча воюем то ли сами с собой, то ли друг с другом.

Умом понимаю, что он специально с этой девчонкой сейчас уединился.

Меня выводит на ревность.

А я ведусь, как глупая школьница.

Устав от этой бьющей по нервам пытки, решительным шагом направляюсь к нему навстречу. Стойко выдерживаю как его отрешенный взгляд, так и неприязнь Таиры, вспыхнувшую при виде меня.

— Мы можем поговорить?

— Как тебе угодно, — он сухо кивает на выход из кухни.

В молчании поднимаемся в комнату, по обстановке напоминающую кабинет. Секретер из темного дерева, стеллаж с книгами, кушетка, два кресла.

Я не сажусь, когда Харальд предлагает мне присесть.

После увиденного нам предстоит максимально короткий разговор.

— Я уйду в академию.

— Останься, — не просит, требует.

Увидев, как мотаю головой, цедит с досадой:

— Вижу, ты все решила без меня.

— Да. Я могу вернуться пешком. Но если позволишь воспользоваться порталом, то буду тебе благодарна.

— Мне не благодарность от тебя нужна, — зло срывается с его губ.

Пожимаю плечами и молчу, хотя так и подмывает закричать о том, что он, диктатор чертов, мог бы на меня давить чуть поменьше, мог бы пойти на компромисс, мог бы войти в положение... Проглатываю все крики, что рвутся из горла, и отвожу взгляд.

Наконец, он произносит:

— Когда соберешься, приходи в спальню. Я открою портал.

— Спасибо.

Мой ответ будто теряется в пустоте, падает в бездну, что развернулась между нами. Я, развернувшись, шагаю прочь, ругая себя почему свет стоит.

Дура! Вот же дура!

Зачем к нему потянулась! Зачем позволила себе привязаться!

Теперь терпи последствия, собирая себя по кусочкам!

Как в тумане складываю вещи. Смена белья, гребень, заколки, пара лент, платье и накидка из тончайшей шерсти. Все с легкостью влезает в вещмешок.

Новое розовое платье я снимаю и аккуратно убираю в шкаф, под завязку набитый новыми нарядами. Здесь и кружево, и шелк, и муслин, и бархат... Пальцами провожу по ткани, будто прощаясь.

Не будто, поправляю себя.

Прощаюсь!

Взамен нового натягиваю на себя платье охотницы, полученное еще в академии. Жесткий, простой материал привычно ложится на кожу и будто возвращает из сказки в реальность.

Затем встаю перед зеркалом и разглядываю свое отражение. Черты лица стали острее, глаза больше и выразительнее, а старое платье болтается на мне, как сарафан на палке. И все же в этой одежде я больше похожа на саму себя.

Подцепляю пальцами холстяной мешок и плетусь к Харальду. Дверь полуоткрыта, стучаться не приходится. Захожу в спальню, и внутри все сжимается от накативших воспоминаний. На этой кровати мы с ним сегодня провели всю ночь... Как теперь это

забыть, если каждый миг нашей близости намертво въелся под кожу?!

Вейзер стоит ко мне спиной, гордый и прямой, как натянутая тетива. Силуэт по-мужскому красивый — богатырские плечи, широкая спина, узкие бедра. Хотя, уверена, он услышал мои шаги, но при этом продолжает стоять, не шелохнувшись. Открывать портал не торопится. То ли надеется, что я передумаю, то ли ждет, когда буду готова.

В замешательстве сглатываю и тереблю собственные пальцы. Черт, как неловко!

Никогда не умела нормально прощаться.

— Спасибо за все, Харальд, — лепечу. — Я готова идти.

— Раз готова, иди.

Мужчина наконец поворачивается. Скулы напряжены, на лице ни кровинки. Не удосужив меня взглядом, он произносит заклинание. Дождается открытия портала и тут же отводит глаза, будто не желая смотреть на мой уход. Больше не произносит ни слова.

Горечь ядовитой желчью разливается под ребрами.

И это все прощание?

На глаза наворачиваются слезы, всхлип тоже удержать не получается.

Бросаю прощальный взгляд на оборотня, заставляю себя шагнуть сквозь овал в кабинет ректора, и дыра за моей спиной сразу затягивается. Будто ставит жирную точку там, где должна стоять запятая.

Машинально отмечаю, как преобразился кабинет. Наполнился уютным светом настенных ламп, вместо портретов, принадлежащих Стархаду, появились морские пейзажи. Зацепившись взглядом за один из них, вспоминаю про хозяина кабинета, только когда раздается негромкое покашливание.

Поспешно к нему поворачиваюсь и немного скомканно здороваюсь.

— Ариана, рад вас видеть! А мы наслышаны о недавних подвигах! Еще один оборотень универсал пал от рук отважной выпускницы. Итого, четвертый на вашем счету. Приплюсуете сюда пятого — и войдете в учебники! Вы определенно идете на рекорд! Обычно мы ожидаем от своих выпускников трехгодичную отработку, но вы, Ариана, за несколько недель показали лучший результат, чем другие добиваются за три года.

Лучший результате? Войду в учебники?

От его слов кровь приливает к щекам.

Так стыдно, что хочется провалиться под пол, пока ректор продолжает лить мед мне в уши:

— Поэтому к вашему хм... слегка преждевременному замужеству весь преподавательский состав отнесся с большим пониманием. У нас нет к вам никаких претензий, Ариана. Вы гордость нашего заведения.

Круглощекое лицо Леандра так и светится радушием.

— Желаете чай? Ну? Что же я держу вас на ногах? Садитесь, рассказывайте! — он указывает на свободное кресло, расположенное напротив его стола. — Как семейная жизнь? Как здоровье мужа?

— Мужа больше нет... — лепечу растерянно, присаживаясь в кресло. — Я теперь вдова. Ринхар был убит оборотнем несколько дней назад...

— Это огромное горе и я вам соболезную, — перебивает меня ректор. — Но я имел в виду, как здоровье вашего нынешнего мужа?

— Э... — тут немного напрягаюсь и принимаюсь отчаянно массировать виски, чтобы утихомирить нарастающий, болезненный гул.

Как-то неправильно он обо мне думает. Еще и недели не прошло со смерти предыдущего мужа, а, по его версии, я уже выскочила замуж?

Бред!

— Я не замужем.

— Прекрасно вас понимаю. Настолько нестандартную ситуацию мало кто желал бы обнародовать. Однако, как вы уже поняли, я в курсе, — ректор поднимается с кресла,

достаёт из ящика стола желтоватую бумагу, сильно напоминающую подписанное мной заявление о приеме и сует мне в ладонь для прочтения.

Я слышала краем уха от однокурсников, что графы в подобных документах заполняются автоматически с помощью магии, как только в жизни респондента что-то меняется.

Сейчас у меня в голове столько мыслей одновременно, что я не в состоянии сфокусироваться. Мой взгляд бестолково скользит с одной надписи на другую.

Ректор замечает мою протрацию и тычет в правый нижний угол, в графу: «семейное положение», где черным по белому значится: «Ариана Вейзер (в девичестве Микоф) — замужем за Харальдом Вейзером».

Оторопело таращусь на странные буквы.

Ничего не понимаю.

Ректор, заговорщицки улыбаясь, произносит:

— Ариана, от меня вы можете не скрывать. По своей должности мне приходится быть в курсе основополагающих перемен в вашей жизни.

— Но я же не выходила замуж за Харальда! — талдычу упрямо, а ректор не менее упрямо гнет свое:

— Ну так вы и за первого Вейзера не выходили, насколько мне известно. Опекунская печать автоматически перешла ближайшему холостому родственнику вашего почившего супруга... Итак, рассказывайте! Как здоровье вашего нынешнего...

Невежливо его обрываю глупым вопросом:

— А он знает, что я его жена?

— Разумеется, — кивает ректор, беспокойно заерзав с кресле.

Ему, похоже, от моей реакции уже не по себе. Однако я не останавливаюсь на достигнутом, изумляя его еще больше очередным вопросом:

— Почему тогда я не знала, что он мой муж?

— Как не знала... Вот же написано, — ректор снова тычет в магическое заявление, где мелким зелено-неоновым шрифтом значится: «Супружеские узы консумированы и окончательно закреплены»

Я в ужасе пялюсь на бумагу, едва удерживаясь от желания ее разорвать на мелкие кусочки. То есть получается, эта магическая шпионка отслеживает, когда и с кем у меня интим? А это вообще законно — собирать столь конфиденциальную информацию?!

Сердито чеканю:

— Простите, господин ректор, но вы не ответили на мой вопрос. Почему Харальд знал, что он мой муж, а я об этом узнаю только сейчас?

— Видите ли... — вдруг смущается Ленандр. — Это зависит от изначальных настроек. Обычно в опекунский контракт закладываются более разнозначные права. Вам, Ариана, крупно не повезло с первым опекуном и магом, закрепившим печать.

Сцепив пальцы, пытаюсь переварить информацию, что встала поперек горла жестким комом.

Подумать только!

Мы провели целую ночь вместе, — первую брачную ночь, как оказалось! — говорили обо всем на свете, а о такой «пустяковой» детали, как скрепленные супружеский узы, Харальд умолчал!

Как это понимать?

Посчитал, что мне, его собственности, не полагается знать о статусе жены?

Чертов диктатор!

— Господин ректор, могу ли я жить и работать у вас?

Мужчина заметно напрягается.

— Лорд Вейзер связался со мной и предупредил, что вы, вероятно, изъявите желание вернуться на работу...

В груди все замирает, потому что уже предвижу окончание этого предложения: «Ваш муж велел гнать вас взащей и мы не вправе ему отказать!» Поэтому когда до ушей долетают совсем другие слова, мне кажется, я ослышалась.

— ...И он письменно подтвердил свое согласие на ваше возвращение, — вот, взгляните! — ректор теперь тычет в правый верхний угол на моем заявлении, где ровным, четким почерком выведена подпись под фразой, отпустившей меня на волю.

Сижу и барахтаюсь в буквах, перечитывая их снова и снова.

Он мог удержать меня силой, но не стал.

Мог ограничить передвижение опекунской магией, но не захотел.

Мог удержать от работы на правах мужа, но отказался и от этой удавки.

Он дал мне полную свободу.

Под монотонный голос ректора, что-то объясняющего про специально подготовленный для меня домик, я медленно смакую эту мысль.

Мой муж дал мне свободу.

Поступился ради моего счастья своим собственническим инстинктом... или точнее инстинктом защищать свою жену.

Ёшкин кот. Это многое меняет.

Затем перед глазами предстает сцена в кухне. Воспоминание о пальцах Таиры на руке моего мужа отрезвляют получше ушата холодной воды.

Дарованная мне свобода меняет многое.

Но не все.

Харальд

Беззвездная ночь накрыла землю угольно-черным колпаком, но темнота нисколько не мешала ориентироваться в пространстве. Хвала ночному зрению, что доставалось каждому ящеру в комплекте с чешуей и когтями.

В человеческой ипостаси ночное зрение работало не хуже, что позволяло сейчас пялиться с некоторым недоразумением на магическую академию, внезапно представшую взгляду.

Посреди ночи всего лишь невыносимо захотелось развеяться, выгулять зверя. Харальд махнул в портал, обернулся, воспарил ввысь и... вот он уже торчит на вершине холма, гадая, как здесь очутился.

Хотя что тут гадать...

В крупном учебном заведении зданий было немерено, однако одноэтажный домик, где остановилась Ариана, безошибочно выделялся с первого взгляда.

И неважно, что небольшая, деревянная хибарка не превышала площадь его спальни. Главное, она стояла особняком от других задний. Все, как обещал ему новый ректор, мужик понимающий и готовый немножко подвинуть правила для нужного человека.

Хорошо.

Даже слишком хорошо.

Потому что без своей пары он долго не протянет.

Ари... Он так и не понял, когда ее душа просочилась вглубь него. Незаметно, капля за каплей наполнила всего целиком. Поселилась в мыслях, потекла в крови, забилась в сердце.

То ли когда увидел впервые девчонку с потерянным взглядом, неуклюжую и чумазую от копоти. То ли когда лежала на краю деревни полуживая, грозясь уйти. Или когда она узнала его вторую ипостась и не отвернулась.

Точно знал лишь одно.

Когда связь скрепилась той ночью, они перешли точку невозврата. Расставание стало немислимым.

Две недели, три дня и пол ночи Харальд просуществовал без жены. Ей нужна была свобода.

Ари, Ари... Бери, дыши своей свободой, раз тебе без неё никак!

А ему... от такой свободы, насквозь пропитанной тоской, хотелось только выть, рычать и бесноваться. Каждый день надеялся, что станет легче. Легче не становилось. Сердце щемило, не давая дышать. Память вибрировала ее образами, то ли прошлыми, то ли настоящими.

Лапу себе отгрызть — пустяк, а пытку, когда изнутри корежит без пары, и душу выворачивает наизнанку, долго выдержать невозможно.

До Арианы женщины были. Разные и немало. Но ни с одной не довелось ощутить и десятой доли того, что связало его с... теперь уже любимой женой.

Харальд вслушался в тишину. От пристанища Ари не раздавалось ни шороха. Значит, спит. Не ждет его сейчас — и плевать, будет сюрприз. Пусть привыкает — от него никуда не деться.

Харальд прикоснулся к ключу от хибарки, что последнее время носил с собой на шее, и

двинулся к домику, якорем тянувшему к себе. Плавно перешел на бесшумный бег.

Добрался.

Открыл дверь, проскользнул внутрь и сразу обомлел, сгорая от ее запаха повсюду. Он щекотал нервы, разгонял кровь и сходу разжигал желание.

Крадучись, подошел ближе.

Кровать выглядела хлипкой и мелкой... Мелькнуло сомнение — выдержит ли его вес? Эту глупость тут же смыло волной, потому что в самом центре кровати шевельнулась ОНА.

Длинные волосы разметались по подушке, а тонкая накидка поверх тела не могла спрятать совершенных очертаний. Нежный изгиб скул переходил в виски, где под шелком кожи пульсировала жилка...

Ее пульс срикошетил в паху, толкая к паре, по которой зверски изголодался, которой жаждал овладеть сходу, без всяких прелюдий...

К бесам! О чем он думает?!

Глубоко вздохнул, выпустил накативший хмель. Стиснув зверя в кулак, медленно уселся на край кровати, — какая все-таки хлипкая деревяшка! — и осторожно, невесомо провел пальцами по щеке жены.

Длинные ресницы встрепенулись, точно крылья бабочки, девушка потянулась сладко, неторопливо, глаза ее сонно приоткрылись и губы тронула легкая улыбка.

— Хар, — прошептала она, накрывая его ладонь своими пальчиками. — Почему ты так долго не шел! Я ждала!

От простого прикосновения и нежных слов разум скрутило в узел, и снова пришлось обуздывать зверя. Бездна!

Вдали от нее недолго и обезуметь! А рядом... тем более!

Секунда — и он впился ей в губы. Еще миг — и совсем одурел от родного вкуса, а потом... Что-то пошло не так.

Ари замерла, напряглась всем телом и всерьез, до крови прокусила ему губу.

Изловчившись, отпихнула от себя и, размахнувшись, залепила по щеке ладошкой. Точнее, хотела по щеке, а получилось по чешуе, потому что Харальд, слегка растерявшись, на инстинктах прикрыл чешуей место удара.

Девочка тут же всхлипнула от боли, дернулась к краю кровати, потеряла равновесие и грохнулась на пол. Видимо неудачно, потому что громко ахнула и зашипела.

Харальд колебался — то ли ловить бедняжку и подмять под себя, чтобы она до конца не покалечилась, то ли дать успокоиться. В итоге, решил не трогать. Слишком болезненно жена принимала любое посягательство на свободу.

Улегся на кровати, громко скрипнувшей под немалым весом, и сухо поинтересовался:

— Злишься за что?

— Ты забыл мне сказать, что теперь мой муж! — простонала малышка сердито, прижимая к груди ушибленную руку.

— Ты об этом не знала?

— Нет! — жалобно пискнула. — Отчим сделал настройки в печати, чтобы я была не в курсе происходящего! Я, глупая, надеялась, что после смерти Ринхара буду свободна, а оказалось, что перешла к тебе по наследству! Бред какой-то! Жену передать по наследству! Дикость непотребная, и ты в ней участвовал!

Харальд вздохнул. Хотелось уточнить, что участвовал он в этой дикости не по своей воле, но, подумав, промолчал. Не то Ари непременно решит, что «не по своей воле»

означает: новый муж не желает быть ее мужем. А он желает. Еще как желает!

Примирияюще буркнул:

— Я думал, ты в курсе. Если бы знал о настройках неведения, то сказал бы, — в ответ раздалось сердитое сопение.

Пришлось предложить то, что ни от кого другого Харальд не потерпел бы. Лишь от нее и ради нее.

— Ну, хочешь, можешь еще разок зарядить меня по щеке. Я больше не обернусь. Больно не будет.

— Ты не заслужил, чтобы я тебя била. Много чести, — фыркнула девочка, но уже чуть спокойнее, будто сама мысль о том, что муж готов принять ее удар, немного утешила.

Вроде бы закрыли тему, но только Ари не успокоилась. Сердечко билось взволнованно, быстро, ударяя по ушам злостью и чем-то еще. Значит несостоявшаяся пощечина предназначалась за другое.

Харальд поморщился.

Тогда за что?

Ариана

— Что не так? Скажи, не прячься, — в голосе недоумение.

Черт, почему Вейзер такой тугодум! Все приходится разжевывать.

— Ты знал, что женат, но все равно пошел к Таире и устроил мне показательную порку.

Раз я проявила не послушание, ты нашел себе другую, поговорчивее, и ткнул мне ею в лицо.

Харальд молчит. Жаль, что я не вижу его лица в кромешной тьме. Хотелось бы заглянуть ему в глаза и увидеть в них стыд или раскаяние.

Тщетные надежды.

Через минуту густой тишины, знатно дергающей нервы, раздаются сухие пояснения:

— Я нашел ей работу в другой деревне и приказал в тот же день покинуть замок. Таира попробовала меня переубедить... как умела. У нее ничего не вышло.

— Попытка оправдаться не засчитана, — фыркаю. — Ты разрешил ей слишком долго себя уговаривать.

— Я не собираюсь оправдываться перед женой, которая сама творит все, что пожелает, — напряжения в его голосе становится еще больше.

— Я просто от тебя уехала! Но при этом никому не позволяла себя трогать, — сатанею от подобного сравнения. — А ты... Ты позволил! И нечего сравнивать прогнившее яблоко с мясным рулетом!

Улавливаю короткое дуновение воздуха на коже — одним молниеносным рывком Вейзер оказывается рядом, валит меня на пол, тяжелой ладонью фиксирует руки над головой, не обращая внимания на попытки вырваться, шипит:

— Не позволяла трогать, говоришь? Даже на тренировках? Никто из парней тебя не трогал? Ни здесь, — он гладит внутреннюю поверхность локтя так, что по хребту бегут колючие мурашки. — Ни здесь, — он льнет к шее губами. — Ни здесь... — теперь горячие пальцы скользят от бедер к талии, залезая под короткую сорочку.

Каждое его прикосновение искрит, пронзает током, топит лед между нами, и желание сопротивляться тоже тает с каждой секундой. Я ведь так соскучилась по нему — совсем извелась за недели разлуки. И эта его близость, эмоции, даже злость дают ощущение какой-то правильности и наполненности, пробуждая аппетит к продолжению!

Чудом извернувшись, сажусь на него, обхватываю мощный торс бедрами и вжимаюсь в горячее тело, шепчу:

— Тренируй меня сам, мой лорд. Я не хочу на себе чужих рук. Только твои.

Снова минутная пауза, но на сей раз тишина не давит, а обволакивает меня мягким теплом. Кажется, лед тронулся.

Наконец он прислоняется губами к уху:

— Возвращайся домой. Будут тебе тренировки.

— Нормальные тренировки, без поблажек? — не верю в свое счастье.

— Еще взмолишься о пощаде.

— И книжку Стархада дашь почитать?

— Будет тебе книжка, — по голосу чувствую, как он улыбается.

— И оружие в академии прикупим?

— И оружие... Стоп, — спохватывается запоздало. — Зачем тебе оружие? У нас в

деревне есть и оружие, и кузнец, настоящий мастер своего дела. Он выкует тебе отличный шлем и доспехи по размеру.

— Смеешься? — представляю себя в рыцарском одеянии и начинаю хихикать. — Да меня съедят быстрее, чем я шагну в сторону противника.

— Ошибаешься. Каленую сталь не прогрызть — я пробовал. К тому же, я буду рядом и не дам тебя поранить.

— Какова будет моя роль? — возмущаюсь. — Стоять и хлопать глазами, пока муж грызет одичалых, желающих сгрызть меня?

— Таково мое условие. Если хочешь сражаться с одичалыми, только на пару со мной.

Подумав немного, киваю:

— А знаешь, я не против. Мне кажется, мы сработаемся.

— Тебе не кажется. Сработаемся, — ворчит, уткнувшись мне носом в шею и с рычанием выдыхая воздух. — Больше никаких тренировок с чужими мужиками. Ненавижу запах самцов на твоей коже!

— Хорошо... Только с Клеем иногда буду тренироваться, но ты не волнуйся, — быстро добавляю. — Он для меня не мужчина, а практически старший брат!

И снова повисает напряженное молчание, во время которого я отчаянно надеюсь на кусочек доверия с его стороны.

Последние недели после тренировок я подолгу общалась с Клеем. Не удержалась, пожаловалась ему и на «дядю», и на замужество с Ринхаром. А потом на пропущенный статус вдовы и замужество с Харальдом.

— Хочешь, я с ним поговорю? — предложил Клей, нахмурившись. — Слышал, лорд человек неплохой. Должен понять, что не дело это — силком тебя замуж брать. Пусть дает развод.

Мысль о разводе отдает горечью.

Разводиться я даже не думала.

Особенно после того, как выяснилось, что Вейзер задвинул подальше свой инстинкт собственника и отпустил меня на волю. Поэтому на предложение Клея качнула головой:

— Не надо. Сами разберемся. Как-нибудь.

— Значит, люди не врут, — усмехнулся крепыш. — Лорд и правда человек неплохой.

Впрочем, говорили мы не только обо мне. В отдаленной деревушке завелся волчара, пожирающий людей. На его счету — три девушки, один старик и один ребенок. Подлый тварюга выбирал самых слабых жертв. Каждый день Клей загачивал оружие, заряжал его магией и думал о том, как вонзит острое лезвие в горло оборотню. Преподавательский совет дал на подготовку месяц.

Пока его слушала, в груди не раз тревожно кольнуло.

Клею нужна практика боя с оборотнем не меньше, чем мне.

Без нее он обречен, уж я-то знаю! Но согласится ли друг сохранить тайну мужа, если удастся уговорить дракона включить его в тренировки? Имею ли я право рисковать, впуская охотника на нечисть в мир мужа оборотня?

Чувствую, как у Харальда напрягаются мышцы и он крепче прижимает меня к себе, будто боится, что я прямо сейчас побегу тренироваться с другим мужчиной.

Уточняет:

— Клей — это тот доходяга, которого я вытащил из Леса Забвения?

— Да, — невольно улыбаюсь от такого определения.

Серыш восстановил былую форму и называть его сейчас доходягой — все равно, что окрестить рохлей чемпиона по ММА. Только Харальд мог так сказать. Из ревности.

— Нет, — отрезает. — Такому брату — он очень выразительно произносит «брату», — я не позволю тебя трогать. Вот если бы он был слепым, глухим и немым... То все равно нет.

Долгие переговоры затянулись по вполне понятной причине. Мы то и дело переходили на язык тела, способный, конечно, решить многие, но далеко не все нюансы совместного будущего. К утру мы успели сойтись всего лишь в двух пунктах.

Харальд настоял на том, чтобы в ближайшие дни отыграть свадьбу в деревне. Необходимости в свадьбе нет, ведь мы уже женаты, но дракон желал прилюдно заявить права на свою женщину.

— Чтобы никто не смел в твою сторону даже думать непочтительно, — пояснил он.

В отместку я настояла на том, чтобы пригласить Клея на свадебное торжество.

Видимо, Харальд решил: пусть и парень увидит меня в свадебном платье, дабы больше не думал в мою сторону непочтительно!

Так себе достижение, но для начала хоть что-то.

Утром муж взялся собственноручно оповестить ректора о моем отъезде в замок. Мне даже не пришлось краснеть перед Леандром в попытке оправдать свои метания.

То ухожу на больничный, то возвращаюсь вроде бы насовсем, то собираюсь работать из дома по свободному графику — ненадежная из меня сотрудница. В предыдущей жизни такую погнали бы взащей. Хотя... Сотрудниками, что рискуют жизнью, в любом случае раскидываться не будешь.

Вейзер встает перед главой академии, закрывая меня собой, как щитом. Впрочем, разочек я все-таки высываюсь из-за широкой спины мужа и замечаю на лице почтенного главы академии улыбку «да понимаю я вас прекрасно, сам был молодым!»

И все же облегченно выдыхаю, когда в кабинете, наконец, появляется портал. Быстрый переход через овальное отверстие — и вот мы уже дома, в спальне.

Дома...

Смакую это слово, для меня забытое и такое... трогательное.

Необычно и приятно — чувствовать, что у меня есть место, которое можно считать домом.

Огромным, не до конца изученным, с любимыми уголками и не очень, но все равно своим. Вот только...

— Где мы будем проводить тренировки? — поворачиваюсь к Харальду, спокойно за мной наблюдающему.

Кажется, ему нравится просто на меня смотреть.

— Не терпится меня побить? — вскидывает бровь муж, подступает поближе, и в темнеющих глазах загорается знакомый огонь. — Давай прямо здесь. Зачем откладывать?

— Не отвлекайся, — на этой моей фразе дракон снова с иронией изгибает бровь — похоже, считает, что это я отвлекаюсь. — Думаю, для тренировок подойдет то место в лесу, куда можно перейти напрямиком из подвала.

— Сойдет, хотя выбор необычный. Там ведь убили Ринхара и ты сама чуть не погибла. Ты же не забыла?

— Своим страхам надо смотреть в лицо... Хотя если ты не готов... Там умер твой брат... Прости, я не подумала.

— Ты права, моя отважная. Не стоит запечатывать неприятные воспоминания. Оставлю тот портал для тренировок. А то подумывал его снести.

Харальд, не теряя времени даром, отправляется отдавать распоряжения по поводу свадьбы, а я спускаюсь на кухню, чтобы чем-нибудь перекусить. После бессонной ночи позавтракать в академии мы так и не успели.

Овощи, фрукты, хлеб — еды на кухне полно, но как назло никого нет, чтобы спросить, что мне можно поесть.

Хотя... Если я жена хозяина замка, значит, я здесь хозяйка. Значит, просто возьму, что приглянулось. Надеюсь, когда вернется кухарка, она не надаст мне по рукам, как мама в детстве!

Стоит мне откусить от свежей хлебной краюхи, как кухня заполняется служанками. Говоруны сразу меня обступают, уже наслышанные о грядущей свадьбе. Обнимают, поздравляют, а в глазах светится чистая радость.

Их радушие меня успокаивает. Я побаивалась, что придется иметь дело с ревнивыми копиями Таиры.

— Я же говорила, — тарактит Даниша, — что вы друг другу подходите...

— Да это было всем понятно с самого первого дня! — перебивает ее Тина. — Ни на кого другого хозяин так больше не смотрел...

— И саурийскую га... напиток ни с кем больше не пил. Только с вами, госпожа! — восклицает Мира, и на этой фразе я, не удержавшись, закатываю глаза.

— Мы вас специально поддразнивали, — снова Даниша. — Вы ничего не подумайте!

— Просто хотели, чтобы вы немножко заревновали, — подхватывает Мира, — и хозяина оценили по достоинству!

Вот же... хулиганки!

Однако долго без дела девушки не стоят — скоро приходит главная кухарка и принимается раздавать всем работу. Тесто замесить для праздничного хлеба да пирогов. Кур нарезать да обципать, барашками и поросятами уже занимается мясник. Мясо замариновать в специях, а с завтрашнего утра начать запекать, чтобы к вечеру накрыть праздничный стол.

— К завтрашнему вечеру? — удивленно моргаю.

— Да, госпожа! — твердо повторяет Глория, складывая на стол продукты. — Распоряжение лорда Вейзера.

— А... — снова по-дурачки моргаю, — откуда я к завтрашнему вечеру возьму платье?

— Вы у лорда Вейзера спросите. Я про платье ничего не слыхала. Может, он со швеей условился?

Бегу к Харальду в спальню. С недавних пор, стоит мне подумать о нем, как я чувствую, где его искать. И действительно он стоит в нашей спальне перед открытым шкафом. Наверно, тоже думает-гадает, где бы ему к завтрашнему вечеру найти свадебный костюм.

— Хар... — кидаюсь к нему, но прежде, чем успеваю что-то сказать, муж вытаскивает из шкафа ворох белоснежного кружева и протягивает мне:

— Примеришь?

— Это что? — замираю ошарашенная.

— Свадебное платье.

— Откуда?

— Заказал у швеи.

— Когда?

— Когда понял, что ты станешь моей женой.

— И когда ты понял? — сердце вдруг начинает биться так сильно, что становится почти больно.

Харальд морщится, как от зубной боли:

— Когда — не главное. Главное — недостаточно быстро.

— А если мне не понравится платье? — разглядываю тонкую вязь, прекрасно понимая, что такая прелесть не может не понравиться, но...

Разве не я должна выбирать фасон, обсуждать его со швеей? Разве жених, то есть муж может вручить мне готовое платье? Он же не должен видеть наряд до свадьбы... Или он меня в платье не должен видеть? Или это вообще не важно, раз я уже жена, а не невеста?

Ёшкин кот, и даже посоветоваться не с кем... Кроме Харальда.

— Ари, — Вейзер мягко обнимает прямо вместе с кружевами. — Скоро придет швея. Если тебе не понравится платье, она сошьет за ночь другое. Если что-то пойдет не по плану,

просто выдохни. Я хочу, чтобы ты расслабилась и насладились моментом. Обещаешь попробовать? — он заглядывает в мои глаза с такой нежностью, что вдруг понимаю отчетливо: платье — всего лишь красивая ткань, которой завтра вечером я прикрою тело.

Какая разница, что на мне будет надето, если Харальд продолжит смотреть на меня так, будто я единственная женщина на земле, а от его взгляда у меня по-прежнему будут мякнуть коленки?

— Ты сейчас очень занят? — спрашиваю робко. — Хочу расслабиться и насладиться моментом. Вместе с тобой.

— На подобные вопросы у меня один ответ, был и будет, — он убирает платье, что нелепым ворохом по-прежнему зажато между нами, мягко меня обхватывает, словно хрупкое стеклышко, и бережно прижимает к себе. — Ты мой приоритет. Всегда. Запомни это, ладно?

В предсвадебный день дел полно у всех... кроме невесты, то есть жены.

Единственное, что мне пришлось сделать, — это примерить платье в компании швей, приятной, молодой женщины. Платье идеально садится по фигуре, подчеркивает тонкую талию, кружевными волнами окутывает бедра и спускается до самых щиколоток. Теперь уменьшенную копию меня можно смело ставить на свадебный торт в виде фигурки невесты.

— Прекрасно, — одобрительно выдыхает гостя, осмотрев меня цепким, профессиональным взглядом. — Ни прибавить, ни убавить.

— Как вы... — верчусь перед зеркалом. — Как у вас получилось сшить для меня идеальное платье?

— У моей дочки такая же фигура, госпожа. Лорд Вейзер так и сказал: один в один, только талия у госпожи Арианы будет чуть тоньше — я ее, говорит, двумя руками могу обхватить. И точно все сказал. Я сначала другие наряды вам пошила, а последним — вот это платье.

Вспоминаю вдруг, что собиралась однажды поговорить со швеей про наряды, висящие в шкафу. Узнать, правда ли они были сшиты для меня. Я тогда сомневалась в Харальде, думала, он лукавит. Пошить для меня целый шкаф явно не дешевых нарядов после моего первого визита в замок?

Встреча с этой милой женщиной — еще одно свидетельство его честности.

— С размерами понятно... — тут лукавлю, конечно, хотя с натяжкой допускаю, что у Харальда глаз алмаз... — Но как вы мой вкус угадали? Я ведь, когда себя представляла в свадебном платье, именно о таком мечтала.

— Дело в том, госпожа... — женщина вдруг оценивающе присматривается к вырезу и подрезает невидимую для меня ниточку, — что у меня дар угадывать вкус человека, для которого шью. По крайней мере, еще ни разу не ошиблась.

После ухода швей, когда платье висит на вешалке, дожидаясь своего часа, пытаюсь придумать себе дело. Слоняюсь по замку, как неприкаянная. Сююсь было на кухню с намерением помочь, но меня оттуда прогоняет Глория: «Отдыхайте, госпожа! Вам энергия вскорости для совсем других дел понадобится!»

Служанки, что крутятся там же, начинают хихикать, заставляя вспыхнуть от смущения. Приходится поскорее оттуда ретироваться.

Выхожу погулять в сад, желая проветрить голову, но там возятся мужчины. Сколачивают из досок непонятную конструкцию — видимо, для свадебной церемонии. Шум молотков снова гонит меня прочь. Вот же засада...

Немного побродив по замку, наполненному, кажется, целой деревней, возвращаюсь в спальню. Несмотря на открытые окна, сюда почти не доносится строительный шум, поэтому можно лежать в относительной тишине и спокойно пялиться на гобелены, размышляя о будущем, прошлом и настоящем.

Чуть больше года назад я жила совсем в другом мире. Зарабатывала, встречалась с друзьями, думала поступить на психолога, а потом... Судьба дала мне второй шанс и второе тело. Только почему именно это тело, я до сих пор не поняла. На мой взгляд, ничего общего с Арианой Микоф у меня не было.

У меня огненный, непокорный нрав, у нее — судьба жертвы. У меня готовность

сложить жизнь ради свободы, у нее... А что у нее?

Внезапно с предельной ясностью понимаю, что я абсолютно не знаю ту девочку, в тело которой попала. И это незнание впервые дергает за нервы, пробуждая острое желание разобраться.

Казалось, весь год я бежала, не задаваясь глубинными вопросами, потому что ресурсов хватало только для борьбы за выживание, здесь и сейчас. А теперь, когда я ступила на островок безопасности, в душе освободилось место для других тем, которые вдруг из третьестепенных превратились в важные.

Жалко, встретиться с Арианой не довелось. Поговорили бы по душам. Впрочем... С ней лично уже не встречусь, а вот с ее мыслями...

Кидаюсь к шкафу, достаю оттуда холстяной мешок-рюкзак с моими вещами. Порывшись немного, достаю помятую тетрадь. Это дневник Арианы, который, вижу с первых случайных строчек, насквозь пропитан знакомой болью.

«Я ненавижу дядю Мариуса. Все лежу ночами и думаю, как его убить...»

Мысленно присвистываю. В этой девочке водилась как сила, так и темперамент. Мышлением жертвы тут не пахнет. Может, мы не такие уж разные?

Устраиваюсь поудобнее на шкуре перед окном и приступаю к чтению.

«Мы с мамой были на ярмарке, когда землетрясение поглотило наш городок. Внезапно мы остались одни, без дома и близких. Хуже всего, мама тоже быстро слегла от внезапной хвори.»

Мы обе знали, что ее сломила тоска по отцу. Она хотела мне лучшей участи, но ее обманули.

Маг прочитал типовой опекунский договор, а под подпись подсунул умирающей совсем другой...

Теперь я живу в глухомани.

Я быстро привыкла к местным. В большинстве своем они люди хоть и простые, но неплохие.

Все, кроме моего опекуна, скряги, эгоиста и тирана.

Он заставляет меня работать на износ. К вечеру спина ноет так, что хоть плачь. И ноги не слушаются. Он не дает мне передышки. Только работа, работа, работа. И боль за малейшее непослушание.

Я бы простила ему грубость, отсутствие книг, свою бесконечную усталость и даже боль, к которой почти привыкла.

Но то, что он наплел Грегу про меня всякие гадости — этого не прощу никогда. «Гулящая мне невестой не станет», — так мне сказал мой избранник. «Спасибо, что Мариус вовремя предупредил. Между нами все кончено.»

Вот так, не начавшись, закончилась история нашей любви.

Я плакала, умоляла Грега мне поверить. У меня ведь ни одного мужчины не было, ни одного поцелуя. Я к себе никого не подпускала, все ждала, когда Грег накопит денег и выкупит опекунскую печать, чтобы стать мне мужем. Даже проверить ему предложила, убедиться, что я нетронута.

Зря предложила.

Такого отвращения в его глазах я никогда не видела.

Будто я опарыш, личинка паршивая и дотронуться до меня теперь противно.

Мне, наследнице крови древних друидов, внучке сильнейшего колдуна племени, пришлось

пройти через подобное унижение!

Дядя Мариус сказал в тот день, что я ему принадлежу, и чтобы о других мужчинах больше не мечтала. Сказал, что всем в округе рассказал, какая я гадкая и испорченная, и кроме него, никто на меня теперь не посмотрит.

В тот день моя душа умерла.

Но я решила, что умру не одна.

Я ненавижу дядю Мариуса.

Все лежу ночами и думаю, как его убить...

Как перехитрить проклятую печать.

Хотела накормить отравой — донести тарелку не смогла. Разбила по дороге. Пальцы разжались не по моей воле. Просто... разжались.

Подошла с ножом к нему спящему. Всего один удар в шею — и он покойник. Но рука не поднялась. Будто парализовало.

От разочарования я разболелась и слегла.

Так и лежала пластом. Еле дышала.

Встать никак. И умереть никак.

Я бы, может, и окочурилась, но одна, без дяди, уходить не хотела. За него цеплялась своей ненавистью.

А он... Он вдруг стал скисать понемногу.

Я сразу смекнула, что к чему. Когда мои силы на исходе, еще шаг — и смертушка встретит, вот тогда дядя гаснуть начинает вместе со мной. Будто мы одной веревкой повязаны. Будто он меня своей энергией вытягивает обратно в жизнь. Не потому, что хочет спасти, нет, а потому что таково действие печати.

С тех пор мы играем с ним в «кто кого». Я делаю все, чтобы ослабеть и с собой прихватить этого гада.

Почти не ем. Истощаю себя трудом. Падаю в обморок, а потом встаю и, пошатываясь, иду смотреть, как он слабеет вместе со мной.

Только об одном молюсь древним, могущественным предкам, к которым готовлюсь уйти. О справедливости.

Если я умру раньше дяди, пусть придет та, что закончит начатый путь. Пусть отомстит. Пусть она будет сильнее, чем я. Пусть станет счастливой вместо меня. И... Да услышат меня предки!»

Долго сижу на полу, бестолково пялясь на страницы. Пытаюсь переварить прочитанное. Всхлипываю. Кусаю губы. И чувство едкой неприязни к «дяде», что до сих пор отчаянно старалась в себе стереть или хотя бы заглушить, с новой силой пробуждаются в груди.

Наконец, вскакиваю и иду на выход.

Не знаю, как насчет предков, но я тебя точно услышала, Ариана Микоф!

Нахожу Харальда в саду среди работающих мужчин и стучащих молотков. Он возится с досками, засучив рукава до внушительных бицепсов. При виде меня оставляет инструменты и, полубобняв, ведет в сторонку по витиеватым дорожкам — туда, где густые кусты скрадывают шум.

Стоит нам остановиться, сразу его огорашиваю:

— Есть ли способ разузнать о человеке, если он далеко?

— Ты сейчас о своем живодере думаешь? — морщится муж.

— О Мариусе, но он не мой.

— Раз цепляет до сих пор, значит, твой.

— Ладно. Он меня цепляет, но я очень хочу с ним расцепиться.

— Информация о нем как-то в этом поможет? — Харальд вскидывает бровь.

— Поможет, — говорю уверенно. — Не знаю как, но поможет!

— Ладно, — он задумчиво трет подбородок. — Если не против с ним встретиться, можно поехать к нему в деревню верхом. День туда, день обратно. Можно сходить к ведьме в лес — она выложит все, что узнает от духов. Час туда, час обратно. Что выбираешь?

Судя по выражению его лица, ни тот, ни другой вариант ему не по душе. Да и мне, признаться тоже. Мысль о долгой поездке верхом до сих пор вызывает содрогание, а ведьма...

— Я боюсь ведьм, — ежусь. — Если ведьма никудышная, то наврет что-нибудь про Мариуса, и мы об этом даже не узнаем. А если она профессионал, то увидит твою вторую ипостась, и получить рычаг воздействия на местного лорда, — на этих словах в меня упирается его фирменный взгляд со вздернутой бровью — мол, не путай здесь хищника и жертву!

— Нет, — упрямо мотаю головой. — обойдемся без ведьмы! Лучше уж убить два дня на дорогу и поехать в деревню. Долго, зато безопасно. Жаль, что придется ехать после свадьбы...

— А хочешь, — Харальд заговорщицки шурится, — полетим?

— Ты имеешь в виду я... На тебе?

Вейзер кивает, а я мотаю головой в ужасе. Воображение убедительно рисует, как моя фигурка камнем летит вниз, колошматя воздух и с воплями пронзая облака.

Всплескиваю руками:

— Ты же не в метре от земли лететь будешь. Вдруг я упаду? Отбитым задом тут не отделаешься!

— Поймаю, — улыбается муж и вертит передо мной своими немаленькими ручищами. — От этих лап еще никто не уходил.

— У тебя чешуя твердокаменная. Я с тебя слечу, а ты даже не заметишь, — продолжаю пасовать, а он тут же бьет козырным тузом:

— Сомневаешься во мне?

Невозможно спорить с ним долго, когда он, сильный и чертовски уверенный, стоит вблизи, окутывая своей бешеной энергетикой. Ну как в таком будешь сомневаться?

— Не в тебе, — устало выдыхаю. — В себе, наверно.

— Подумай, — дракон прижимает меня к себе. — Полтора часа туда — полтора

обратно. К ночи вернемся домой. Успеешь отцепиться от него перед свадьбой. Чем плохо?

— Хорошо! — жалким стоном вырывается изо рта.

Когда мы с Харальдом идем в подвал к порталу, наша затея все больше выглядит безумием. Я на самолетах-то летать боялась — там, где закрытый салон, и ремнями можно прилепить себя к сиденью, а тут...

Парить в открытом небе даже хуже, чем тонуть в океане. А я в свое время посмотрела немало фильмов катастроф и отлично разбираюсь в теме!

Судорожно вспоминаю, которое из заклятий может меня спасти, если вдруг упаду. Разве что вихри вызвать, чтобы перед тем, как выплюнуть меня вниз, они хорошенько намяли мне бока.

— Если ты меня уронишь, — пыхчу дракону, карабкаясь к холке по горячему, распластанному по земле крылу, — я тебя с того света достану! Охотницы своих обещаний на ветер не бросают, уж поверь!

В ответ ящер урчит что-то утробно и, изогнувшись, хитро подмигивает мне янтарным глазом, а, стоит мне присесть, схватиться за его шипы, как он взлетает, тяжело взмахнув огромными крыльями, будто не желая дать мне шанс передумать.

Первые несколько рывков настолько мощные, что со всей дури цепляюсь за шипы, чтобы меня не вытряхнуло с холки. Затем, набрав высоту, дракон выравнивает движения, и я постепенно набираюсь смелости, чтобы приоткрыть один глазок. Много разглядеть не удастся, потому что плотные облака, среди которых парим, закрывают обзор.

Скоро мы выходим из облачной пены и я без помех наслаждаюсь открывшейся картиной. Горы, протекающие под нами длинной чередой, столь величественны, что буквально размазывают своим масштабом и древним величием. А реки с такого ракурса напоминают темных змей, затерявшихся в зелени ущелий.

Прохладный ветер в лицо бодрит, но ящер согревает лучше, чем сиденье с подогревом в машине. В конце концов, признаю себе, что перелет на драконе — это довольно приятный способ передвижения. Вот только в следующий раз надо подумать над каким-нибудь седлом или другим креплением, чтобы руки не отвалились от долгого цепляния за шипы.

Когда мы приземляемся на небольшой полянке посреди леса, соскальзываю по перепончатому трапу на землю, Харальд тут же перевоплощается, а я замороженно наблюдаю за процессом. Оборот сродни чуду — каждый раз не верится, что все по-настоящему.

И даже вопрос с одеждой решен с максимальным удобством. Среди выпускников Вальдемара есть некий маг, что поставляет оборотням специальную одежду, настроенную на вибрации хозяина. В первые секунды трансформации в зверя одежда исчезает, просто тает в воздухе. А когда завершается переход в человека одеяние волшебным образом накрывает обнаженную плоть.

Когда Вейзер снова становится одетым человеком, он уверенно движется в сторону деревни, а я ковыляю за ним по кочкам, стараясь не отставать.

Всего пол часа пути — и мы входим в поселение.

Знакомые очертания домов окутаны мягким, вечерним полумраком. Вид напоминает туристическую открытку из какой-нибудь европейской глубинки. Одиночные мужчины возвращаются с полей на лошадях, женщины загоняют расшалившихся детей в избы. Отовсюду пахнет едой, а еще мягкой истомой после тяжелого, буднего дня.

Уютно и, пожалуй, красиво.

Я не видела деревню в таком ракурсе — ведь в это время суток либо работала в трактире, либо валялась в кровати, пытаюсь восстановиться после ранения.

Чем дальше иду по деревне, тем больше замедляюсь, будто ноги тяжелеют и каждый шаг дается через преодоление. Харальд берет меня за руку, видно, желая поддержать, и я благодарно ему улыбаюсь.

Трактир Мариуса находится с другой стороны деревни. Нужно ли идти так далеко? Ведь дом Марии — вот он, черепичная крыша уже торчит из-за соседних построек.

Трусливая часть меня нашептывает: «Мария наверняка все знает о Мариусе. Тебе ведь нужна информация — вот и иди к ней, доброй, приветливой, а к монстру с визитом идти не обязательно!»

Мотнув головой сама себе, прохожу мимо дома знахарки.

Мне нужна не просто информацию. Хочу взглянуть на Мариуса из положения свободы, а не снизу вверх, как раньше. Вот чего мне не хватало! Вот зачем я согласилась на страшный полет.

Есть время разбрасывать камни, а есть время закрывать гештальты.

Покрепче сжав руку Харальда, прибавляю шаг.

Глава 61. Эпилог

Вскоре мы оказываемся у порога трактира. Хотя обычно в это время суток в трактире собираются клиенты — звучат пьяные, мужские разговоры, кто-нибудь непременно играет на губной гармошке или режется в карты, сейчас от каменного строения не доносится ни звука.

Странно.

Бросаю взгляд на мужа — он хмурится и отводит взгляд. Почему? Что такого он слышит или чувствует, недоступное моему слуху и обонянию?

Я бы, наверно, не дерзнула зайти в эту звенящую тишину одна, но рисковать вместе с драконом стало почти привычкой. Чуть помедлив, толкаю дверь.

В нос бьет страшная вонь, в глаза бросается угольно-черная темнота поэтому поскорей разжигаю пламя поярче, что высвечивает жуткую картину...

Запустение, слой грязи на столах, остатки еды в невымытых тарелках, с кишашими там насекомыми, юркнувшие в угол крысы. Битая посуда на полу, стул без ножки посреди прохода. Свободной рукой быстрее зажимаю нос.

Со стороны спальни Мариуса раздается шорох.

Дверь в его комнату открывается без ключа, а за ней — такое же захламление, только к спертой вони здесь примешивается запах человеческого пота и болезни. Здесь тоже бардак, поэтому не сразу различаю посреди вороха тряпок на кровати какое-то копошение.

— Мариус! — ахаю в ужасе.

— Ты опять пришла! — из-под одеяла на меня таращатся круглые, обезумевшие глаза. — Ты... Ты... Ты меня высосала. Вытянула все силы, пока была рядом. Ты... До дна меня... Все из-за тебя, ненасытная ты тварь!

Из глотки Харальда вырывается рык, настолько грозный, что даже слов не нужно — Мариус забивается с головой под одеяло и скулит побитым псом:

— Бога ради прости, прости, прости, старика! Только не жги ничего, не забирай, что у меня осталось! Я боюсь... огня... Я не выдержу... Прояви милосердие, хоть чуточку! Прости мне ошибки мои, я... Не хотел... Я... Я просто свернул не туда! Я понимаю, все, все понимаю, ты не думай... Прости старика, прости, если сможешь!

Из-под одеяла доносятся всхлипы вперемешку с каким-то безумным бормотанием.

Кажется, с меня хватит.

Гешгальт закрыт.

Не испытываю никакой радости смотреть на убогого безумца, но и никакого желания ему помочь. Через какой бы ад он сейчас не проходил, он честно заслужил каждую каплю своих терзаний. Ставлю на нем жирную точку и первая поворачиваю на выход.

Переступаю за порог, вдыхаю полной грудью свежий воздух, впитываю в себя уютные звуки пульсирующей жизнью деревни. Насыщаюсь ароматом нормальных, здоровых будней.

— Теперь к Марии, ты не против?

— Не вопрос. Ты как? Расцепилась? — в его голосе тревога.

— Почти. Осталось чуть-чуть ковырнуть последнее звено — тогда точно все.

К Марии захожу я одна, а муж остается ждать на улице. Знаю, он услышит сквозь щели каждое наше слово, но все же хочу ощутить хотя бы иллюзию уединения с доброй женщиной.

— Арианочка! Девочка моя! — вскрикивает женщина, бросаясь ко мне навстречу. — Как я рада тебя видеть! Ты в порядке, моя красавица?

Наобнимавшись всласть, усаживаемся за знакомый щербатый стол, и скоро под уютный треск поленьев чаем наполнены металлические кружки, и ощущение бесконечно родного тепла разливается по сердцу от ее присутствия.

Немного поболтав о здоровье, деревенских новостях, перехожу к все еще немного болезненной теме:

— Что случилось с Мариусом, бабушка? — Я его только что видела.

— После того, как этот, — женщина неприязненно кривится, упоминая «дядю», — тебя продал чужаку, израненную, беспомощную, вся деревня от него отвернулась. Мужики перестали к нему в трактир хаживать, женщины отказались работать. Он и раньше-то не пользовался особой любовью, а тут последняя капля... — Мария машет рукой. — Гниет теперь в одиночестве. Ай, да что мы о нем, да о нем! Лучше расскажи, как ты?

Кратенько, по верхам ввожу женщину в курс дела. А потом предлагаю то, что мы несколько минут назад обсуждали с Харальдом:

— В Дэнвоншире нет целительницы. Если ты приедешь к нам работать — мой муж будет платить тебе втрое больше того, чем ты зарабатываешь здесь. А если... когда у нас появятся дети, я бы очень хотела, чтобы ты иногда с ними нянчилась.

— Ох, миленькая, я бы не прочь к тебе поближе, да на кого же я оставлю целую деревню?

— А если найдем тебе замену, переедешь?

Мария, чуть подумав, кивает.

— Своих-то внуков у меня никогда не было. Доченька вот была, да умерла давным-давно. Очень уж хочется понянчиться на старости лет с малыши... У тебя, я смотрю, срок скоро три недели, а ты все ерундой маешься... А ну-ка, — строго грозит мне пальчиком, — волноваться переставай, отдыхай и ешь по-человечески!

— Что? — лепечу растерянно и таращусь на абсолютно плоский живот.

— Я тебе таких травок насобираю, что не мальчишку родишь, а сразу богатыря! — продолжают меня шокировать, как вдруг дверь без стука открывается, чтобы впустить мужа, сразу заполнившего собой небольшое пространство.

— Значит, ждем богатыря? — деловито осведомляется он то ли у Марии, то ли у меня, и мы обе слегка цепенеем.

Я — от того, что беременна и Харальд теперь тоже в курсе, а Мария — от того, что какой-то незнакомец ворвался в наш слишком личный разговор.

Перевожу ошалелый взгляд на мужа. Во вздернутых уголках губ, в лихорадочно-счастливым блеске глаз подмечаю сильные эмоции, но лорд не был бы лордом, если бы не умел держать лицо перед людьми.

— Это мой муж, лорд Вейзер, — поясняю хозяйке.

Та, согласно этикету, встает, склоняется перед мужчиной в поклоне, благодарит за визит, но тут же снова становится гостеприимной хозяйкой — предлагает дорогому гостю чай на лесных травах.

Время позднее, а нам еще домой лететь. Так что мы немного сумбурно прощаемся с Марией и направляемся в лес.

— Значит, скоро три недели! — задумчиво посматривает на меня Харальд, беря за руку.

— Ты был очень эффективен, мой лорд, — посмеиваюсь. — Кому-то нужны годы, но

ждать — это не про тебя.

Харальд неожиданно подтягивает меня к себе, так что оказываюсь у него под боком, как под крылом, и обнимает:

— Чего ждать-то?

— Ну... Узнать друг друга получше? — предлагаю причину и тут же понимаю, как жалко она звучит.

Можно всю жизнь быть рядом и не узнать человека, как следует. А у нас за плечами и огонь, и медные трубы, и доверия к мужу становится все больше с каждым прожитым днем. Он в тон моим мыслям отвечает:

— Я узнал достаточно, чтобы тебя полюбить, Ари. И ты меня, по всей видимости, раз до сих пор не сбежала от моей драконьей харизмы!

— Ну, для истории, я пробовала от тебя разочек сбежать...

— Бесплезно, — усмехается муж, обнимая крепче. — Мои крылья всегда будут быстрее твоих ног.

Свадьба получилась пышной, веселой. Столы ломились от угощений, было много музыки, танцев и наших с мужем поцелуев. Деревенские определенно запомнят этот праздник по необыкновенной щедрости своего лорда.

К сожалению, не все мои желания осуществились в этот день. Как я ни старалась, у меня не получилось заручиться согласием Харальда на откровенный разговор с Клеем.

Но это ничего, мне не привыкать к долгим дорогам.

Однажды Вейзер поймет, что надежнее друга трудно сыскать, а Серыш осознает, что оборотни такие же разные, как и люди.

И сама судьба тому будет благоприятствовать. Ведь на свадьбе зародилась новая пара — смешливая Мира и серьезный Клей.

Теперь у мужа не будет причины ревновать меня к крепьшу. Он же слышит прекрасно, как сбивается сердце Клея при появлении Миры! А у Клея будет повод появляться в нашем замке снова и снова, пока он не станет в глазах Харальда своим.

В здешних местах есть милая традиция — беременная первенцем проходит под ветвями старолиста и загадывает желание. Прямо сейчас я стою под этим раскидистым деревом, задумчиво поглаживаю свой едва выпирающий животик и чувствую, что все будет хорошо и эта история продолжится со счастливым исходом для каждого ее участника. Потому что на правах впервые беременной я желаю этого от всего сердца.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net